

Василія Охридскаго, архієпископа (митрополита) Солунскаго, неизданное надгробное слово

НА СМЕРТЬ ИРИНЫ, ПЕРВОЙ СУПРУГИ ИМПЕРАТОРА МАНУИЛА
БОМНИНА.

Издаваемое нами произведеніе византійскаго церковнаго красно-рѣчія заслуживаетъ вниманія и по имени автора, которому принадлежитъ, и по значенію той личности, кончину которой оплакиваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по нѣсколькимъ новымъ даннымъ общеисторическаго характера, какія въ немъ заключаются. Въ послѣднемъ отношеніи оно можетъ быть присоединено къ числу источниковъ, объясняющихъ нѣмецко-византійскія отношенія, съ которыми связанъ былъ и ходъ втораго крестоваго похода. Прибавимъ, что въ рукописяхъ рѣчь Василія Охридскаго встрѣчается крайне рѣдко: мы нашли ее не въ полномъ видѣ въ синайскомъ сборникѣ, поступившемъ отъ преосв. Порфирія въ Императорскую Публичную библіотеку, а недостающее было выполнено по нашей просьбѣ В. Э. Регелемъ во время его пребыванія въ Эскуріалѣ, гдѣ находится другой и полный ея списокъ. Впрочемъ, объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ введенія, которое мы посвящаемъ собранію и провѣркѣ доселѣ извѣстныхъ данныхъ о личности автора и самой императрицы Ирины.

I.

Василій Охридскій.

Въ ученыхъ справочныхъ пособіяхъ, каковы списки іерарховъ восточной церкви и каталоги греческихъ рукописей, мы находимъ о Василіѣ Охридскомъ, архієпископѣ или митрополитѣ Солунскомъ (оба титула употребляются безразлично и при томъ соотвѣтственно съ ви-

зантійскою терминологією), слѣдующія свѣдѣнія. Прежде чѣмъ сдѣлаться митрополитомъ въ Фессалоникѣ (Солунѣ) онъ былъ патріаршимъ протонотаріемъ въ Константинополѣ. На своей епископской каедрѣ онъ считается преемникомъ *Никиты*, упомянутаго въ одной случайной замѣткѣ о солнечномъ затмѣніи 1133 года (Montfaucon, Palaeogr. graeca, p. 60?), и предшественникомъ *Константина*, который былъ виновникомъ одного синодальнаго постановленія въ 1169 году. (Rhally, Syntagma V. 98). Въ 1155 году Василій былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и ученыхъ іерарховъ греческой церкви и поэтому папа Адрианъ IV (1154 — 1159), отправляя къ императору Мануилу Комнину посольство для переговоровъ о соединеніи церквей, обратился къ Василю Фессалоникійскому съ особымъ письмомъ, требуя его содѣйствія и посредничества. Въ отвѣтъ на это Василю было написано извѣстное, дошедшее до насъ — вмѣстѣ съ палскою грамотою — отвѣтное посланіе. Въ 1156-мъ (или точнѣе 1157) году Василій участвовалъ въ мѣстномъ Константинопольскомъ синодѣ противъ Сотириха Пантевгена, какъ видно изъ дѣяній этого собора. Въ канонической литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ «Отвѣта на вопрошеніе о нѣкоторомъ бракѣ». Наконецъ ему принадлежитъ давно отмѣченный, но до сихъ поръ неизвѣстный разговоръ съ Генрихомъ, архіепископомъ Беневентскимъ, объ изхожденіи Святаго духа и равнымъ образомъ *пренія* съ латыняниномъ, тоже остающіяся въ рукописяхъ, можетъ быть тождественныя съ предыдущимъ разговоромъ, а можетъ быть и отличныя¹⁾. Съ изданіемъ слѣдующаго далѣе надгробнаго слова Василій вступаетъ въ кругъ церковныхъ ораторовъ столь блестящей эпохи церковнаго краснорѣчія, какимъ былъ вѣкъ Комниновъ, и долженъ будетъ занять свое мѣсто въ исторіи византійской литературы, какъ предшественникъ знаменитаго Евстаѳія Солунскаго — не по одной только церковной каедрѣ.

Мы считаемъ не лишнимъ ближе познакомиться съ данными, на которыхъ основаны вышеприведенныя указанія относительно Василя, чтобы извлечь, если возможно, болѣе точное и отчетливое представленіе

1) Le Quien, Oriens christianus I, 47. Fabricius-Harless, Biblioth. script. graec. IX, p. 11 (Lib. V, c. 14), VII, 752 (Lib. V, c. I), XI, 586. Lambecii Commentar. de bibliotheca. Vindobon. V, 39. Δημητρακόπουλος, Graecia orthodoxa, p. 22, 23. Остроумовъ, Введеніе въ православное церковное право. Томъ первый (Харьковъ, 1893), стр. 586.

о характерѣ его дѣятельности и о внѣшней послѣдовательности фактовъ его біографіи.

Усвоенное Василию прозваніе Охридскій указываетъ на его происхожденіе изъ города Охрида или Охриды въ Македоніи; въ византійскую эпоху, какъ и теперь, это былъ городъ по своему преобладающему населенію славянскій, въ X-мъ вѣкѣ онъ былъ столицею болгарскихъ царей, которые перенесли сюда и кathedру автокефальной болгарской митрополіи, оставшуюся здѣсь послѣ разрушенія перваго болгарскаго царства въ началѣ XI вѣка. Одинъ изъ іерарховъ этой кathedры въ концѣ XI и началѣ XII-го столѣтія, извѣстный своимъ высокимъ образованіемъ и литературною дѣятельностью, Теофилактъ Болгарскій ославилъ Охридъ, какъ обиталище грубыхъ неотесанныхъ варваровъ, чуждыхъ всякой греческой утонченности и даже греческаго языка, всюду приносящихъ съ собою непріятный запахъ овчинной одежды и т. д. Нѣтъ, однако, достаточнаго основанія предполагать, чтобы Василій по своему происхожденію былъ славянинъ или болгаринъ. Изъ данныхъ, заключающихся въ перепискѣ того же Теофилакта, мы видимъ, что вокругъ архіепископа, поставляемаго въ данную эпоху только изъ грековъ, собиралась пришлая толпа не только клириковъ того же происхожденія, но и разнаго рода кліентовъ и слугъ мірскаго чина, не принадлежавшихъ къ славянскому племени. Кромѣ обычнаго усвоеннаго за нимъ имени, Василій Охридскій имѣлъ и другое, встрѣчающееся рѣже, Калоса (Καλός), въ которомъ заключается, по видимому, несомнѣнное указаніе на греческое происхожденіе.

Первое упоминаніе о Василіѣ встрѣчается въ перепискѣ извѣстнаго тогда византійскаго ученаго литератора Іоанна Цеци (Τζέτζης). Въ сборникѣ его писемъ, изданномъ имъ самимъ, находится одно, адресованное патриаршему протонотарію господину Василию Охридскому ¹⁾. И такъ Охридскій уроженецъ нашелъ себѣ мѣсто въ средѣ константинопольскаго столичнаго клира Великой Церкви. Поводомъ къ написанію письма послужило для Цеци слѣдующее обстоятельство. Цеци выпустилъ въ свѣтъ свои извѣстныя схоліи на Ликофрона, которыя всѣ считали его собственнымъ произведеніемъ, подъ именемъ своего умершаго брата Исаака; многіе по этому поводу недоумѣвали, а другіе прямо подсмѣивались и остряли, что авторъ дошелъ до такого

1) Joannis Tzetzae Epistolae. edid. Theod. Pressel. Tubingae, 1851. См. pag 23: πρωτονοταρίφ τῷ πατριάρχικῳ κυρίφ, Βασιλίφ (sic) τῷ Ἀχρίδηνῳ и т. д.

помраченія, при которомъ возможно забвеніе своего собственнаго имени. Патріаршій протонотарій тоже выразилъ свое удивленіе, и удостоился получить разъясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ, Цеци, поступилъ такъ изъ подражанія еллинскому ваятелю Фидію, который подъ одною изъ своихъ статуй подписалъ имя своего гораздо менѣе искусстваго товарища и пріятеля (Агоракрита) — просто изъ одной дружбы къ нему: что могъ себѣ позволить Фидій, на то имѣлъ право и Цеци. Отсюда мы знакомимся съ археологическимъ педантизмомъ византійскаго схоласта, а также получаемъ право заключить, что патріаршій протонотарій близко интересовался тогдашними литературными явленіями и былъ замѣтнымъ лицомъ въ просвѣщенныхъ и ученыхъ кругахъ столицы. Письмо Цеци писано не ранѣе 1138 года, такъ какъ о смерти Исаака, случившейся именно въ этомъ году, говорится въ одномъ изъ *выше* помѣщенныхъ писемъ, а въ первой своей части (до 70 писемъ) эпистолярный сборникъ Іоанна Цеци, какъ доказано¹⁾, составленъ въ хронологическомъ порядкѣ; съ другой стороны — ни какъ не позже 1146 года, такъ какъ ниже встрѣчаются письма къ патріарху *Михаилу* Оксійскому, низложенному въ этомъ году. Митрополитомъ Солунскимъ былъ тогда, по всей вѣроятности, *Никита*, предшествующій въ спискахъ Василию.

Въ другомъ письмѣ Цеци, адресованномъ къ *Аннѣ Комнинѣ*, царственной прославленной писательницѣ, можно найти указанія на то, когда совершилась смѣна на Солунской каедрѣ, сопровождавшаяся переходомъ Василія изъ столицы въ Солунь съ архіерейскимъ саномъ. Цеци жаловался старой вдовствующей кесариссѣ, занятой въ то время сочиненіемъ исторіи своего отца, изданной вскорѣ подъ названіемъ Алексіады, на притѣсненія и обиды, терпимыя имъ со стороны ея придворной челяди, особенно ея конюшенныхъ прислужниковъ, отличавшихся крайнею наглостью и дерзостью. При этомъ случаѣ Цеци перебираетъ всю родню своего главнаго обидчика и находитъ поразказать о ней вещи весьма некрасивыя. *Цурихъ*, тесть его врага, былъ прежде священникомъ въ Адрианополѣ и за свои хорошія дѣла былъ лишенъ сана, отлученъ отъ церкви и удаленъ изъ города владыкою Адрианопольскимъ, а послѣ переселенія въ Константинополь былъ уличенъ въ злой ереси, вслѣдствіе чего патріархъ

¹⁾ См. особенно Hart, De Tzetzarum nomine vitis scriptis (Jahrbücher für classische Philologie. Zwölfter Supplementband, 1881), pag. 41—45.

Μιχαήλ въ предпрошломъ году (κατὰ τὸν πέρυσσι καιρόν) присудилъ его къ сожженію, да и сыну его сказанный патріархъ (ὁ ῥηθεὶς πατριάρχης) велѣлъ дать 36 ударовъ плетью: спасло только вмѣшательство и заступничество *нынѣшняго* Солунскаго владыки ¹⁾). Послѣднія слова указываютъ на то, что очень недавно на Солунской кафедрѣ возсѣдалъ не тотъ владыка, который ее занималъ въ моментъ написанія письма, и что послѣдній въ предпрошломъ году былъ еще въ Константинополѣ, и не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ *нынѣ*, а принималъ участіе въ судѣ надъ еретиками въ качествѣ духовнаго патріаршаго сановника. Такъ какъ между Никитою, который упоминается въ 1133 году, и Василиемъ намъ неизвѣстно никакого другого Солунскаго архіепископа то, очевидно, здѣсь нужно разумѣть нашего Охридскаго уроженца. Патріархъ Михаилъ, о которомъ Цеци выражается тоже какъ о патріархѣ минувшаго времени (иначе онъ не написалъ бы «сказанный» патріархъ, а святѣйшій патріархъ), оставилъ престолъ въ апрѣлѣ 1146 года. Итакъ, за нѣсколько времени до удаленія Михаила, нужно полагать въ 1145 году, если не въ концѣ 1144 г., вслѣдствіе кончинѣ Никиты престолъ Солунской епархіи занялъ Василій Охридскій. Во всякомъ случаѣ въ 1149 году, какъ увидимъ ниже, онъ уже исполнялъ въ предѣлахъ этой епархіи торжественно богослуженіе въ день Пасхи — въ присутствіи царя и царицы. Есть позднѣйшее письмо Цеци (№ 95, Pressel, pag. 84), написанное прямо «святѣйшему митрополиту Θεσσαλονικίῳ, господину Василю Охридскому» ²⁾, въ которомъ Цеци прославляетъ Василя какъ лучшаго изъ іерарховъ его времени и благодаритъ за доброе расположеніе и участіе: это высказалось между прочимъ въ томъ огорченіи, которое обнаружилъ Василій при полученіи извѣстія, — оказавшагося ложнымъ, — о смерти Іоанна Цеци. Невѣрное извѣстіе, впрочемъ не совсѣмъ лишен-

1) Pressel, Tzetzae epistolae № 55 pag. 45, 46. Издатель не вполне уразумѣлъ смыслъ своего текста и неправильно разставилъ знаки препинанія. Нужно читать такъ: ἐκ τῆς τοῦ Μωσηλῆ μονῆς, ἀπεδίωξαν βιαιοτέρως ὁ ἐπίσκοπος (Pressel: βιαιοτέρως. Ὁ ἐπ.) τε Ἀλσιάνων καὶ ὁ γεγωνὸς νῦν πρωτεύδικος. Τούτου (Pressel: πρωτεύδικος τούτου) τοῦ Τζουρίχου Ἀδριανοπλίτου τοῦ κατὰ τὸν πέρυσσι καιρόν—παρὰ τοῦ πατριαρχοῦ, κυρίου Μιχαήλ διαγνωσθέντος τελέως αἰρετικοῦ καὶ καυθῆναι ἀπειλούμενου, οὗ καὶ τὸν Τζουρίχον υἱὸν ὁ ῥηθεὶς πατριάρχης ἐκέλευσε λαβεῖν τριάκοντα ἕξ σκυτίνους πληγὰς ἄνω τῶν κατηχουμένων τῶν κορυφαίων ἀποστόλων. Ὁ δὲ νῦν Θεσσαλονίκης μεσιτεύσας ἐξέσωσε. Τούτου τοῦ ἀλιτηρίου Ἀδριανοπλίτου γαμβρὸς γεγωνὸς и т. д. (Pressel: ἀποστόλων). Ὁ δὲ νῦν — ἐξέσωσε τούτου — γαμβρὸς γεγωνὸς и т. д.

2) Τῷ ἁγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης κυρίῳ Βασιλείῳ τῷ Ἀχριδιώτῃ (l. Ἀχριδειώτῃ).

ное основанія, такъ какъ здоровье плодовитаго и почтеннаго ученаго становилось въ самомъ дѣлѣ очень плохо и онъ сильно страдалъ отъ недуговъ старости, было сообщено въ Солунь изъ *Дерстра* (Силистріи, Доростола) другимъ почитателемъ Іоанна Цеци тамошнимъ епископомъ Львомъ Харсіанитомъ. Къ какому времени слѣдуетъ отнести это второе посланіе Цеци къ Василию, нельзя опредѣлить, потому что во второй половинѣ сборника писемъ Цеци порядокъ ихъ перемѣшанъ — по причинѣ небрежности собирателей и переписчиковъ, о чемъ сдѣлана замѣтка въ самой оригинальной его рукописи (Pressel, pag. 61).

Для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что наши соображенія о возшествіи Василія на Солунскую кафедру въ 1145 году не опровергаются встрѣчающимся въ одномъ изъ промежуточныхъ писемъ Цеци упоминаніемъ о какомъ-то Константинѣ, тоже имѣющемъ близкое касательство къ архіерейской кафедрѣ: употребленъ оборотъ рѣчн, способный ввести — особенно при отсутствіи надлежащаго вниманія — въ напрасное заблужденіе и заставить думать о Константинѣ какъ митрополитѣ города Солуни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ указывается только на его непосредственную близость къ *миу* архіепископа и уже чрезъ это — на посредственное отношеніе къ Солуню, какъ кафедральному городу. У Цеци написано: ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος¹⁾, а это вовсе неравнозначительно съ другимъ болѣе обычнымъ выраженіемъ: ὁ Θεσσαλονίκης (= ὁ τῆς Θεσσαλονίκης). Последнее дѣйствительно означаетъ архіепископа Солуни, а первое — человѣка близкаго къ архіепископу Солуни²⁾.

1) Tzetzae epistolae № 61, ed. Pressel, pag. 56. Προσαγορευθήτω διὰ τῆς σῆς ὡς πρὸς ἡμᾶς καλλίστης ἀγάπης καὶ ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος. Можетъ быть и самое выраженіе προσαγορευθήτω — да будетъ привѣтствованъ — было бы недостаточно почтительно по отношенію къ митрополиту.

2) Въ актахъ собора 1157 года на Сотириха (Mai, Spicileg. rom. X, pag 2) въ перечисленіи присутствующихъ читается: ὁ Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, а ниже (pag. 22) ὁ θεοφιλέστατος πρωτέδικος Μιχαήλ ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης. У Тафеля (Supplem. historiae ecclesiast. graec., pag. 9) о томъ же самомъ лицѣ: ὁ τῆς Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, гдѣ неправильность объясняется, вѣроятно, просто палеографическимъ недоразумѣніемъ. Въ каталогѣ рукописей Эскуриальской библіотеки Э. Миллера (Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848) въ описаніи знаменитаго кодекса V. II. 20 (№ 262 у Миллера) обозначено одно произведеніе того же Михаила слѣдующимъ образомъ (pag. 212): τοῦ τοῦ Θεσσαλονίκης κύρ Μιχαήλ τοῦ ῥήτορος λόγος ἀναγνωσθεὶς εἰς τὸν αὐτοκράτορα κύρ Μανουήλ τὸν Κομνηνον. Рѣчь эта теперь издана В. Э. Регелемъ въ первомъ выпускѣ его *Fontes rerum Byzantin.* (Petropolis, 1892), pag. 131, но здѣсь при передачѣ написанія, благодаря вліянію классическихъ пре-

Наибольшую извѣстность Василию Охридскому, занявшему престолъ Солунской митрополіи, доставили его полемическія состязанія съ представителями римской церкви и сюда же относящаяся знаменитая переписка его съ папою Адрианомъ IV. Акты, излагающіе содержаніе публичныхъ диспутовъ Василия съ латинами, до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ и намъ извѣстны только по каталогамъ западныхъ бібліотекъ и по скуднымъ извлеченіямъ и замѣткамъ. По этому попытка дать себѣ болѣе точный отчетъ о взаимномъ отношеніи и хронологической послѣдовательности подразумѣваемыхъ документовъ и фактовъ, къ которымъ они относятся, встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Прежде всего намъ приходится заявить сомнѣніе въ правильности общепринятаго мнѣнія, что Василій имѣлъ только одно состязаніе съ латиняниномъ и что это было именно состязаніе съ (Генрихомъ) Беневентскимъ епископомъ, которое слѣдуетъ относить ко времени папы Александра III. Послѣднее давно извѣстно изъ описанія Вѣнской императорской бібліотеки Ламбеція (Ламбека), который, впрочемъ, привелъ изъ текста только вводныя слова, указывающія на вышеозначенную личность папскаго посланца. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появилось описаніе греческихъ рукописей Мюнхенской бібліотеки; ученый еллинистъ Гардтъ (Hardt), его составитель, отмѣтивъ здѣсь два экземпляра «Бесѣды святѣйшаго митрополита Θεσσαλονικійскаго (Солунскаго) Василия Охридскаго — съ нѣкимъ латиняниномъ, присланнымъ отъ Римскаго (папы) къ царю Мануилу», прибавилъ отъ себя замѣтку относительно тождества сей бесѣды или разговора съ содержаніемъ Вѣнской рукописи, въ которой вмѣсто *нѣкоего* латинянина прямо названъ Беневентскій епископъ. Слѣдя въ третьемъ томѣ своего прославленнаго труда о патріархѣ Фотіѣ за развитіемъ послѣдствій начавшагося въ IX-мъ вѣкѣ раздѣленія церквей, Гергенрёттеръ сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ мюнхенскихъ рукописей, и хотя онъ вѣнской не видѣлъ, все-таки онъ послѣдовалъ Гардту въ томъ отношеніи, что предполагалъ между всѣми тождественность содержанія и подтвердилъ ту мысль, что выводимый въ его извлеченіяхъ на сцену

дубѣжденій, въ текстѣ второе τοῦ, какъ варварское, опущено, и сохранилось только внизу въ разночтеніяхъ. По византийскому словоупотребленію оно, очевидно, необходимо. Ὁ τῆς Θεσσαλονίκης относительно все того же Михаила мы встрѣтимъ въ изданіяхъ исторіи Никиты Хониата (Nicet. de Manuele Lib. VII, с. 5. Bonn. 275, 23); но имѣемъ основаніе и здѣсь подозрѣвать неисправность несвѣдущаго писца или издателя.

латынянинъ есть именно Беневентскій епископъ Генрихъ¹⁾. Вотъ въ этомъ именно мы и сомнѣваемся, и въ самомъ текстѣ, сообщенномъ Гергенрѣтеромъ, находимъ основанія для совсѣмъ другаго предположенія. Во второмъ изъ двухъ собесѣдованій, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тогда же записанныхъ, когда рѣчь шла объ исхожденіи Святаго духа (о Filioque), латынянинъ, настроенный, по всѣмъ признакамъ, весьма уступчиво, заявилъ между прочимъ, что *послѣ* своей встрѣчи или бесѣды съ покойнымъ епископомъ *Никомидійскимъ*, онъ написалъ по данному вопросу собственное сочиненіе и въ этомъ сочиненіи съ прямымъ и искреннимъ расположеніемъ отнесся къ греческому воззрѣнію, какъ согласному съ изреченіями святыхъ отцевъ, принимая его въ томъ смыслѣ, что Духъ исходитъ отъ отца ἀρχικῶς, подобно тому какъ сынъ—γεννητικῶς²⁾. Итакъ собесѣдникъ митрополита Василія имѣлъ еще ранѣе того сношенія съ греческимъ высшимъ духовенствомъ и нѣкогда бесѣдовалъ съ архіепископомъ Никомидійскимъ. Но развѣ намъ неизвѣстно, какое имя изъ среды западныхъ богослововъ можетъ быть поставлено рядомъ съ Никомидійскимъ митрополитомъ? Это есть *Ансельмъ*, епископъ *Гавельсбергскій*, а потомъ—въ концѣ жизни—Равеннскій архіепископъ, два раза съ порученіями отъ двухъ нѣмецкихъ государей посѣтившій Константинополь. Именно онъ воздастъ величайшія похвалы уму, образованію и учености Никомидійскаго архіепископа Никиты, который во время его пребыванія въ Константинополѣ былъ однимъ и при томъ самымъ выдающимся въ числѣ *двенадцати дидаскаловъ*, завѣдующихъ свѣтскою и духовною или богословскою наукою³⁾, и въ этомъ качествѣ явился достойнымъ его соперникомъ въ публичномъ преніи, устроенномъ по волѣ императора Калоіоанна въ 1135 году въ Константинополѣ. Имя Никиты Никомидійскаго напоминаетъ Ансельма Гавельсбергскаго. Сей послѣдній дѣйствительно написалъ книгу, въ которой изложилъ содержаніе своей состязательной бесѣды съ греческимъ іерархомъ и при томъ издалъ оную не сейчасъ, а на нѣсколько лѣтъ позже послѣ возвращенія изъ первой поѣздки въ Константинополь

1) Hergenröther, Photius, Patriarch von Constantinopel, III, 807.

2) Ἐγὼ δὲ καὶ τὴ περισσώτερον εἰς πληροφορίαν προστίθημι, ὡς ἐξ ἑτοῦ τῆ μακαρίῳ Νικομηδείας συνέτυχον, καὶ πόνημα συντέταξα ἴδιον τὰ ὑμέτερα περιθάλπον ἐξ εἰλικρινείας καὶ ἀπὸ χρησέων ἀγίων ἀνδρῶν δοξαζόντων ἀρχικῶς τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι и т. д.

3) Qui juxta morem sapientium graecorum, et liberarium artium et divinarum scripturarum studia regunt.

и бывшаго тамъ пренія¹⁾. Что еще важнѣе и рѣшительнѣе, въ этой книгѣ мы находимъ воззрѣнія, прямо соответствующія вышеприведенной (изъ Гергенрётера) выдержкѣ изъ бесѣды мнимаго Генриха Беневентскаго съ Василиемъ Солунскимъ. *Ex his verbis beatorum doctorum Hieronymi et Augustini satis concedendum puto, Spiritum Sanctum proprie et principaliter (= ἀρχικῶς) ex Patre tanquam ex prima causa procedere — et cet.* (Dialogi, Lib. II, cap. 25 Migne, Patr. latin CLXXXVIII, 1206). Вотъ на эти именно слова свои и ссылается, по видимому, собесѣдникъ Василия Солунскаго (Охридскаго) — уже въ другомъ своемъ диспутѣ, когда прежняго его собесѣдника Никиты Никомидійскаго не было въ живыхъ и когда пришлось вести преніе вмѣсто Константинополя въ Солунѣ. Такой второй диспутъ Ансельма Гавельсбергскаго, правда, не отмѣченъ прямо въ какихъ-либо другихъ современныхъ источникахъ, но что онъ былъ возможенъ, это легко доказать съ полною очевидностью. Мы уже сказали, что Ансельмъ былъ посломъ при византійскомъ дворѣ два раза. Свою книгу о различіяхъ между восточною и западною церквями, въ которой содержится изложеніе преній съ Никитою Никомидійскимъ, онъ написалъ по внушенію папы Евгенія III въ 1149 или 1150 году. Затѣмъ въ 1154 году онъ находится въ числѣ приближенныхъ императора Фридриха Барбароссы, который тогда озабоченъ былъ поддержаніемъ союза съ царемъ Мануиломъ. Для скрѣпленія основанной при его дядѣ, Конрадѣ III, дружбы Барбаросса завязалъ переговоры о выдачѣ за него замужъ одной изъ византійскихъ принцессъ, племянницы Мануила, Маріи. Два посольства одно за другимъ были съэтою цѣлью отправляемы въ Константинополь, и во главѣ втораго стояли Ансельмъ Гавельсбергскій и норманскій баронъ Александръ Гравина, который точно также не въ первый разъ туда ѣхалъ²⁾. Обыкновенный путь въ греческую столицу велъ тогда чрезъ Адриатическое море и по старой римской дорогѣ (Via Egnatia) отъ Диррахія (Драча) черезъ Θεσσαλονικυ. Здѣсь въ началѣ 1155 или въ концѣ 1154 года

1) Въ прологѣ къ своей книгѣ, (издана впервые у D' Achery — Spicilegium tom. X, p. 161 et seq., перепечатана у Миня (Patrol. latin. t. CLXXXVIII, p. 1139—1247) и въ рукописи названа Ἀντιθέσιον contrapositionum et cet.) Ансельмъ сообщаетъ, что онъ изложилъ свои собесѣдованія и пренія съ греками по желанію папы Евгенія III, изъявленному при встрѣчѣ въ Тускулумѣ, а это относится къ 1149 году. Ср. Langen, Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII (Bonn, 1893), 396.

2) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, V, 37.

нѣмецкіе послы должны были встрѣтиться съ мѣстнымъ митрополитомъ, и Ансельмъ, имѣвшій старыя знакомства среди греческой іерархіи и за-вѣдомый почитатель ученыхъ ея представителей, не могъ уклониться отъ встрѣчи съ Василиемъ, а бесѣды и состязанія о *Filioque* и опрѣсновахъ были уже его специальностью. Однимъ словомъ, бесѣда Василя Охридскаго съ латыняниномъ, содержаніе которой изложено въ Мюнхенскихъ сборникахъ, есть бесѣда съ Ансельмомъ, происходившая въ 1155 году, и не должна быть смѣшиваема съ другимъ, позднѣйшимъ состязаніемъ, когда совопросникомъ былъ Генрихъ Беневентскій (если только имя послѣдняго въ Вѣнской рукописи не есть плодъ какого-нибудь недоразумѣнія). Утверждаемый нами диспутъ Василя съ Ансельмомъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе другаго знаменитаго документа, относящагося все къ тому же 1155 году; мы разумѣемъ посланіе къ Василю Охридскому папы Адріана IV вмѣстѣ съ послѣдующимъ отвѣтомъ греческаго іерарха. Въ апрѣлѣ этого года, послы Барбароссы воротились изъ Константинополя съ благопріятнымъ отвѣтомъ и Ансельмъ въ награду за его труды и заслуги сдѣланъ былъ Равеннскимъ архіепископомъ¹⁾. Въ этомъ званіи въ самомъ началѣ іюня онъ былъ посредникомъ между Фридрихомъ Барбаросою и папою Адрианомъ, когда рѣчь шла объ условіяхъ коронованія прибывшаго въ Италію нѣмецкаго короля и о выдачѣ Арнольда Брешианскаго въ руки римскихъ кардиналовъ²⁾. Изъ устъ самого Ансельма папа долженъ былъ узнать между прочимъ о Солунскомъ состязаніи и объ архіепископѣ Василю. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ Василій прямо предполагаетъ, что причиною благосклоннаго о немъ мнѣнія папы были отзывы недавно бывшихъ въ Солунѣ и бесѣдовавшихъ съ нимъ западныхъ людей. Онъ разумѣетъ Ансельма и Александра Гравину. Въ данный моментъ папа Адрианъ, хотя и не былъ въ открытомъ разрывѣ съ Фридрихомъ Барбароссою, но, однако, не выполнѣ ему довѣрять и прикрывался въ своихъ дѣйствіяхъ коллегіею кардиналовъ; и въ посланіи къ Василю есть указаніе, столь необычное для другихъ папскихъ грамотъ, на участіе ихъ въ дѣйствіяхъ верховнаго римскаго первосвященника. По видимому, папа Адрианъ IV не особенно радовался сближенію Барбароссы съ византійскимъ императоромъ и хотѣлъ пере-

1) Otton. Freising. *Gesta Friderici*. Lib. II, cap. 20.

2) Giesebrecht. *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, V, 59. Langen, *Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII bis Innocenz III*, 418.

вести вопросъ о союзѣ Востока и Запада на церковную почву, что, впрочемъ, не исключало возможности воспользоваться достигнутымъ воссоединеніемъ (унією) или даже одною перспективою соглашенія и для мірскихъ политическихъ цѣлей. Впрочемъ, папа Адрианъ увѣряетъ, что онъ не имѣлъ въ виду личныхъ честолюбивыхъ цѣлей—вѣроятно, подразумѣвая другихъ, которымъ онѣ были не чужды при подобныхъ же стремленіяхъ.—Итакъ, находясь въ ссорѣ съ королемъ южно-итальянскихъ норманновъ, которые обыкновенно служили опорою папскаго престола въ борьбѣ съ императорскими притязаніями, недовольный также новымъ недавно коронованнымъ императоромъ Фридрихомъ Барбаросою, который не хотѣлъ сейчасъ же заняться усмиреніемъ непокорнаго папѣ вассала, короля обѣихъ Сицилій Вильгельма, Адрианъ IV съ своей стороны готовъ былъ протянуть дружественную руку Византійскому императору, исконному врагу норманновъ, преслѣдовавшему въ то время широкій планъ возстановленія византійскаго господства въ южной Италіи; какъ это было естественно и обычно, политическое сближеніе поднимало вопросъ объ уничтоженіи церковнаго раздора. Въ связи съ политикою обѣихъ сторонъ находится знаменитое посланіе папы Адріана къ архіепископу Василию Солунскому, которое приходится по этому относить къ 1155 году¹). «Со времени отдѣленія Константинопольскаго престола отъ Римскаго, писалъ папа, со времени отступленія дѣтей отъ послушанія своей матери, предшественники наши прилагали много старанія и трудовъ для уничтоженія *схизмы* и для возвращенія отпавшихъ къ единству вѣры. Наслѣдовавъ отъ нихъ вмѣстѣ съ апостольскимъ престоломъ заботу о всѣхъ церквахъ, сущихъ во вселенной, и опасаясь отвѣтственности предъ Богомъ, о которой говоритъ пророкъ (приводится текстъ изъ Іезекіиля 34, 4), я хочу содѣйствовать приведенію всѣхъ чадъ къ единенію вѣры, къ отысканію потерянной драхмы, — научаемый словами апостола, повелѣвающими настоять благовременно и безвременно, и примѣромъ самого Господа славы, ради спасенія людей склонившаго небеса, низшедшаго на землю и принявшаго зракъ раба, чтобы возвратить потерянную овцу своему стаду. Посему, нашъ во

1) Оно напечатано было сначала у Леунклавія (Leunclavii Jus Graeco-romanum t. I, 305), затѣмъ перепечатано у Миня (Patrologia gr., t. CXIX, 925—933). Подробное изложеніе въ *Анналахъ* Бароніа. На рускомъ языкѣ содержаніе правильно передано (по Баронію) у Катанскаго, *Попытки* къ соединенію церквей (С.-Петербургъ, 1868), стр. 59—60. Ср. Hergenröther, Photius III, 806—807. Pichler, Geschichte der kirchlichen Trennung I, 190.

Христѣ братъ, мы убѣждаемъ тебя этою грамотою внимательно раздумать о томъ, что существуетъ одна только церковь и одинъ ковчегъ священія, въ которомъ каждый изъ вѣрныхъ долженъ спастись отъ потопленія, и согласно съ тѣмъ стремиться всѣми способами къ ея (церкви) воссоединенію. Да размыслить твоя разумность, что церковь Божія не можетъ стоять будучи раздѣленною, что она была вручена блаженному Петру, правителю всѣхъ вѣрныхъ, что святые отцы, просвѣщенные Святымъ Духомъ, повелѣли имѣть римской церкви во всемъ первенство ¹⁾ и постановили, чтобы къ ея мнѣнію обращалось сужденіе всѣхъ ²⁾ ради спасенія своей души и стяжанія неувядаемой славы. Бдително внимай сначала у себя самого, а потомъ и у другихъ, чтобы твое стадо соединилось съ церковію и господни овцы обратились подъ паству блаженнаго Петра, который принялъ о нихъ попеченіе отъ Господней заповѣди. Мы при этомъ ищемъ не временной преходящей славы; мы исповѣдуемъ себя рабами рабовъ Божиихъ. Но если мы знаемъ, что Господь и учитель нашъ, чтобы воскресить одного мертвеца, совершилъ длинный путь, плакалъ надъ гробомъ и сказалъ: «Лазаре! гряди вонъ», то и мы считаемъ недостойнымъ ударить талантъ господина и пренебречь тѣми, которыхъ можемъ духовно (ἐν ψυχῇ) воскресить. Впрочемъ, усердно предаемъ любви твоей нашихъ возлюбленныхъ дѣтей — Балдуина и Балдиціона (Βαλδισίονιν), носителей этой грамоты, посланныхъ къ возлюбленнѣйшему нашему сыну, императору Константинопольскому Еммануилу, отъ благочестиваго собранія (ἀπὸ τοῦ εὐσεβεῶς ἀδροίσματος), прося, ради любви къ Богу, блаженному Петру и апостольскому престолу—съ милостивымъ воззрѣніемъ подавать имъ утѣшеніе въ ихъ нуждахъ. О твоёмъ же здравіи желаемъ узнать изъ твоего къ намъ писанія».

Вотъ чтò на это отвѣчалъ греческій іерархъ. «Прочитали мы твое посланіе, святѣйшій папа, и познали всю высоту твоей мысли, глубину твоего смиренія и широту твоей любви къ Богу, вслѣдствіе которой твое апостольское сердце, далекое отъ какой-либо узкости, напротивъ расширяется для принятія и приобрѣтенія христіанъ во всѣхъ церквахъ. Мы услышали голосъ отца, а еще болѣе голосъ архипастыря. Какъ отецъ, ты собираешь подъ отеческое твое лоно (κόλπον) и кажущихся отчужденными отъ тебя сыновей; какъ пастырь ты по-

1) Πῶς οἱ ἄγιοι πατέρες πασῶν ἐκκλησιῶν τὰ πρωτεῖα ἀπλῶς ἔχειν ἐκέλευσαν τὴν ἱερὰν καὶ ἁγίαν Ῥωμαίων ἐκκλησίαν.

2) γνώμην ἀναφέρειν-ἐτύπωσαν.

учаешь насъ пастырской и боговнушенной твоей наукѣ—не небречь о паствахъ нашихъ, но всѣми силами заботиться о нихъ и усердно врачевать то, чтò находится въ худомъ положеніи. Мы услышали, что ты призываешь насъ къ себѣ, и обратились на твой голосъ. Но всячески, если бы мы считали себя сынами чуждыми вашей святости или бы настроены были къ отчужденію отъ твоего пастырскаго попеченія, то, конечно, мы не признали бы этотъ голосъ за отеческій и не обратились бы на голосъ пастуха, наигрывающаго призывъ къ возврату (ὡς ποιμένος τὸ ἀνακλητικὸν ἄδωντος); ибо, по слову Господа, никто никогда не признаетъ голоса чужихъ, но скорѣе убѣгаетъ отъ него. Итакъ, къ чему образъ потерянной драхмы? Мы не признаемъ себя когда-либо выпавшими отъ твоего лона (κόλπον), равнымъ образомъ мы не отказываемся ни отъ сыновства, ни пастырства (принадлежности къ твоей паствѣ), чтобы быть такъ укоряемыми; по милости Божіей, мы стоимъ твердо и неподвижно на исповѣданіи блаженнаго Петра. Того, котораго онъ исповѣдалъ и проповѣдалъ, и мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, не вводя какого-либо новшества въ постановленномъ соборне святыми отцами, не прибавляя къ евангельскимъ и апостольскимъ словамъ ни одной черты, ни одной іоты. Мы знаемъ отъ проповѣдника языкамъ (апостола Павла), какъ велико наказаніе, угрожающее на то дерзающимъ. «Если я или ангель съ небеси возвѣститъ вамъ чтò либо сверхъ того, что вы приняли, анаѐма да будетъ»¹⁾. Страшась сего, мы совершаемъ животворящую и безкровную жертву, какъ онъ предалъ намъ, принявъ отъ Господа (разумѣется причащеніе на квасномъ хлѣбѣ) Если бы мы обезумѣли на подобіе тѣхъ пастырей, о которыхъ съ плачемъ говоритъ пророкъ Іеремія (приводится текстъ), если бы мы были таковы для тебя (въ глазахъ твоихъ), святѣйшій отецъ, то какъ иначе ты могъ бы назвать насъ какъ не заблудшими овцами или потерянною драхмою и многодневнымъ мертвецомъ, лежащимъ во гробѣ? Но не думай такъ о насъ; ибо мы не знаемъ другаго основанія кромѣ лежащаго, и это самое мы—я и всѣ находящіеся подъ великимъ и апостольскимъ константинопольскимъ престоломъ—тебѣ сообщаемъ и такъ учимъ. Одно въ обѣихъ церквахъ глаголемое слово вѣры, одинъ агнецъ приносится въ жертву—взимающій грѣхи міра Христосъ—какъ у сущихъ на западѣ архіереевъ, находящихся подъ твоею главен-

1) Галат. I, 8.

ственною верховностію, такъ и у насъ восточныхъ, отъ высокаго константинопольскаго престола приѣмлющихъ свѣтъ священства, хотя нѣкоторыя маловажныя вкрашіяся посреди преткновенія (*προσκομιματα*) и раздѣлили насъ, сдѣлавъ *многими* тѣхъ, кто одного и того же духа. Устранить это изъ среды насъ, какъ нѣкіе камни, по слову пророка, отпихнуть съ дороги, сдѣлать единство церквей непреткновеннымъ (*ἀσπρόσκοπον*)—будетъ дѣломъ твоей святости, хриstopодражательно принимающей съ неба и раздѣленное собрать какъ желающей, такъ и могущей. Мы же и малы, и малымъ стадомъ управляемъ, владѣя скромнымъ и только каплями (текущимъ) словомъ и будучи чужды всякой добродѣтели, хотя Ваша святость и составила себѣ самое высокое о насъ представленіе, бывъ введена въ заблужденіе любовію къ намъ сюда приходившихъ (*ἐνταῦθα ἐπίδεδημηκότων*) и бесѣдовавшихъ съ нами. Ваше совершенство, и по (занимаемому) престолу, и по знанію, и по блеску жизни нося образъ и подобіе Христа, конечно будетъ въ силахъ устранить раздѣляющіе насъ соблазны (*σκάνδαλα*) и возвратитъ церквамъ единство и нераздѣльность. Ваша святость имѣетъ въ этомъ единомышленника и пособника въ лицѣ нашего державнѣйшаго и великаго въ царяхъ государя, наивысшаго по благочестію, непобѣдимого по могуществу, непревосходимаго по мудрости, котораго манію и мы подчинимся и котораго владычней волѣ какъ рабы послужимъ».

Мы намѣренно привели эту переписку почти въ полномъ и возможно точномъ переводѣ, потому что она, очевидно, служить для характеристики современныхъ догматическихъ воззрѣній на раздѣленіе церквей, обращавшихся въ XII вѣкѣ, а о второй ея части можно кромѣ того сказать, что здѣсь довольно ярко выражается собственная личность писавшаго, характеръ его ума, степень образованія и т. д. Мы не рѣшаемся утверждать, что въ отвѣтѣ Василія папѣ слышится оттѣнокъ тонкой ироніи, какъ выразился одинъ ученый, но неподлежитъ сомнѣнію, что здѣсь все отъ начала до конца—начиная съ похвалы смиренію папы, который сравнивалъ себя съ Христомъ, спешшимъ съ небесъ для спасенія людей, и широтѣ его любви—проникнута извѣстною византійскою тонкостью¹⁾.

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви XI—XV вѣковъ, стр. 108, полагаетъ, что Василій—съ *цѣлію уколотъ папу*—доказывалъ существованіе двухъ высшихъ первосвященниковъ въ христіанскомъ мірѣ—папы и константинопольскаго патріарха. Kattenbusch, Die orthodoxe Kirche (Freiburg 1892) S. 126, вслѣдъ за Пихлеромъ: Der Grieche antwortete mit der feinsten Ironie.

Къ 1155 году относится возникшее въ Константинополѣ волненіе по поводу догматическаго толкованія словъ «азъ есмь приносяи и приносимый и пріемлющій», о которомъ мы теперь имѣемъ подробный разсказъ въ недавно вышедшей книгѣ Θ. И. Успенскаго. Въ январѣ *слѣдующаго* года состоялось первое соборное совѣщаніе, вызванное починомъ новоизбраннаго русскаго митрополита Константина, на которомъ были осуждены главные виновники и распространители мнѣній, признанныхъ ложными и еретическими, въ числѣ ихъ и *Михаилъ* изъ Солуня, совѣмъ неправильно принимаемый однимъ нѣмецкимъ, а вслѣдъ за нимъ и однимъ русскимъ ученымъ за Солунскаго митрополита ¹⁾. На этомъ соборѣ 1156 года, на которомъ былъ осужденъ прежній его сотоварищъ по принадлежности къ клиру Великой церкви, Василій, по видимому, не присутствовалъ, потому что имени Θεσσαλονικίησкаго архіепископа вообще не названо въ документѣ, содержащемъ перечисленіе соучастниковъ собора. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣкоторый слѣдъ близкой заинтересованности Василія ходомъ предстоявшихъ соборныхъ совѣщаній. Въ собраніи различныхъ выдержекъ изъ сочиненій прежнихъ учителей и отцевъ церкви, приготовленныхъ для собора и по обычаю долженствовавшихъ быть прочтанными для установленія настоящаго церковнаго преданія, первое мѣсто занимаетъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія объ опрѣснокахъ митрополита Льва Болгарскаго: если мы правильно понимаемъ выраженія сопровождающаго отрывокъ надписанія, то выдержка сообщена была именно Василіемъ Охридскимъ, на мѣстѣ своей родины имѣвшимъ полную возможность лучше другихъ ознакомиться съ сочиненіями Льва, резиденціею котораго былъ тотъ же Охридъ. Въ изданіи кардинала Май слова отрывка надписаны такъ: τοῦ κυροῦ, Λέοντος τοῦ Βουλγαρίας τοῦ πρωτοπροβλήτου παρὰ τοῦ μακαρίτου καλοῦ ἤτοι Βασιλείου ἐκ τῆς περὶ τῶν ἁζύμων ἐπιστολῆς αὐτοῦ [Льва Болгарскаго первопредложеннаго (или первоизбраннаго) отъ блаженнаго (покойнаго) добраго (калоса) или Василія изъ его посланія объ опрѣснокахъ]. Предложеніе кардинала Май вмѣсто кажущихся безсмысленными

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви, стр. 234: «*Михаила, митрополита Θεσσαλονικίησкаго*» при повѣтствованіи о соборахъ 1156 года и 1157 (у него 1158 г.), и очевидно вслѣдъ за Дрэзеке, который въ статьѣ своей о Николаѣ Меонскомъ этуо разницею именъ двухъ очень де близкихъ по времени іерарховъ Солуня пользуется какъ аргументомъ для доказательства своихъ ложныхъ хронологическихъ соображеній (см. ниже, примѣч. на стр. 71).

словъ *παρὰ τοῦ μακαρίτου καλοῦ ἤτοι Βασιλείου* читать *παρὰ τοῦ Καλαφάτου βασιλέως* (первопредложеннаго царемъ Калафатомъ) совершенно неудачно, потому что даже годъ воцаренія Михаила Калафата (1041) не сходится съ указываемымъ годомъ избранія Льва (1040), а сверхъ того и наименованіе царя просто однимъ прозвищемъ было бы крайне странно. Приходится предпочесть простѣйшее объясненіе, котораго никто не догадался ранѣе высказать и при которомъ *Καλῶ* (съ прописною буквою) будетъ считаться другимъ собственнымъ именемъ Василія, на что дальше окажутся хорошія основанія. Странно только то, что Василій названъ *покойнымъ* (*μακαρίτου*, блаженнымъ), но нужно припомнить, что мы имѣемъ не подлинныя протоколы синода, а позднѣйшую обработку ихъ, дошедшую до насъ чрезъ посредство Никиты Акомината изъ Хонъ¹⁾. За то вполне несомнѣнно участіе Василія въ другомъ соборномъ засѣданіи 12 мая 1157-го года, на которомъ дѣло шло уже о изверженіи изъ церковнаго клира новоизбраннаго антиохійскаго патріарха Сотириха Пантевгена, ранѣе принадлежавшаго тоже къ средѣ столичнаго духовенства и тутъ заразившагося мнѣніями, осужденными въ началѣ предыдущаго года: хотя Сотирихъ и покорился вновь засвидѣтельствованному правильному общецерковному пониманію смысла извѣстныхъ словъ, однако сдѣлалъ это только послѣ долгаго упорства и потому большинствомъ признанъ былъ—не то чтобы подлежащимъ какому суровому наказанію, а только неспособнымъ и непригоднымъ къ учительству и руководительству церковному, соединяемому съ іерархическими должностями архіерея или священника. Василій же былъ въ числѣ семи членовъ собора, которые 12 мая составляли меньшинство и желали отложить до дальнѣйшаго разсмотрѣнія вопросъ о низложеніи Сотириха. Къ сожалѣнію подписей при протоколѣ этого засѣданія, сообщаемомъ Никитою Хоніатомъ, нѣтъ, а въ перечисленіи присутствующихъ есть сомнительныя чтенія или по крайней мѣрѣ

1) Въ актахъ, очевидно, подвергшихся при обработкѣ Никиты нѣкоторымъ измѣненіямъ, встрѣчается одна еще бѣльшая странность такого рода: въ числѣ духовныхъ особъ, засѣдавшихъ въ собраніи собора 12 мая, поименованъ патріархъ константинопольскій *Константинъ* (pag. 61: τοῦ Κωνσταντινουπόλεως Κωνσταντίνου), а подъ протоколомъ засѣданія 13 мая (pag. 88) вмѣсто того встрѣчаемъ подпись смиреннаго монаха *Луки*, Божіею милостію *архієпископа константинопольскаго*, который соглашается съ тѣмъ, что было написано въ подлежащемъ томъ при бывшемъ прежде насъ блаженнѣйшемъ патріархѣ Константиנѣ, и скрѣпяетъ это свое согласіе подписью. Ὁ ταπεινὸς μοναχὸς Λουκᾶς καὶ ἕλεϕ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος νέας Ῥώμης—ὄρισας ὑπέγραψα. И такъ, мы имѣемъ редакцію протоколовъ собора несовременную, а пересмотрѣнную позднѣе.

разногласіе въ двухъ печатныхъ изданіяхъ подлежащаго текста. У кардинала Май мы находимъ (Spicilegium rom. X, 61):

τοῦ Θεσσαλονίκης Βασιλείου. . . .

τοῦ Λαοδικείας Καλοῦ;

а въ прежнемъ изданіи Тафеля (Supplementa historiae ecclesiast. graec., pag. 19):

τοῦ Θεσσαλονίκης Κυρίλλου.

τοῦ Λαοδικείας Βασιλείου.

Тутъ произошла нѣкоторая путаница; но сомнѣнія разрѣшаются полною подписью архіепископа Солунскаго подъ протоколомъ собранія 13-го мая (на другой день послѣ предыдущаго), когда Сотирихъ, не явившійся на засѣданіе по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, окончательно проигралъ свое дѣло, то есть, былъ присужденъ къ изверженію изъ духовнаго чина. Архіепископъ Солунскій, въ особенно торжественной и длинной формулѣ заявившій о своемъ единомысліи со всѣми другими членами, назвалъ себя Калось (Mai, Spicileg. rom. X, 91: Ὁ εὐτελής ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης Κάλος. ἀκολούθως τοῖς ἄλλοις καὶ αὐτὸς ὄρισας ὑπέγραψα), а тождественность лица, носящаго такое имя, съ нашимъ Василиемъ Охридскимъ ясна изъ предыдущаго и особенно изъ замѣтки καλοῦ ἦτοι Βασιλείου ¹⁾.

1) Нѣмецкій ученый Дрѣзекъ (Dräseke, Zu Nicolaus von Methone: Zeitschrift für Kirchengeschichte IX (1887) S. 414), стараясь доказать, что между соборомъ 1156 года и другимъ—по его 1158 г., который прежде относили тоже къ 1156 году, былъ значительный промежутокъ, ссылается между прочимъ на разницу въ наименованіяхъ солунскаго архіепископа: на первомъ является *епископомъ* Михаилъ, а на второмъ ein anderer, Namens Kalos. Откуда взялся Михаилъ, Солунскій митрополитъ, мы уже знаемъ. Теперь нужно сказать, что Дрѣзекъ вообще надѣлалъ очень много ошибокъ въ своихъ хронологическихъ вычисленияхъ о соборѣ 1157-го года (у него 1158) и совершенно незаслуженно получилъ за нихъ похвалу отъ русскаго ученаго: Дрѣзекъ, де, *основательно* доказалъ, что соборъ собирався въ 1158-мъ году (А. Лебедевъ, Очерки византійской церкви въ XI—XV вѣкахъ. Москва, 1892, стр. 54). Вѣрнѣе было бы сказать, что Дрѣзекъ здѣсь обнаружилъ полное незнаніе дѣла и даже неумѣніе справиться съ разчисленіемъ индиктовъ. Что майское собраніе собора было въ 1157 году объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ стоящая въ началѣ отмѣтка (Mai, Spicil. rom. X, 58): μηνὶ Μαΐῳ εβ' ἡμέρᾳ ἰνδ ε'. Такъ какъ пятый индиктъ соотвѣтствуетъ 6665 сентябрьскому году, то уже отсюда получается 1157 по Р. X. Сверхъ того нужно имѣть въ виду и пропущенное у Май обозначеніе дня недѣли, какимъ, на основаніи простой догадки по ὁμοιοτέλειον, должно быть α' (Воскресенье), дѣйствительно и прочтенное ранѣе Тафелемъ въ его рукописи (Supplementa histor. eccles. graecor., pag. 18, Μηνὶ Μαΐῳ εβ' ἡμέρᾳ α' ν' ε'. Мая 12 числа, въ первый день

Къ 1158 году относится печатаемое ниже слово Василия Охридскаго на смерть императрицы Ирины, произнесенное въ присутствіи царя Мануила и, по видимому, въ Константинополь. Здѣсь, какъ уже было замѣчено, Василій является выдающимся церковнымъ ораторомъ — со всѣми хорошими и дурными сторонами современной ему школы, къ которой слѣдуетъ причислять и его преемника, знаменитаго Евстаѳіа. Конечно, эта рѣчь не чужда риторики, исполнена ложнаго паѳоса, напыщенна, но есть, однако, въ ней и довольно живыя мѣста, каково прежде всего описаніе сцены пасхальнаго причащенія царя и царицы изъ рукъ самого Василия въ Солунѣ: о ней будетъ рѣчь ниже — въ главѣ, посвященной извѣстіямъ о Иринѣ. Драгоценно это произведеніе Василия и тѣмъ, что оно даетъ намъ возможность судить о степени его образованія, объ его начитанности въ духовной и свѣтской, то есть классической литературѣ. Легко замѣтить, что память его свободно располагаетъ большимъ запасомъ готовыхъ цитатъ, принаровленій и намековъ, почерпаемыхъ изъ книгъ священнаго писанія, преимущественно, однако, изъ псалмовъ и пророческихъ книгъ. Наряду съ библейскою лексикою легко идутъ на языкъ выраженія классическихъ поэтовъ, не только Гомера или Еврипида, но даже Эсхила, изъ котораго приведенъ одинъ стихъ. Есть ссылки на Аристотеля и какое-то странное извѣстіе о женѣ Катона Римскаго, ведущее свое начало отъ Плинія старшаго. Историческія данныя, заключающіяся въ рѣчи, будутъ оцѣнены ниже.

Леунклавіемъ въ его сборникѣ греко-римскаго права, при томъ не однажды, а два раза (*Jus Graeco-rom.*, t. I, pag. 309, потомъ

недѣли (въ Воскресенье) инд. 5. 12 мая въ 1157 году дѣйствительно приходится въ Воскресенье. Въ обозначеніи слѣдующаго засѣданія (13 мая) день недѣли выраженъ цифрою (буквою), но зато пропущенъ индиктъ (*Maî, Spicil. X, 83*), *Μηνὶ Μαΐω τ᾽ ἡμέρα, β' ἰνδixτῶν*: нужно читать: *Μηνὶ Μαΐω τ᾽, ἡμέρα β', ἰνδixτ. ε'*. Тринадцатое мая дѣйствительно въ этотъ индиктъ будетъ приходится въ поведѣльникъ. На стр. 85 у Маи уже нѣсколько иначе: *Μηνὶ Μαΐω τ᾽ ἡμέρα ἰνδixτῶν β'*. Очевидно, неловкая перестановка принадлежитъ незнающему переписчику. Нужно впрочемъ, сказать, что понимающіе люди нисколько не были увлечены аргументаціею Дрезеке (у Θ. И Успенскаго, *Очерки визант. образованности*, стр. 218, правильно 1157 годъ; а еще ранѣе та же дата была принята у Капгера: *Kap-Herr: Abendländische Politik Kaiser Manuels* (Strassburg, 1881, S. 139). Вопросъ о томъ, противъ кого были направлены военныя намѣренія Мануила, присутствовавшаго на соборѣ и ради предстоящаго похода торопившаго отцевъ собора скорѣе постановить опредѣленіе, долженъ быть рѣшаемъ—уже послѣ того, какъ будетъ установленъ настоящій годъ собора, а не на оборотъ, какъ поступаетъ Дрезеке, ибо почти каждый годъ весной Мануилъ предпринималъ экспедиціи то противъ одного врага, то противъ другого.

ниже pag. 408) напечатана была небольшая статья, представляющая отвѣтъ Василия Охридскаго на вопросъ о допустимости брака при извѣстныхъ отношеніяхъ родственности и свойства, предложенный великимъ друнгаріемъ епископу Драча (Диррахія). Въ своей конкретной формѣ вопросъ заключался въ слѣдующемъ: когда Юліанъ, братъ Іоанно, женился на Софѣ, дочери Ксанобы, то позволительно-ли (родному) дядѣ Софьи, двоюродному брату Ксанобы, Симеону, жениться на Іоанно, родной сестрѣ Юліана. Такой бракъ Василиій признавалъ совершенно позволительнымъ и въ своемъ разсужденіи ссылаясь — очевидно, на Василики, сборникъ гражданскихъ законовъ, хотя въ изданныхъ Леунклавіемъ текстахъ, а затѣмъ и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ и переизданіяхъ тутъ встрѣчаются странныя разночтенія, превращающія Василики въ Василия Великаго, отца церкви¹⁾. Существуетъ нѣкоторое отличіе между двумя редакціями и въ передачѣ подписи, при чемъ одна отличаетъ мѣсяць (сентябрь) и индиктъ, а другая нѣтъ²⁾. Индиктъ указанъ *девятьмъ*, а въ предѣлахъ, которыми очерчивается по всѣмъ даннымъ іерархическая дѣятельность Василия, такой индиктъ встрѣтится только дважды: 1145—1146 и 1160—1161 годы съ сентября по сентябрь. Мы должны остановиться на второй датѣ, какъ болѣе вѣроятной, хотя нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что въ сентябрѣ 1145 года Василиій уже вступилъ на Солунскую кафедру (см. выше).

Теперь мы должны вновь обратиться къ сохранившимся въ рукописяхъ слѣдамъ состязаній Василия съ латинами, именно къ тому сообщенію, которое ставитъ его лицомъ къ лицу съ другимъ католическимъ епископомъ, хотя менѣе знаменитымъ, чѣмъ Ансельмъ Гавельсбергскій, но тоже оставившимъ послѣ себя если не собственныя богословскія сочиненія, то память въ исторіи, то есть съ Генрихомъ

1) Leunclav. l. c. (= Migne, Patrolog. graec., t. CXIX, 934): κατὰ γὰρ θεοφύλακτον μέγαν βασιλέα (Βασίλειον) ἐν τοῖς γάμοις, οὐ μόνον τὸ ἐπιτετραμμένον ζητοῦμεν, ἀλλὰ καὶ τὸ εὐπρεπές, καὶ ἑτέρωθεν ὁ αὐτός, ἐν οἷς τὰ τοῦ γένους συγχέονται, ἐκείθεν ὁ γάμος ἀδέμιτος.... Ἀγχιστεία δὲ ἐστὶ κατὰ τὸν νομοθέτην οἰκειότης προσώπων. и т. д., а во второй редакціи (Migne, p. 1120), κατὰ γὰρ τὸν θεοφόρον Βασίλειον и т. д. Ср. еще Rhally et Potly, Syntagma canon. V, 389: κατὰ τὸν θεοφόρον μέγαν Βασίλειον. Однако издатели въ примѣчаніи указываютъ соотвѣтствующія мѣста въ Василикахъ. ζ, Βασιλ. κη' 5 и Βασιλ. πζ' (Heimbach III, 198. 201).

2) Μην' Ἰσепτεμβρίῳ ἐπιτειμήσεως θ'. Βασίλειος ὁ ταπεινός Θεσσαλονίκης А во второмъ случаѣ: Βασίλειος, ὁ ταπεινός μητροπολίτης Θεσσαλονίκης. Ср. Rhally V, 390. Прибавимъ, что въ этомъ послѣднемъ, авинскомъ, изданіи и въ самомъ началѣ есть нѣкоторыя отличія въ текстѣ: вмѣсто Ксанобы стоитъ имя Καλῆ.

Беневентскимъ. Въ греческомъ Вѣнскомъ сборникѣ (№ ССХІІІ) помещается статья (№ 11), содержащая собесѣдованія о различіяхъ въ вѣрѣ между греками и латинами и начинающаяся такимъ вступленіемъ: въ царствованіе императора Мануила Комнина прибылъ изъ Италіи въ видѣ просителя епископъ Беневента, отличавшійся добродѣтелью и даромъ слова¹⁾. Съ этимъ представителемъ римской церкви, имя котораго здѣсь не названное устанавливается на основаніи другихъ данныхъ, и были ведены пренія въ Солунѣ его архіепископомъ, тогда же записанныя монахомъ монастыря Акапніотовъ Никитою²⁾; они остаются неизданными. Когда же они могли происходить? — Беневентскій епископъ Генрихъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ и переговорахъ царя Мануила съ французскимъ королемъ Людовикомъ VII и съ папою Александромъ III, когда этотъ послѣдній вслѣдствіе ожесточенной борьбы съ императоромъ западнымъ, Фридрихомъ Барбароссою, удалился на время во Францію, да и послѣ его возвращенія въ Италію. Черезъ посредство Генриха произошло сближеніе Мануила съ западными государями, признававшими Александра III и отвергавшими поставленнаго Фридрихомъ антипапу. При этомъ обнаруживается, что самъ Генрихъ не ѣздилъ въ Константинополь, а отправлялъ туда черезъ гонцовъ и посланцевъ письма, приходившія изъ Франціи для Мануила или же обратно изъ Константинополя для Людовика VII и т. д.³⁾. Беневентъ служилъ передаточнымъ пунктомъ,

1) Μαγουήλ τοῦ ἐν Χριστῶ τῷ Θεῷ πιστὸν (sic) βασιλεύοντος καὶ αυτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πορφυρογεννήτου διάγοντος ἐν Κωνσταντινουπόλει ἰκέτης ἀνὴρ ἐξ Ἰταλίας, ἐπίσκοπος Βενεζέντου ἀρετῇ καὶ λόγῳ κηκοσμημένος.... Lambec. Commentar. V, 39. Ср. Nessel, Breviarium, t. I, 289.

2) Nessel l. c.: conscripta autem instar dialogi a Niceta monacho ἐν τῇ Ἀκαπτιωτῶν μονῇ. Монастырь Ἀκαπνίου упоминается еще въ оглавленіи неизданнаго сказанія объ одной чудотворной иконѣ въ Солунѣ. Matthaei, Codic. graec. synod. accurata notitia, pag. 97.

3) Письма Мануила къ Людовику VII и обратно—у Vouquet, t. XVI, pag. 82 и сл., а документы, относящіеся къ сношеніямъ съ папою Александромъ, у Mansi, Concilia XXI, 724 и сл. (перепечатано у Migne, Patrol. lat., t. CC). Изъ новыхъ см. Reuter, Gesch. des Papst. Alexand. des III, I, 108—109. Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, V, 426—429. Кар-Нерр, Abendländische Politik des Kaisers Manuel, S. 155. Вопросъ о послѣдовательности и вообще о хронологіи писемъ, относящихся къ сношеніямъ Мануила съ Людовикомъ и папою Александромъ, оказывается спорнымъ и Капгеръ полемизируетъ съ Гизебрехтомъ, доказывая, что первое письмо Мануила къ Людовику, доставленное черезъ посредство Генриха Беневентскаго, было написано не въ 1163 году, а *ранѣе* бракосочетанія Мануила на дочери Раймунда Антиохійскаго— 25 декабря 1161 года. Въ дѣйствительности, изъ самаго документа видно, что не *ранѣе*, а *позже* бракосочетанія. Мануиль писалъ, что бракъ его долженъ повести къ тѣснѣйшему его сближенію съ королемъ французскимъ, родственникомъ антиохій-

вслѣдствіе чего и сохранялось въ его архивѣ не мало документовъ, приводившихъ въ восторгъ послѣдующихъ греческихъ друзей уніи и свидѣтельствовавшихъ о глубокомъ уваженіи восточнаго императора къ папскому престолу и даже о признаніи главенства римской церкви¹⁾. Дружелюбныя сношенія Мануила съ Александромъ III уже продолжались довольно долго, съ 1162 по 1166 годъ, когда они завершились слѣдующимъ неожиданнымъ шагомъ со стороны православнаго византійскаго государя. Въ Римѣ явились послы Мануила съ богатыми подарками папѣ и весьма важными порученіями своего государя. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что Мануиль предлагалъ папѣ Александру полную унію греческой церкви съ римскою подъ условіемъ признанія греками римскаго главенства, а папа долженъ былъ ему дать корону западной имперіи, которая по праву и безъ того принадлежитъ ему, а не Фридриху, королю нѣмецкому²⁾. Была бы одна церковь и одна имперія. Не смотря на то, что Мануиль обѣщалъ и деньги и военную силу для осуществленія такого плана въ Италіи, папа Александръ III не былъ обольщенъ заманчивою перспективою торжества надъ Фридрихомъ Барбароссою, хотя и былъ имъ доведенъ до весьма стѣснительнаго положенія: очевидно онъ находилъ планы Мануила слишкомъ далеко идущими и даже опасными. Однако, не желая потерять союзника, въ которомъ видѣлъ важную для себя опору, онъ отправилъ въ Константинополь посольство для переговоровъ. Во главѣ посольства находились два кардинала римской церкви,—они только одни и названы поименно въ современной біографіи папы Александра; но есть документальное свидѣтельство, что въ томъ же самомъ 1166 году и Генрихъ Бенеventскій былъ въ отсутствіи изъ

ской бывшей принцессы,—которую *imperium nostrum consortem ducere decrevit*. Капперръ полагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь пока только о принятомъ рѣшеніи (*decrevit*), а не о сбывшемся фактѣ; но онъ не прочиталъ дальнѣйшихъ, непосредственно слѣдующихъ словъ: *quam imperiali diademate magnifice insignivimus*, которыя говорятъ даже о возложеніи императорской короны на новую царицу. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды входить подробно въ эти вопросы.

1) Позднѣйшій «латиномысленный» греческій писатель Георгій Метохитъ въ своей *Historia dogmatica: Mai, Nova Patrum Biblioth. VIII, 24. 25* сообщаетъ, что видѣлъ въ Бенеventѣ грамоты Мануила: онъ подробно описываетъ ихъ внѣшность и кратко обозначаетъ содержаніе.

2) *Alexandri III vita a Bosone cardinali conscripta: Watterich, Vitae pontificum romanor. II, 403—404. Giesebrecht, Gesch. der deutsch. Kaiserz. V, 496—497. Reuter, Gesch. d. Papst. Alexand. des III, II, 248.—Langen I. s. 494.—Катанскій, Исторія попытокъ, стр. 62. Остроумовъ, Введеніе въ церковное право, I, 401.*

своей епархіи, исправляя должность посла папы въ Константинополь¹⁾. Очень естественно, что его выбрали какъ лице, уже знакомое съ восточными дѣлами, для сопровожденія и руководства кардиналовъ. Сама собою представляется также догадка и вопросъ, не былъ-ли когда нибудь ранѣе 1163 года Генрихъ и лично въ Константинополь. Но трудно предположить, чтобы онъ могъ быть спутникомъ и участникомъ первой поѣздки Ансельма Гавельбергскаго въ 1135 году, когда происходили состязанія съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою. Во всякомъ случаѣ книга, въ которой изложенъ былъ въ 1150 году по памяти ходъ тогдашнихъ преній, была написана не имъ, да и протоколъ того диспута, съ которымъ въ Вѣнской рукописи связывается его имя, составленъ былъ мѣстнымъ Солунскимъ монахомъ. Вообще неизвѣстно, чтобы Генрихъ Беневентскій оставилъ послѣ себя какія нибудь сочиненія, но за то греческій языкъ онъ могъ знать, какъ уроженецъ южной Италіи, гдѣ еще держалось его употребленіе. Все это служить препятствіемъ къ тому, чтобы приведенный Гергенрѣтеромъ отрывокъ изъ Мюнхенскаго кодекса приписывать Генриху. Слѣдовательно мы возвращаемся къ тому положенію, что Василій Охридскій во время своего пребыванія на Солунской кафедрѣ имѣлъ два состязанія о вѣрѣ съ латинами: первое въ 1155 году съ Ансельмомъ Гавельбергскимъ и второе въ 1166 году съ Генрихомъ Беневентскимъ, и что его первое состязаніе съ Ансельмомъ было для этого послѣдняго вторымъ, не оставившимъ послѣ себя такой памяти, какъ первое съ Никитою Никомидійскимъ.

Диспутъ съ Генрихомъ въ 1166 г. будетъ послѣдній фактъ, извѣстный намъ изъ жизни Василя Охридскаго. Уже въ рѣчи на кончину Ирины онъ говорилъ о своей старости, о своихъ отъ времени изсохшихъ устахъ (гл. 25 въ концѣ). Въ 1169 году его кафедре занималъ *Константинъ*, предшественникъ знаменитаго Евстаѳа.

1) Ughelli, Italia sacra (ed. secunda cura et studio Nic. Coletti, Venetiis, 1721), IX, 115. De nostro Henrico unum restat addendum a Vipera omissum, illum scilicet anno 1166 functum esse legationis munere apud Constantinopolitanum, et in administratione Archiepiscopatus substituisse Rainulphum—Archidiaconum, prout mihi innotuit ex instrumento quodam monasterii sancti Victorini, signato № I, ubi tale est exordium. Ego Rainulphus archidiaconus sacri Beneventani Episcopii, in quo Divina favente gratia Dominus Henricus venerabilis Archiepiscopus praeest, qui in injuncta sibi Legatione à praedicto Domino Para modo est in *Romania*. Clarum facio et т. д. Въ *Романіи* Угелли не усумнился признать Византію, какъ это и слѣдовало.

II.

Ирина-Берта, супруга Мануила Комнина.

Предметомъ надгробной рѣчи Василія была супруга императора Мануила (1143—1180), Ирина, по происхожденію нѣмка изъ Баваріи, изъ рода графовъ Зульцбахъ, которымъ позднѣе принадлежалъ наиболѣе обширный разбойническій замокъ во всей Германіи, родная сестра жены германскаго государя — короля и невѣнчаннаго императора Конрада III. Именно это свойствѣ съ могущественнымъ представителемъ западной имперіи, выдвинувъ Берту Зульцбахъ на видное мѣсто, обусловило ея дальнѣйшее возвышеніе. Женитьба Мануила на Бертѣ не была случайнымъ явленіемъ, а выраженіемъ тогдашней византійской политики, искавшей себѣ опоры и друзей на западѣ противъ враговъ, грозившихъ тоже съ запада. Одинъ изъ болѣе любопытныхъ эпизодовъ политической европейской исторіи XII вѣка представляетъ именно этотъ союзъ между двумя христіанскими имперіями, предъявлявшими одинаковыя притязанія на идеальное наслѣдіе древняго міродержавнаго Рима. Если не считать преходящихъ дружественныхъ отношеній между Алексѣемъ Комниномъ и Гейнрихомъ IV, направленныхъ противъ папы Григорія VII и Роберта Гвискарда, то основаніе болѣе прочному и долго державшемуся союзу, хотя и съ нѣкоторыми промежутками охлажденія, было положено собственно отцемъ Мануила, императоромъ Кало-Іоанномъ (1118—1143), и германо-римскимъ императоромъ Лотаремъ Саксонскимъ. Выше мы имѣли случай указать, что при Лотарѣ обѣ державы размѣнивались посольствами, что при этомъ шла рѣчь и о примиреніи церковнаго раздора, происходили состязанія о вѣрѣ (Ансельмъ Гавельсбергскій).

Какъ бывало всегда и прежде и послѣ, лучшимъ средствомъ для скрѣпленія политической дружбы признавался союзъ династическій — брачныя связи между двумя дворами.

По смерти Лотаря (1137 г.) связь между Германіей и Византією на нѣкоторое время ослабѣла, но затѣмъ угрожающее положеніе короля Рожера, соединившаго въ своихъ рукахъ обѣ части южно-итальянскихъ норманнскихъ владѣній (Сицилію и Апулію съ Калабріей), заставило Кало-Іоанна возобновить оборванную нить переговоровъ и вступить въ сношенія съ преемникомъ Лотаря, Конрадомъ III Шваб-

скимъ (Гогенштауфеномъ). Въ 1140 или 1141-мъ году Іоаннъ отправилъ пословъ въ Германію съ предложеніемъ дружбы и союза; вмѣстѣ съ тѣмъ послы должны были сватать какую-либо изъ принцессъ королевской крови за младшаго сына Кало-Іоаннова Мануила (родился въ 1122 г.). Конрадъ ради своихъ итальянскихъ плановъ, при осуществленіи которыхъ византійскій флотъ могъ бы оказать очень полезное содѣйствіе, съ готовностью пошелъ на встрѣчу сдѣланному изъ Византіи призыву; въ качествѣ невѣсты онъ предложилъ сестру своей супруги, Гертруды, Берту Зульцбахъ¹⁾. Въ Константинополѣ не нашли повода возражать противъ выбора, обоюдное согласіе скоро было установлено и уже въ концѣ 1141 или въ началѣ 1142 года явилось въ Германіи новое посольство отъ Кало-Іоанна, главнымъ порученіемъ котораго было — отвести сосватанную невѣсту въ Константинополь, а затѣмъ дать отвѣтъ на разныя требованія и запросы германскаго короля²⁾. Весною 1142-го года Берта покинула свое

1) Otto Fris. Gesta Frederici I, с. 23. Далѣе намъ придется всего чаще ссылаться на прекрасный трудъ В. Бернгарди — изъ серіи Jahrbücher der deutschen Geschichte, въ двухъ томахъ излагающій подробное обзорѣніе царствованія Конрада годъ за годомъ: Konrad III. Von Wilh. Bernhardi (Leipzig, 1883). Здѣсь удѣлено надлежащее вниманіе и столь важнымъ византійскимъ отношеніямъ; однако и въ этомъ, повидимому, все исчерпывающемъ трудѣ, когда дѣло касается даже не одной только Византіи, а Византіи и Германіи совокупно, оказываются и пробѣлы въ знакомствѣ съ источниками (конечно, второстепенными) и не совсѣмъ маловажныя ошибки.

2) Nam etsi quidam (apocrisariorum nostrorum) ad susceptionem magis nobilissime cum Deo futurae nurus imperii mei missi sunt, tamen etiam communiter eis notum imperii mei velle: пишетъ Кало-Іоаннъ въ грамотѣ, сохраненной для насъ знаменитымъ германскимъ историкомъ, Оттономъ, Фрейзингенскимъ епископомъ, своднымъ братомъ короля Конрада и дядею Фридриха Барбароссы (Gesta Frederici imperat. Lib. I, сар. 24). Такъ какъ на основаніи ниже приводимыхъ данныхъ время прибытія Берты въ Константинополь можетъ быть съ точностію установлено — весна 1142, то и самое письмо Іоанна необходимо будетъ относить къ означенному въ текстѣ сроку. Оттонъ Фрейзингенскій не захотѣлъ «сообщать всѣхъ писемъ», какія относились къ перепискѣ Кало-Іоанна съ королемъ Конрадомъ, и ограничился только двумя — одно Конрада и одно Іоанна (третье письмо позднѣйшее отъ Конрада Мануилу). Что это были не первыя по времени грамоты того и другаго, что имъ предшествовали иныя, это видно уже изъ находящихся въ нихъ ссылокъ на litterae priores и на бывшую предъ тѣмъ обсылку посольствами. Вопросъ заключается только въ томъ, сколько было всѣхъ грамотъ и на которое изъ писемъ Конрада отвѣчаетъ Кало-Іоаннъ въ сохранившемся посланіи (у Оттона) — на первое, до насъ не дошедшее или на второе, которое поставлено у Оттона Фрейзингенскаго рядомъ, но ниже. Мы полагаемъ, что на первое, до насъ не дошедшее, и думаемъ, что второе письмо Конрада поставлено Оттономъ впереди просто ради почета, ради уваженія къ своему государю. Въ этомъ второмъ читаемомъ нами у Оттона письмѣ Конрада о бракѣ говорится какъ о дѣлѣ окончательно рѣшенномъ и устроенномъ.

отечество¹⁾). Изъ рѣчи Василя мы теперь узнаемъ путь, какимъ Берта прибыла въ Византійскую столицу. Она совершила переѣздъ чрезъ Адриатическое (= Іонійское) море²⁾, котораго достигла въ сопровожденіи, кромѣ греческихъ пословъ, еще венеціанскихъ, и высадилась на Эпирскомъ (иллирійскомъ, албанскомъ) берегѣ, чтобы направиться старинною и обычною дорогою.

Въ надгробной рѣчи Василя мы находимъ кромѣ указанія на этотъ маршрутъ довольно риторическое описаніе торжественныхъ встрѣчъ, устраиваемыхъ по дорогѣ городами и вообще мѣстнымъ населеніемъ невѣстѣ младшаго изъ царскихъ сыновей; но нѣтъ никакихъ особенныхъ подробностей о самомъ вѣздѣ въ столицу. Впрочемъ изъ связи рѣчи видно, что тогда ни царя (царицы давно не было въ живыхъ), ни царевича - жениха не было въ Константинополѣ. Гдѣ именно они находились, это мы точнѣе узнаемъ изъ дошедшаго до насъ привѣтственнаго стихотворенія Берты при ея вступленіи въ столичный городъ, сочиненнаго тогдашнимъ придворнымъ пѣитою Θεодоромъ Продромомъ. Опуская это произведеніе изъ виду, нѣмецкіе ученые, спеціально занимавшіеся царствованіемъ Конрада III, впадали въ ошибки, которыхъ иначе могли бы легко избѣжать. Мы должны ближе познаться съ содержаніемъ стихотворенія, дополняющаго и разъясняю-

Conservamus igitur quae justa et amabilia sunt ad vos, eadem vos ad nos, et tanto studiosius, quanto per conjugium sororis dilectissimae conjugis nostrae, imperatricis videlicet nobilissimae, et filii tui confoederati sumus propinquius. Эта грамота Конрада дана въ Регенсбургѣ 12-го февраля, годъ не обозначенъ, но не можетъ быть никакимъ другимъ кромѣ 1142-го, какъ это и считается доказаннымъ и общепринятымъ. Она могла быть написана уже послѣ прибытія пословъ, прѣхавшихъ за Ириною, и даже въ слѣдъ за ними. — Мы не пускаемся въ дальнѣйшія разъясненія относительно посольствъ съ той и другой стороны, упоминаемыхъ въ перепискѣ: это вопросъ запутанный и сложный; думаемъ только, что при нашемъ взглядѣ на отношеніе двухъ писемъ все можетъ быть приведено къ соглашенію.

1) Первая (изъ выше характеризованныхъ) ошибка Бернгарди (Bernhardi, Conrad III) заключается въ предположеніи, что вопросъ о византійскомъ бракѣ потребовалъ долгихъ переговоровъ между Кало-Іоанномъ и Конрадомъ, что они не были приведены къ фактическому завершенію при жизни Кало-Іоанна, а напротивъ были прерваны его смертію, такъ что сосватанная невѣста оставалась еще долго на родинѣ до 1145 года. См. особенно страницы: 266, 267, 271, 272. Заблужденіе это находится въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ взаимнаго отношенія между документами, сообщенными у Оттона Фрейзингенскаго, и съ нѣкоторыми пробѣлами въ знакомствѣ съ византійскими мелкими источниками (стихотвореніе Продрома, о которомъ рѣчь будетъ ниже); оно окончательно опровергается рѣчью Василя Охридскаго.

2) Bernhardi I, 415. Ob der Landweg durch Ungarn eingeschlagen oder die Seefahrt durch das Adriatische Meer gewählt wurde, ist nicht überliefert.

щаго намеки позднѣйшей надгробной рѣчи Василія¹⁾). Поэтъ попере-
мѣнно обращается къ царю Иоанну, къ севастократору Мануилу, къ
королю Конраду и затѣмъ къ новообрученной невѣстѣ. Императоръ
Мануиль восхваляется за чадолубивыя заботы о сыновьяхъ, выра-
зившіяся въ присканіи имъ благородныхъ и хорошихъ женъ, и въ
частности за то, что послѣднимъ брачнымъ союзомъ утвердилъ гла-
венство Константинополя надъ древнимъ Римомъ.

«На чуждые народы ты налагаешь контрибуціи и дань,
«А своимъ дѣтямъ ты приводишь прекраснѣйшихъ невѣсть;
«Какъ и нынѣ Мануилу, возлюбленному твоему сыну,
«Ты обручилъ (*ἡρμύσω*) отъ запада сію царственную (дѣву),
«Ради которой мы сегодня отправляемъ торжество въѣзда (*τὰ
τῶν εἰσιτηρίων*).
«Радуйся новый Римъ (Константинополь), нынѣшнему входу,
«Черезъ него ты оказался главою стараго Рима!
«Ибо послѣдній (старый Римъ) даетъ невѣсту, а ты жениха,
«А такъ какъ всѣ мы знаемъ, что мужъ есть глава жены,
«То ясно, что это (главенство) справедливо переходитъ и на тебя...

Обращаясь къ Мануилу, поэтъ отъ силлогизма переходитъ къ вос-
клицаніямъ.

«О юная отрасль священной порфиры, Мануиль!
«О украшеніе всеблагополучной *севастократоріи* (*καὶ κόσμη τῆς
εὐτυχοῦς σεβαστοκρατορίας*),
«Дѣтенышъ вседержающаго льва, котораго одно рыканіе
«Прогоняетъ суроваго Перса и заставляетъ трепетать Вавилонъ»
(разумѣются турки и калифатъ),
«Подними свои большія очи изъ *средины Исавріи* (*Ἄρον τὸν μέ-
γαν ὀφθαλμὸν ἐξ Ἰσαυρίας τῆς μέσης*)
«И взгляни на свѣтло одѣтую Византію,
«Ради новаго торжества по поводу въѣзда,
«Благородной и прекраснѣйшей юной дѣвы,
«Которую тебѣ сосваталъ императоръ и отецъ —
.....
И крѣпко возрадуйся совершающемуся.

1) Оно напечатано было у Matrang, Anecd. gr., p. 552, за тѣмъ у Mai въ VI томѣ его Bibliotheca nova Patrum, и перепечатано Migne, Patrol. graec., t. CXXXIII, col. 1360—1362 — съ латинскимъ переводомъ. Странно, что оно осталось неизвѣстнымъ для Bernhardi.

Подъ *царицами* (*ἄνασσαι*), которыхъ должна была обнять Берта Зульцбахъ, разумѣются жены двухъ старшихъ братьевъ Мануиловыхъ, *Алексѣя*, предполагаемаго тогда преемника отцу на престолѣ, провозглашеннаго заранѣе царемъ и соправителемъ, и *Андроника*, который уже былъ отцемъ нѣсколькихъ дѣтей и подобно младшимъ братьямъ—Исааку и Мануилу—носилъ титулъ севастократора. Всѣ они сопровождали отца, императора Иоанна, въ его послѣднихъ походахъ противъ Иконійскихъ турокъ (сельджуковъ), а также въ Сирію противъ антиохійскихъ латинскихъ владѣтелей. Продромъ предполагаетъ, что въ данный моментъ они находятся въ *Исаврїи*, откуда Мануиль долженъ обратить глаза на свою невѣсту-обрученицу. Изъ византійскихъ историковъ (Никита Хониатъ), а еще точнѣе отъ историка Іерусалимскаго королевства и крестовыхъ походовъ, Вильгельма Тирскаго, мы знаемъ, что Иоаннъ Комнинъ въ самомъ началѣ весны 1141-го года оставилъ столицу и, достигнувъ Фригіи, избралъ своею главною квартирою городъ *Атталію*, гдѣ занялся приведеніемъ въ порядокъ мѣстныхъ дѣлъ, подчиненіемъ своей власти греческаго окрестнаго населенія, попавшаго подъ мусульманскую власть и державшагося въ укрѣпленныхъ пунктахъ около озера Пасгузы или Пунгузы, въ которомъ узнаютъ нынѣшній Шехеръ-гöль, древніе *Δίμνα* ¹⁾. Это будетъ по сосѣдству съ *Исаврїей*, въ которую потомъ весною слѣдующаго 1142-го года и прибылъ Кало-Иоаннъ, направляясь въ походъ на Сирію ²⁾. Ранѣе того, именно во время пребыванія царя съ сыновьями около Атталіи, произошли горестныя событія въ царскомъ семействѣ, которыхъ еще не зналъ Теодоръ Продромъ, привѣтствуя въѣздъ невѣсты Мануила въ столицу, конечно, не зналъ никто другой.—У византійскаго историка, болѣе близкаго по времени къ занимающимъ насъ событіямъ, разсказывается слѣдующій анекдотъ. При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византіею, принцессы молодая императрица, супруга Алексѣя, была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ темноголубое платье изъ виссоновой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ будто супруга Алексѣя была одѣта въ *черное*, и вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто эта столь пышно одѣтая монахиня? Во-

1) См. Ramsay, *Historical Geography of Asia minor* (London, 1890), 389.

2) Nicet. Ioann. Comnen., cap. 11, ed. Bonn. pag. 51, 52. Ἐτους ἡδὴ τελέου ἐπὶ τοῖς ἠθλημένους τούτοις περιπνευχότας, ἀλλ' ἐς Ἰσαυρίαν ἀφίγμενος и т. д.

прось произвелъ смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византийцами обоего пола ¹⁾. Дѣйствительно, Берта напророчила бѣду и при томъ не для одной только жены старшаго царевича.

Вѣроятно вслѣдствіе вредныхъ климатическихъ вліаній, происходящихъ отъ испареній сосѣдняго озера и обычныхъ тамъ злокачественныхъ лихорадокъ, заболѣли и умерли одинъ за другимъ два сына императора Иоанна, старшій Алексѣй и слѣдующій за нимъ Андроникъ. Два трупа отправлены были изъ Атталіи моремъ въ Константинополь въ сопровожденіи третьяго брата Исаака ²⁾. Самъ императоръ, пораженный, но не сломленный горемъ, не отказался отъ исполненія тѣхъ плановъ, ради которыхъ онъ *годъ тому назадъ* оставилъ свою столицу. Черезъ *Исаوریю* ³⁾, гдѣ была краткая остановка для приведенія дѣлъ

1) Cinnam Lib. I, cap. 4. Bonn. pag. 36.

2) Cinnam Lib. I, cap. 10. Bonn. pag. 24. Οὕτω γὰρ τῆς Κιλικίων ἐφίστατο, καὶ δευτὴρ μὲν ἀφῆρητο παίδων, οἱ χρόνον προῆχον... Nicet. Johann, cap. 10. Bonn, pag. 51. Willermi. Tyr. Lib. XV, cap. 19 (Paris, 1844: Recueil des historiens des croisades tom. I, pag. 688). Per idem tempus, quatuor vix evolutis plene annis, ex quo a Tarso Ciliciae et universa Syria decesserat, dominus Joannes Constantinopolitanus imperator — iterum exercitus in Syriam dirigens — iter versus Antiochenus dirigit partes. Enavigato igitur Bosphoro, — transcursis mediis provinciis, *Attaliam* usque pervenit, quae est urbs maxima, in litore maris sita, provinciae Pamphyliae metropolis. In hac dum moram faceret dominus imperator, *duo* de filiis ejus, *Alexius* videlicet primogenitus, et natus secundus, *Andronicus*, languore correpti gravissimo, extremum morientes clauserunt diem. Vocans que imperator natu tertium Isaacium nomine, cum fratrum funeribus defunctorum — Constantinopolim remisit; ubi sepultis fratribus, juxta patris imperium usque ad patris obitum moram fecit continuam. Кромѣ отчетливаго разсказа Никиты и особенно Вильгельма Тирскаго, объ обстоятельствахъ смерти (Алексѣя и) Андроника мы узнаемъ изъ плача на кончину послѣдняго, сочиненнаго Θεοδωρῶν Προδρομῶν для его овдовѣвшей супруги, севастократориссы Ирины. Пьеса была издана и не однажды: сначала Буассонадомъ (Boissonade, Anecdota nova. Parisiis, 1844, pag. 371—388: Στῆχοι ἰαμβοὶ μονωδικοὶ ἐκ προσώπου τῆς σεβαστοκρατορίσσης ἐπὶ τῷ ταύτης ὁμόζυγι), а за тѣмъ въ Афинахъ въ 1879 году Гедеономъ, греческимъ ученымъ въ Константинополѣ: Εἰρήνης σεβαστοκρατορίσσης ἀνεκδότου ποιήμα (1143). Важны слѣдующіе стихи:

86. ᾧ φῶς ἐμὸν, κύδιστε πορφύρας γόνε | μόγις ἐπανεξεύζας ἐκ τῆς Ἀτάλου | τῆς Ἀτάλου γῆς κκατηραμένης | μόγις μετῆλθεσ εἰς τὸ πάτριον πέδον, | διπλοῦν ἐνιαύσιον ἀνύσας δρόμον, | καὶ πῶς συνήθως οὐ λαλεῖς τοῖς φιλάτοις.

Проклятая земля Атала есть, конечно, городъ Атталія; Андроникъ возвращается изъ нея послѣ *двухлѣтняю отсутствія* (совершивъ дважды годовой бѣгъ: значить весною 1140 года онъ тоже сопровождалъ царя въ походъ на р. Риндакъ, о которомъ говорится у Никиты: Ioann, cap. 10. Bonn, pag. 49), но возвращается бездыханнымъ мертвецомъ, котораго вдова поэту и спрашиваетъ: отъ чего онъ не хочетъ промолвить слова своимъ милымъ. Ср. Neumann, Griechische Gesichtsschreiber, XII. Jahrhundert. (Leipzig, 1888), S. 56. Благодаря знакомству съ Продромомъ, этотъ ученый избѣжалъ ошибокъ Бернгарди относительно времени прибытія Ирины въ Грецію.

3) Nicet. l. c. εἰς Ἰσαυρίαν ἀφιγμένος. Willerm Tyr. Transversa Isauria.

въ порядокъ, онъ направился въ Сирію, сопровождаемый младшимъ изъ двухъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Мануиломъ.... По видимому, въ это самое время приведена была невѣста послѣдняго и вступила въ Константинополь. Это приходится на весну или лѣто 1142 года. Изъ Вильгельма Тирскаго хорошо извѣстны подробности и хронологія сирійскаго предсмертнаго похода Иоаннова. Киликія, Тель-Баширъ на Евфратѣ, замокъ непокорнаго графа Едесскаго, затѣмъ *Гастунъ*, замокъ Антиохійскаго князя; отсюда 26 сентября отправлены были послы въ Антиохію съ требованіемъ впуска въ городъ. Основанный на ложной отговоркѣ, явно нарушающій феодальное право и принятія ранѣе обязательства отказъ латинскаго владѣтеля привелъ въ негодованіе Кало-Иоанна; но позднее время года и наступающая зима принудили его отказаться отъ принятія немедленныхъ мѣръ къ наказанію непокорнаго вассала; онъ воротился зимовать въ Киликію. Здѣсь съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, Иоаннъ, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ императоровъ, несчастнымъ образомъ ранилъ самъ себя стрѣлою, предназначенною для дикаго вепря, и скончался 8-го апрѣля 1143 года. Предъ самую кончину, онъ объявилъ своимъ преемникомъ находившагося при немъ младшаго сына Мануила, какъ болѣе даровитаго и способнаго, устранивъ Исаака, оставшагося послѣ погребенія старшихъ братьевъ въ Константинополѣ. Провозглашенный императоромъ, Мануиль не тотчасъ воротился въ столицу, гдѣ его ожидала обрученная ему невѣста, но сначала постарался привести въ порядокъ дѣла азіатскія.

Нашъ ораторъ готовъ довольно неловко представлять ходъ дѣлъ такимъ образомъ, что несчастія постигшія царскую фамилію и открывшія Мануилу доступъ къ престолу, были слѣдствіемъ особаго благоволенія божьяго къ Бергѣ или, какъ ее переименовали въ Византіи, Иринѣ. Впрочемъ, онъ оговаривается, что тутъ есть нѣчто непостижимое, можетъ быть избранникомъ былъ самъ Мануиль, а наконецъ припоминаетъ и Аристотеля, допускающаго взаимную причинную связь между двумя фактами. Особенное устроеніе Промысла ораторъ находитъ и въ томъ, что третій братъ, Исаакъ, даже не могъ присутствовать при смертномъ одрѣ своего отца. Далѣе Василій сообщаетъ намъ, что когда Мануиль возвращался изъ похода, то въ народныхъ привѣтственныхъ восклицаніяхъ имя Ирины, будущей царицы, провозглашалось вмѣстѣ съ именемъ царя, то есть что она пользовалась царскимъ титуломъ ранѣе, чѣмъ получила на него формальное право

вѣнчаніемъ и провозглашеніемъ. Тѣмъ не менѣе изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что бракосочетаніе Мануила съ Ириною совершилось не тотчасъ, а отложено было на срокъ, гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ этого могли требовать приличія траура. Что было тому причиною, объ этомъ возможны разныя догадки. Обыкновенно думаютъ¹⁾, что вслѣдствіе переменъ въ положеніи жениха, который теперь вмѣсто севастократора сталъ самодержцемъ, а также вслѣдствіе политическаго временнаго охлажденія между двумя дворами, византійскимъ и германскимъ, вызваннаго попыткою сближенія съ новымъ императоромъ со стороны южно-итальянскаго норманскаго короля Рожера, Мануиль совсѣмъ хотѣлъ уклониться отъ женитьбы на дочери простаго нѣмецкаго графа. Но, во первыхъ, это толкованіе находится въ связи съ другимъ, совершенно ошибочнымъ представленіемъ у спеціальнаго историка царствованія Конрада, будто сосватанная умершимъ Іоанномъ для младшаго сына невѣста все еще оставалась на родинѣ и въ первые годы правленія Мануила. Это окончательно опровергается нашимъ изложеніемъ, основаннымъ на рѣчи Василя и стихотвореніи Продрома. Василій (гл. 7 и 9) прямо говоритъ, что Берта была призвана въ Грецію еще свекромъ, какъ невѣста *севастократора*, что Мануиль провозглашенъ былъ *царемъ* только послѣ и т. д. Во вторыхъ, плохіе въ другихъ отношеніяхъ стихи послѣдняго всетаки вѣрно передаютъ намъ возрѣнія современнаго ему общества, а изъ нихъ становится совершенно яснымъ, что происхожденіе Берты Зульцбахъ, особенно вслѣдствіе свойствъ съ Гогенштауфеномъ Конрадомъ, казалось достаточно благороднымъ для вступленія въ среду византійской царской фамиліи; при томъ многіе другіе аналогичные случаи, касающіеся брачныхъ союзовъ, заставляютъ думать, что и вообще особенной разборчивости въ степеняхъ знатности приводимыхъ изъ чужа невѣстъ въ Византіи не соблюдалось: спрашивается, напримѣръ, на комъ были женаты старшіе братья Мануила и самъ Алексѣй, ранѣе его считавшійся соправителемъ и наслѣдникомъ престола. Скорѣе нужно имѣть въ виду слѣдующее. Въ случаѣ женитьбы на иностранкахъ между приведеніемъ невѣсты въ Грецію и совершеніемъ брачнаго обряда обыкновенно наблюдается значительное разстояніе по времени; приводили обыкновенно малолѣт-

1) Bernhardi, Conrad III, I, 271, 410. Neumann, Griechische Geschichtschreiber S. 57.

нихъ княжескихъ дочерей и дѣйствительнымъ бракомъ не спѣшили, потому что этому должно было предшествовать воспитаніе невѣсты въ византійскихъ нравахъ и даже обученіе языку, на которомъ ей предстояло объясняться съ своимъ мужемъ. Когда по этому въ русской лѣтописи встрѣчается выраженіе, что та или другая княжна была ведена Цесарюгороду для замужества съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ фамиліи Комниновъ, то слово *ведена* должна быть въ иныхъ случаяхъ понимаемо въ самомъ простомъ и первоначальномъ его значеніи — отправленія, отвоза на чужую сторону.

Въ данномъ случаѣ, то есть относительно Ирины-Берты, кромѣ обученія языку требовалась можетъ быть и другая подготовка, наставленіе въ вѣрѣ, перевоспитаніе религіозное или точнѣе вѣроисповѣдное. Что Ирина - Берта не осталась католичкою, это не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾. Но въ чемъ должно было выразиться ея присоединеніе къ греческой вѣрѣ? Нужно помнить, что не смотря на разрывъ при Кируларіѣ отношенія между двумя церквами и послѣ—въ XI и XII вѣкахъ вовсе не были столь непримиримы и враждебны, какъ обыкновенно это предполагаютъ; независимо отъ политики Комниновъ, имѣвшей западническія тенденціи, въ самой церковной практикѣ, равно какъ и въ воззрѣніяхъ, если не всѣхъ, то многихъ дающихъ тонъ іерарховъ и ученыхъ богослововъ Востока—оставались начала терпимости, примирительное настроеніе высказывалось чаще, чѣмъ противоположное крайнее. Во всякомъ случаѣ отъ Берты, для превращенія ея въ Ирину, въ Византіи XII вѣка никто, конечно, не думалъ требовать того, о чемъ шла рѣчь въ новѣйшее время относительно сестры германскаго императора, нынѣшней наслѣдной принцессы греческой, то есть перекрещиванія. Мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что въ ту эпоху греки, впоследствии дошедшіе до такой крайности, что даже русская церковь отказалась имъ слѣдовать, не требовали повторительнаго крещенія ²⁾.

1) Bernhaldi, Konrad III, I 416, Anmerk. 16. Dass Bertha den griechischen Glauben annahm, ist nicht uberliefert, aber sehr wahrscheinlich.

2) Аясельмъ Гавельсбергскій въ собесѣдованіи съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою говорилъ о греческомъ обычаѣ при женитьбѣ грека на какой-нибудь латинкѣ совершать надъ послѣднею особый обрядъ помазанія масломъ, въ чемъ онъ готовъ былъ видѣть нѣкотораго рода перекрещиваніе. Можетъ быть намекая на недавній примѣръ присоединенія Берты-Ирины (такъ какъ сочиненіе издано только въ 1150 году), онъ замѣчаетъ, что это соблюдалось нѣсколько разъ въ отношеніи къ *personas augustales*. Но его собесѣдникъ 1135-го года въ позднѣйшей передачѣ его

Признакомъ терпимости слѣдуетъ считать существованіе въ данный періодъ латинскихъ храмовъ и даже монастырей какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ — конечно, ради иноземнаго пришлаго населенія, которое въ Константинополѣ, благодаря италіанскимъ колоніямъ торговыхъ людей, было уже довольно многочисленно ¹⁾ Конрадъ при своей перепискѣ съ византійскими императорами сначала отъ Кало-Іоанна, а потомъ отъ Мануила требовалъ разрѣшенія на постройку особой церкви для находящихся въ Константинополѣ нѣмцевъ ²⁾. Такъ какъ просьбы эти совпадаютъ съ переговорами о бракѣ, насъ занимающемъ, то можно было бы подумать, что при этомъ имѣлись въ виду личныя религіозныя потребности Берты - Ирины. Но предположеніе оказалось бы напраснымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія,

возраженій отвѣчаетъ на такое толкованіе рѣшительнымъ протестомъ. *Si latini ritus Graecorum ex integro nossent, non tam facile eos calumniarentur, nec in eis tam facile scandalizarentur... Absit autem ab orthodoxa Graecorum fide ut baptizatum denuo rebaptizandum putemus. . . Sed habemus quasdam purificationes in unctione sacri olei; et quando veniunt ad nos personae extraneae, viri seu mulieres, et transire cupiunt in nostrum ritum et in nostram societatem, oleo sacrato eos inungimus, quia si sacramentum unctionis prius perciperint, ignoramus.* Да и самъ Ансельмъ не видѣлъ въ предполагаемомъ обрядѣ прямо перекрещиванія, а только развѣ нѣкоторую форму перекрещиванія: *videtur enim, quaedam forma esse rebaptizandi.* По его описанію это не есть даже и миропомазаніе, такъ какъ говорится объ елеѣ, маслѣ (oleo), влитомъ въ сосудъ и служащемъ къ обмовенію всего тѣла—*oleo sanctificato in vase aliquo infuso eam (personam) infunditis et per totum corpus lavatis...* (Migne, Patrol lat., t. CLXXXVIII, col. 1245, 1247). Историкъ и участникъ втораго крестоваго похода, капелланъ французскаго короля, Одонъ изъ Deuil'a (*Odo de Diogilo, De profectioe Ludovici regis in Orientem: Migne, Patrol. latin. CXC, 1220*) отличавшійся фанатическою ненавистью къ грекамъ какъ схизматикамъ, прямо, но, очевидно, ложно обвиняетъ ихъ именно въ перекрещиваніи католиковъ. *Sed pro nefas! audivimus scelus eorum morte luendum, quia quotiescunque nostrorum connubia contrahunt, antequam convenient, eum qui Romano mora baptizatus est, rebaptizant.* Извѣстно, что въ русской церкви перекрещиваніе обращенныхъ католиковъ было предписано при патріархѣ Филаретѣ, но затѣмъ отмѣнено на соборѣ 1667 года. Еще въ 1720 году на запросъ съ русской стороны патріархъ Іеремія III отвѣчалъ, что въ Константинополѣ не перекрещиваютъ даже лютеранъ и кальвинистовъ (*Gedeon, Κωνσ. διατάξεις I, 148*). Только въ 1756 году тамъ пришли къ другому рѣшенію по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, котораго и держатся до сихъ поръ (*Rhally, Σύστασις V, 614. Gedeon, I, 252. Kattenbusch, Orthodoxe Kirche. 405.*

1) См. Vouquet, XVI, pag. 150 примѣч. а; здѣсь сообщены свѣдѣнія о монастырѣ Ключищевъ въ Константинополѣ. *Constantinopoli enim, quemadmodum et in reliqua Graecia, basilicae erant et varia Latinorum monasteria, quibus Romanis moribus et ritu latino vivere, reliquaque sacra ad Pontificum normam celebrare permittebatur.*

2) *Nihilominus etiam te rogamus, ut hominibus imperii nostri, Teutonicis videlicet, qui Constantinopoli morantur, locum in quem ad honorem Dei ecclesiam aedificent concedas, писалъ Конрадъ къ Іоанну, а въ письмѣ къ Мануилу — въ концѣ идетъ рѣчь—de loco, in quo nostris Teutonicis ad honorem Dei ecclesiam aedificare volumus...*

что будущая супруга Мануила, императрица Ирина, съ самаго начала ходила въ греческую православную церковь и совѣсьмъ не предусматривалось, что она будетъ нуждаться въ латинской— подобно временнымъ или чуждымъ пришельцамъ. Если на этотъ счетъ могли быть прежде какія сомнѣнія (Bernhardi, см. примѣчаніе внизу текста на стр. 86), то они окончательно уничтожаются любопытнымъ повѣствованіемъ надгробнаго слова о сценѣ причащенія Ирины въ Солунѣ, о чемъ рѣчь будетъ далѣе.

Какъ бы то ни было, при возобновеніи начатыхъ при Кало-Іоаннѣ посольскихъ сношеній съ Германіею и Конрадомъ, Мануиль въ 1145 году извѣщалъ послѣдняго о своемъ намѣреніи вступить въ дѣйствительный брачный союзъ съ давно предназначенной ему невѣстою. Сообщение было сдѣлано очень строптивымъ греческимъ посломъ Никифоромъ, который раздражилъ Конрада вѣроятно неумѣстными заявленіями относительно титула: постоянный источникъ пререканій между двумя имперіями, изъ коихъ каждая считала себя единственно *римскою*; но все кончилось благополучно, и Конрадъ съ своей стороны изъявилъ готовность видѣть въ имѣющемъ совершиться обрядѣ «залогъ вѣчнаго союза постоянной дружбы»¹⁾. При этомъ, согласно съ желаніемъ Мануила—видѣть въ Константинополѣ болѣе знатныхъ пословъ—Конрадъ отправилъ туда Бюрцбургскаго епископа Ембрикона и Роберта, князя Капуанскаго. Первому изъ нихъ Оттонъ Фрейзингенскій приписываетъ какую-то особенную роль въ окончательномъ устройствѣ дѣла, въ осуществленіи давно задуманнаго плана. Византійскій литераторъ и ученый, уже знакомый намъ Цеци—съ своей стороны хвалится, что ему удалось за семь мѣсяцевъ ранѣе предсказать царскую свадьбу, имѣющую совершиться въ январѣ, хотя для этого, повидимому, не требовалось слишкомъ глубокаго знанія астрономическихъ примѣтъ, которыми Цеци объяснялъ свое предвѣдѣніе²⁾. Что свадьба была въ январѣ, это видно изъ замѣчанія Оттона Фрейзингенскаго объ Ембриконѣ, будто бы распоряжавшемся приготовленіями къ брачному торжеству, которое совершилось *въ недѣлю послѣ*

1) Volumus ut insit aeternum foedus perennis amicitiae: письмо Конрада въ Otton. Fries. *Gesta*, Lib. I, cap. 24.

2) Scholia ad Tzetzi's Allegorias: Cramer, *Anecdota graeca Oxoniens. Biblioth.* vol III, 380. ὡσπερ καὶ ὁ Τζέτζης προειπὼν περὶ τοῦ βασιλέως γάμου ὅτι μετὰ ἑπτὰ μῆνας γενήσεται ἰανουαρίου μηνός, οὐκ ἀδόκιμος ἐφάνη περὶ τὴν πρόβρῃσιν.

*Крещенія*¹⁾. Ембриконъ еще нѣсколько времени оставался въ Византіи и умеръ на возвратномъ пути въ Аквилеѣ, какъ показываютъ другія данныя — 10 ноября 1146 года²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что январскій бракъ нужно относить къ началу *названнаго года* (1146).

Оба византійскіе историки, описывающіе царствованіе Мануила, сохранили хорошую память о первой его женѣ и сообщаютъ нѣкоторыя черты ея внѣшней и нравственной фізіогноміи, легко согласуемыя съ патетическими отзывами печатаемой нами надгробной рѣчи, отчасти ею восполняемыя. По словамъ Киннама Ирина отличалась благочиностию внѣшняго поведенія, а относительно душевныхъ качествъ не уступала ни одной изъ своихъ сверстницъ; цѣломудріемъ, благочинностію и милосердіемъ къ нуждающимся далеко превосходила своихъ современницъ³⁾. Никита Хоніатъ пишетъ⁴⁾: «Она не столько заботилась о красотѣ тѣлесной, сколько о внутренней и душевной. Отказавшись отъ притираній порошками, отъ подкрашиванія глазъ, отъ искусственнаго, но не отъ природнаго румянца и предоставивъ все это женщинамъ безразсуднымъ и пустымъ, она занималась и украшалась добродѣтелями. При томъ она имѣла свойственный ея племени характеръ непреклонный и была нѣсколько упряма». И въ нашемъ новомъ источникѣ для характеристики Ирины есть указанія, что со стороны физической Ирина представляла типъ нѣмецкой красоты: она была высока ростомъ—и потому сравнивается съ пальмою, отличалась соразмѣрностію членовъ, цвѣтущею свѣжестью и нѣжною краскою лица. Объ ея сострадательности къ сирымъ и бѣднымъ, проявлявшейся въ разныхъ видахъ благотворительности, говорится въ надгробной рѣчи съ подобающею подробностію. Племенные черты нравственнаго нѣмецкаго характера отмѣчены Василиемъ Охридскимъ въ изліяніи его чувствованій по поводу сцены причащенія, въ которой онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ былъ очень развитъ въ фамиліи Комниновъ и при дворѣ Мануила. Не смотря на то, что Ирина-Берта, конечно, только послѣ приѣзда въ Константинополь научилась греческому языку, она не осталась чуждою стремленіямъ

1) Qui omnia sapienter et solerter ordinans, nuptias post *epiphaniam ebdomada* in urbe regia celebrari cum fastu et decore regio jussit. *Gesta* I, c. 23.

2) *Bernhardi, Der König Konrad*, I, 416 примѣч.

3) *Cinnam histor. Lib. II, cap. 4. Bonn, pag. 36* и *Lib. V, cap. 1. Bonn, p. 202.*

4) *Nicet. De Manuele Lib. II, cap. 2. Bonn, p. 73.*

образованной среды. Чтеніе и толкованіе Гомера входило въ кругъ приличнаго воспитанія, составляло главную основу тогдашняго такъ называемаго грамматическаго обученія. Нѣкоторое знакомство съ поэмами Гомера Ирина, нужно предпологать, пріобрѣла въ теченіи годовъ, предшествовавшихъ браку, но какъ далеко и глубоко шло это знакомство, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ оно не произвело на нее такого жизненнаго захватывающаго впечатлѣнія, чтобы повліять на ея вкусъ и внушить отвращеніе къ жалкимъ упражненіямъ современныхъ ей стихослагателей.

Въ 1147 году¹⁾, черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, она прославляется какъ величайшая почитательница Гомера, *гомеричнѣйшая* царица, въ появившихся въ означенномъ году такъ называемыхъ *Аллегоріяхъ* Гомера, сочиненныхъ Иоанномъ Цеци²⁾. Твореніе Цеци, посвященное Иринѣ въ самомъ надписаніи, начинается предисловіемъ, тоже обращеннымъ къ лицу приказавшей ему взяться за сочиненіе. Ирина называется свѣтлою, вселунною луною, которая является не волнами океана омытою, но выникающею изъ пурпурнаго ложа самаго свѣтоносца (солнца), она хочетъ своими духовными лучами далеко прогнать темноту реченій и вечерній сумракъ книгъ, не Клеопатрѣ подражая, древней царицѣ, которая, при помощи Ефесскаго врача Сорана, занималась средствами внѣшняго украшенія своей наружности; она не думаетъ, подобно ей, при помощи мудраго механика Книдскаго Дексифана — превратить часть моря въ твердую землю, или же изъ горы Аюна дѣлать море и подобно Ксерксу замостить судами проливъ Абидосскій; нѣтъ, скорѣе подобно незримому Богу — не по естеству, а по отношенію—(τῆ θεσει, οὐ φύσει),—она находитъ удовольствіе въ образахъ и красотахъ слова. Среди грома и бури, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ облака она издаетъ божественный гласъ, наполняющій ужасомъ, и рукополагаетъ своего раба сдѣлаться подлиннымъ изображеніемъ (типомъ) древняго Моисея: только не бѣглый народъ израильскій онъ обязанъ спасать и не Чермное море разсѣкать жезломъ, а великую пучину - океанъ Гомера, сжимающаго кругомъ всю вселенную. Она повелѣваетъ сдѣлать его всѣмъ доступнымъ и удобопроходимымъ.

1) См. Hart, De Tzetzarum nomine vitis scriptis, pagg. 47, 56.

2) Полное заглавіе: Ὑπόθεσις τοῦ Ὀμήρου, ἀλληγορηθεῖσα παρὰ Ἰωάννου γραμματικοῦ τοῦ Τζέτζου τῆ κραταιωτάτῃ βασιλίσση καὶ ὁμηρικωτάτῃ, κυρᾷ Εἰρήνῃ τῆ ἐξ Ἀλαμανῶν. Твореніе Цеци имѣло два изданія — Matranga, Anecdota graeca. Pars prima, Romae, 1831, которымъ мы пользовались, и Boissonade, Lutetiae. Paris. 1851.

«И вотъ я приступаю къ своей задачѣ и поразивъ его (Гомера) жезломъ слова, сдѣлаю всѣмъ доступнымъ, и его незримыя глубины предъ всѣми обнаружатся». Сдѣлавъ довольно нескладную оговорку относительно ожидаемыхъ завистниковъ и насмѣшниковъ, Цеци обращается къ царицѣ и приглашаетъ ее, раскрывъ свой слухъ, сначала узнать о происхожденіи поэта, его родину и отца, а также его учителей: родина и отецъ сомнительны, потому что, по сказаніямъ, Гомеръ оказывается сыномъ семи городовъ и семи отцевъ, но его учителемъ былъ Пропандидъ, питомецъ Лина, который въ свою очередь научился мудрости отъ Кадма. Гомеръ участвовалъ въ двухъ походахъ, Оиванскомъ и Троянскомъ, былъ бѣденъ и слѣпъ, пришелъ въ Аркадію, гдѣ надъ нимъ грубо насмѣялись тамошніе рыбаки; возвращаясь въ огорченіи домой, онъ поскользнулся, неловко упалъ и тутъ же умеръ.— Слѣдуетъ введеніе (prooemium) въ самую Иліаду, излагающее то, что происходило ранѣе и вызвало походъ грековъ подъ Трою, вмѣстѣ съ характеристикой героевъ, съ описаніемъ ихъ наружности.— Свадьба Пелея, споръ трехъ богинь, судъ Париса, похищеніе Елены составляютъ эпизодъ, изложенный съ большою подробностію. Оказывается, что Парисъ - Александръ ранѣе путешествія въ Грецію былъ риторомъ и упражнялся въ литературѣ и наукахъ, даже написалъ много сочиненій—въ стилѣ и вкусѣ Іоанна Цеци. Самому Александру-Парису принадлежитъ первоначальное космогоническое - аллегорическое объясненіе брака Ѳетиды и Пелея: бракъ значитъ сочетаніе основныхъ первичныхъ стихій, три богини, присутствовавшія на свадьбѣ, означаютъ: Аѳина—влажный приземный воздухъ, Гера—эоиръ, а Афродита—тонкое вещество огня. Цеци забываетъ сказать, какъ Парисъ объяснялъ себя самого; можетъ быть, догадавшись, что космогоническимъ объясненіемъ Париса-Александра была бы подорвана правдоподобность его литературной дѣятельности.— Личное отношеніе къ Иринѣ имѣетъ заключеніе первой книги, излагающей содержаніе соотвѣтствующей рапсодіи и состоящей изъ 1217 политическихъ стиховъ. Отсюда видно, что Цеци предполагалъ дѣйствительный и живой интересъ къ его произведенію, лишенному не только вкуса, но и здраваго смысла, со стороны юной царицы, принявшей на себя роль покровительницы наукъ.— «Я не знаю, говоритъ онъ, цѣли твоихъ внушеній—желаешь-ли ты, чтобы я все описалъ вкратцѣ, или же чтобы я въ подробности и въ частностяхъ (πρὸς πλάτος μερικῶς),—по главамъ отъ альфы къ витѣ и другимъ буквамъ, — излагалъ содержаніе каждой пѣсни (рапсодіи), кто и

кто, кѣмъ и кѣмъ былъ убитъ, прибавляя при семъ небольшія замѣчанія и полезныя аллегорическія толкованія (въ родѣ сейчасъ приведеннаго по Александру): пусть мнѣ это будетъ разъяснено скорѣе, ибо я очень недоумѣваю». — Разъясненіе было дано, очевидно, въ смыслѣ желательности подробнаго изложенія каждой рапсодіи по образцу того, что уже было представлено. — Но, увь, въ концѣ XV пѣсни (Matranga, Anecdota I, 125) насъ вдругъ поражаетъ такая замѣтка: «До рапсодіи О сочиненіе было писано для царицы, а затѣмъ возникла опасность, что трудъ совсѣмъ будетъ прерванъ вслѣдствіе крайней скарედности (*δυστροπία*) тѣхъ, отъ кого зависѣло вознагражденіе». — Что произошло, мы узнаемъ изъ длиннаго и по содержанію очень любопытнаго письма Цеци (№ 48, Pressel, pag. 48 — 51) къ пѣккому *Μεγαλονά*.

Можно сказать, что письмо написано не только съ большимъ риторическимъ искусствомъ, но даже и съ талантомъ, который вообще у Цеци проявляется не въ стихотворной формѣ, а въ прозаической. Самъ онъ думалъ на оборотъ и по этому къ письмамъ еще присочинилъ комментаріи — *въ стихахъ*, такъ называемыя Хиліады («Тысячи» разумѣется стиховъ: всего тринадцать хиліадъ), которыя въ литературномъ отношеніи представляютъ совершенную нелѣпость, но иногда въ самомъ дѣлѣ разъясняютъ то, что осталось темнаго въ прозѣ. И въ данномъ случаѣ здѣсь можно найти простѣйшее разъясненіе занимающаго насъ приключенія. Къ сожалѣнію, было бы слишкомъ длинно подробно излагать содержаніе чувствованій, выражаемыхъ обиженнымъ поэтомъ въ его длинномъ посланіи; оно отзывается весьма оппозиционнымъ духомъ и тономъ по отношенію къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ и даже къ тогдашнимъ общественнымъ порядкамъ. А сущность обиды, которая заставила писателя оглянуться кругомъ и почувствовать царящую вездѣ неправду, заключалась въ томъ, что ему за его трудъ сначала платили дороже, а потому вдругъ понизили цѣну или еще того хуже. Онъ представлялъ свой трудъ сначала небольшими тетрадами, вмѣщавшими каждая не болѣе 288 стиховъ, и получалъ за тетрадь по 12 золотыхъ монетъ — впрочемъ довольно подозрительнаго *блага* золота, затѣмъ управляющій дворомъ и казною Августы (Ирины) посовѣтовалъ ему больше беречь пергаментъ и писать убористѣе. Послѣ того Цеци представилъ тетрадь, писанную въ нѣсколько столбцевъ, которая одна заключала въ себѣ столько, сколько бы вошло въ десять прежнихъ, и получилъ то же

самое, что за простую, то есть по его расчету — въ десять разъ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, да и на этомъ дѣло не остановилось: отъ него потомъ стали отдѣлываться одними поощреніями: «пиши, пиши далѣе, а награда тебѣ будетъ»¹⁾). Поэтъ чувствовалъ себя не только обиженнымъ, но и обокраденнымъ; ему было тѣмъ болѣе горько, что, какъ онъ замѣчалъ, ко двору Ирины легко проникають разные лицемѣры, святоши и попрошайки, за свою мнимую святость и подвижничество получающіе щедрые, ни съ чѣмъ не сообразные подарки: въ письмѣ это изображено въ живыхъ и конкретныхъ образахъ. — Вотъ въ чѣмъ заключался эпизодъ съ Аллегоріями. Нужно прибавить, что Цеци всетаки получилъ возможность продолжать свой трудъ. Нашелся, по его выраженію, благородный Пизистратъ въ лицѣ богатаго сановника Константина Котерци, который доставилъ нужныя средства, обезпечилъ гонораръ автору и тѣмъ самымъ побудилъ довести до конца Иліаду. Одиссея явилась уже по смерти Ирины (*Matranga*, *Anecd. I*, 224), и къ чести поэта нужно сказать, что онъ съ благодарностью вспоминаетъ о царицѣ, «которая была украшеніемъ женскаго пола» и по приказанію которой за достойные дары онъ самъ написалъ большую часть своей аллегорической Иліады. Есть признаки, что Ирина интересовалась и письмами Цеци или по крайней мѣрѣ ей навязывали обязанность такого вниманія; существовало недошедшее до насъ изданіе первой части Хиліадъ, предназначенное для царицы и ей посвященное, а мы знаемъ, что Хиліады есть только комментарий къ письмамъ²⁾).

Отношенія къ Цеци, повидимому, были первымъ и послѣднимъ опытомъ меценатства, прямого покровительства со стороны Ирины свѣтской литературѣ. Кромѣ своего Котерци, который былъ для его Аллегорій тѣмъ-же, чѣмъ Пизистратъ для поэмъ Гомера, Цеци опять могъ обращаться къ прежней своей усердной поощрительницѣ — севастократориссѣ Иринѣ, женѣ Андроника, недавно умершаго брата Мануилова. Другой поэтъ, Θεοδωρὸς Προδρομῶν, привѣтствовавшій въѣздъ Ирины - Берты въ царствующій градъ, обращался съ своими произведеніями и съ постоянными напоминаніями о скудости своихъ средствъ къ жизни тоже къ севастократориссѣ, а не къ Августѣ или самодержицѣ. Манасси все для той-же севастократориссы написалъ свою стихо-

1) *Chiliad. IX. Histor. 283—297. Ed. Kiessling, pag. 334—335.*

2) *См. Hart, De Tzetzarum nomine et cet., pag. 56.*

творную хронику. Дальнѣйшее безучастное отношеніе царицы Ирины къ свѣтской литературѣ, къ которой, конечно, приходится относить все, соприкасающееся съ классическимъ язычествомъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что при ея дворѣ и надъ нею пріобрѣли исключительное вліяніе духовныя лица—архіереи и монахи: Цеци, прямо сознававшій противоположность между свѣтскою литературою и церковною, намекалъ на ханжей и лицемѣровъ. О глубокомъ благочестіи и набожности Ирины, о почтеніи ея къ духовному чину, особенно къ черному духовенству находится прямое свидѣтельство въ рѣчи Василія Охридскаго. Впрочемъ, вскорѣ послѣ брака для Ирины начался періодъ заботъ и тревогъ, отчасти личныхъ, отчасти общественныхъ: ихъ было достаточно, чтобы поглотить все ея вниманіе.

Въ августѣ 1147 года приближалось къ Константинополю крестовое нѣмецкое ополченіе, предводимое королемъ Конрадомъ; по дорогѣ оно надѣлало столько буйствъ и насилій, что настроеніе греческаго населенія, особенно въ столицѣ, проникнуто было раздраженіемъ, страхомъ и враждою къ опаснымъ пришельцамъ. Даже отношенія между свояками, Мануиломъ и Конрадомъ, не смотря на личныя вѣроятныя старанія Ирины, не были вполне дружелюбны или искренни. Нѣмцамъ было отведено помѣщеніе по другую сторону Золотого Рога въ Перѣ, самъ король имѣлъ тамъ свою квартиру и не успѣлъ побывать ни во Влахернахъ, ни у св. Софій; свиданія между союзниками и родственниками не послѣдовало. Мануилъ всего болѣе озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы поскорѣе сбить съ рукъ нѣмцевъ, пока не подойдутъ французы. Въ сентябрѣ Конрадъ съ главною массою своихъ ополченцевъ принужденъ былъ переправиться на азіатскій берегъ. Всѣ сношенія его съ царемъ и Ириною ограничилиcя пересылкою привѣтствій, личныхъ и политическихъ требованій чрезъ гонцовъ и посланцевъ. Разрыва, впрочемъ, не было. Потерпѣвъ затѣмъ роковую неудачу на походѣ противъ Иконійскихъ турокъ и особенно пострадавъ при отступленіи отъ Дорилея къ Никеѣ, поставленный въ непріятное положеніе къ послѣ прибывшему французскому королю, вмѣстѣ съ которымъ пришлось продолжать походъ по берегамъ Малой Азіи—чрезъ греческіе приморскіе города по направленію къ Сиріи, разбитый нравственно и большой физически, Конрадъ съ дороги изъ Ефеса въ самомъ началѣ 1148 года вернулся въ Константинополь. Если буквально понимать выраженія его позднѣйшаго письма къ аббату Вибальду, то нужно будетъ принять, что императоръ Мануилъ вмѣстѣ

съ молодою императрицею лично прибыли въ Ефесъ въ сопровожденіи морской эскадры и снабдили Конрада и его князей всѣми средствами, нужными для переѣзда; затѣмъ Мануиль почти насильно помѣстилъ свояка въ одномъ изъ своихъ дворцовъ и поручилъ его леченіе собственнымъ врачамъ ¹⁾, среди которыхъ были знаменитости, оставившія свои имена въ исторіи. Впрочемъ, Мануиль и особенно императрица не переставали принимать непосредственное участіе въ уходѣ за больнымъ, въ стараніяхъ о возстановленіи его здоровья. Мануиль, который считалъ себя знатокомъ во врачебномъ искусствѣ и признаваемъ былъ за такого другими, лично являлся при постели больного короля и не только наблюдалъ надъ ходомъ леченія, но и руководилъ имъ. Когда Конрадъ нѣсколько оправился, но все еще находился въ подавленномъ состояніи духа подъ гнетомъ мрачныхъ воспоминаній о гибели своего войска, его старались утѣшить или по крайней мѣрѣ развлечь всякаго рода увеселеніями—конными ристаніями и театральными представленіями. Тогда послѣдовало обрученіе племянницы Мануила Феодоры со своднымъ братомъ короля, герцогомъ Гейнрихомъ, маркграфомъ австрійскимъ (Bernhardi II, 656). Послѣ выздоровленія Конрадъ опять на греческомъ кораблѣ былъ отвезенъ въ Палестину и около Пасхи (11—17 апрѣля 1148) высадился въ Аккѣ; онъ все-таки рассчитывалъ собрать достаточно людей и средствъ, чтобы совершить походъ для освобожденія Едессы.

Въ Иерусалимѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ своекорыстныхъ соображеній и настояній, этотъ планъ былъ замѣненъ походомъ на Дамаскъ. Извѣстно, какъ плачевно для крестоносцевъ окончилось это предпріятіе; причиною была почти явная измѣна своихъ, то есть, палестинскихъ князей и бароновъ, не исключая самого короля Балдуина. Огорченный и оскорбленный, Конрадъ, согласно съ прежде даннымъ обѣщаніемъ, даже скрѣпленнымъ клятвою, воротился въ европейскіе предѣлы византійскаго государства. 8-го Сентября (1148 г.) въ Аккѣ онъ сѣлъ на греческій корабль, его ожидавшій; однако курсъ судна былъ направленъ не въ Константинополь, а къ Солуню. Безъ сомнѣнія, Мануиль далъ своему адмиралу приказаніе привести короля туда, гдѣ

1) Jaffé, Monumenta Corbejens. (Bibliotheca rerum Germanic. I), pag. 153. Quod cum frater noster Grecorum imperator audiret, vehementer indoluit et cum filia nostra dilectissima imperatrice, sua videlicet conjuge, ad nos praepropere descendit, liberaliter nobis et principibus nostris sua et necessaria ad iter nostrum largiens, quatinus a medicis suis citius curaremur, quasi vi Constantinopolim in palatium suum reduxit..

онъ самъ будетъ находиться, а въ то время императоръ былъ занятъ приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ противу норманновъ и для наблюденія за ними онъ основалъ свою главную квартиру въ западныхъ областяхъ своей имперіи; въ Солунѣ и въ его окрестностяхъ онъ провелъ не только осень 1148, но и значительную часть слѣдующаго 1149 года. Здѣсь Конрадъ второй разъ встрѣтился и бесѣдовалъ со своимъ своякомъ; здѣсь былъ условленъ планъ общихъ дѣйствій противу норманнскаго короля Рожера въ Италиі и установлены начала общей политики на будущее время. Только весною 1149, послѣ Благовѣщенія, Конрадъ отправился черезъ Аквилею въ Германію. Въ письмѣ къ свояченицѣ, царицѣ Иринѣ, отправленномъ изъ Германіи въ слѣдующемъ 1150-мъ году, онъ съ глубокою благодарностью вспоминалъ о нѣжныхъ ея попеченіяхъ въ Константинополѣ, когда онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, и о позднѣйшихъ доказательствахъ ея родственнаго расположенія. «Никакія затрудненія, никакія опасности, никакія превратности обстоятельствъ не изгладятъ изъ его благодарнаго сердца горячей признательности за испытанную имъ душевную преданность и за щедрость»¹⁾. Это должно было ручаться и за вѣрность Конрада союзу, заключенному съ царемъ Мануиломъ. Въ силу того Конрадъ подробно объясняетъ въ томъ же посланіи стеченіе обстоятельствъ, помѣшавшихъ ему приступить къ исполненію условленнаго плана совокупныхъ дѣйствій противу Рожера тотчасъ послѣ возвращенія въ Германію. Ирина должна была служить посредницею и представить эти объясненія своему мужу. Такой же смыслъ имѣетъ и другое письмо къ Иринѣ ея племянника по сестрѣ, предполагаемаго наслѣдника на германскомъ и императорскомъ престолѣ, короля Гейнриха, сына Конрадова²⁾. По отъѣздѣ Конрада Мануилъ съ супругою оставались еще довольно долго въ окрестностяхъ Солуни. Ни теперь, ни раньше во время пребыванія Конрада никакой временной поѣздки въ Константинополь не было³⁾. Это мы

1) *Tua fides, tua pietas, tua devotio, tua liberalitas — — — tantum ardorem sanctae caritatis in nostra mente circa te adauxerunt, ut eam nulla difficultas, nullum periculum, nulla rerum varietas possit extinguere: Jaffé, Monumenta Corbejensia. pag. 363.*

2) *Jaffé l. c. № 245, pag. 367.*

3) На томъ, что Конрадъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Фессалоникѣ, отправился вмѣстѣ съ Мануиломъ въ столицу, гдѣ и провелъ зиму, съ большимъ усердіемъ настаиваетъ Бернгарди (Konrad III, Anmerk. 45, S. 681—682), хотя уже Киннамъ (L. III, cap. 4), приведенный Капгерромъ, долженъ былъ послужить предостереженіемъ. Вопросъ окончательно рѣшается приводимымъ у насъ новымъ сообщеніемъ. Ср. К. Я. Гротъ «Угрія и Слав.» стр. 141.

подлинно знаемъ изъ исторіи перенесенія въ Константинополь въ монастырь Вседержителя (Пантократора) нѣкоторыхъ святынь изъ Солуня, чѣмъ императоръ Мануиль былъ занятъ въ данное время: разумѣются доска съ гробницы мироточивыхъ мощей Димитрія Солунскаго, замѣненная на мѣстѣ другою, а также его икона и частицы мощей. Именно въ Мартѣ 1149 года для этой цѣли прибылъ сюда изъ столицы игумень вышеназваннаго знаменитаго и богатаго монастыря, основаннаго при Кало-Іоаннѣ; это былъ Іосифъ, извѣстный намъ по письмамъ къ нему Цеци. Игумень не нашель царя въ Салоникѣ, а встрѣтился съ нимъ въ селеніи Доброховиштѣ (Δοβροχουβίστα) — въ области города Веррій—въ двухъ дняхъ конной ѣзды отъ Солуня; въ столицу онъ вернулся въ Октябрь того же года¹⁾. Очевидно, что къ этому періоду пребыванія царственной четы въ Солунѣ и его окрестностяхъ должна быть относима сцена пасхальнаго причащенія Ирины Василіемъ Охридскимъ, столь живо имъ описанная. Отсылаемъ читателя къ самому подлиннику, печатаемому ниже съ русскимъ переводомъ (гл. 17). Прибавимъ, что Пасха была тогда 3-го апрѣля.

Дальнѣйшая жизнь Ирины, повидимому, не была вполне радостна и свѣтла. По увѣренію Никиты Хоніата полной гармоніи между супругами не было; именно неуступчивый нѣмецкій нравъ Ирины возбуждалъ неудовольствіе мужа; молодой императоръ, увлекаясь порывами своего возраста и обаяніемъ своего положенія, не всегда соблюдалъ требованія супружеской вѣрности, хотя не переставалъ относиться къ женѣ съ глубокимъ уваженіемъ, окружая ее всѣми внѣшними проявленіями почета—«не лишалъ ея великолѣпныхъ троновъ, оруженосцевъ и прочаго блеска, чего требовало царское величіе» (Никита).

1) О перенесеніи доски съ гробницы великомученика Димитрія есть краткое сказаніе въ Синаксаристѣ агіорита Никодима подъ 26 Октября. Подробная повѣсть, тогда же написанная діакономъ монастыря Пантократора Никазіемъ, хранится въ Мадридской бібліотекѣ; В. Э. Регель, во время своихъ занятій тамошними греческими рукописями, списалъ ее для себя и любезно доставилъ намъ возможность воспользоваться его копіею. Заглавіе повѣсти такое: S. Demetrii Thessalonicensis Translatiois Historia a Nicasio Diacono Monacho Pantocratorita composita cum latina interpretatione. Начало: Καί τι τῶν ἐπεράστων. Важны слѣдующія мѣста: "Ἐτεῖ τῷ ἑξακισχιλιοστῷ πεντηχοστῷ ἐβδόμῳ κατὰ μῆνα Μαρτίου ἰνδικτιῶνος δωδεκάτης (1149 годъ)... Ἐν τῇ πρὸς Σικελίαν στρατιᾷ ὄντος τοῦ κρατίστου ἡμῶν βασιλέως... Διασωθεὶς οὖν καλῶς καὶ ἀκινδύως σὺν Θεῷ καὶ εὐρῶν τοῦτον οὐκ ἐν Σαλονίκῃ ὡς κατὰ νοῦν εἶχεν, ἀλλ' ἐν χωρίῳ τοῦ θέματος Βερρόιας οὕτω πῶς λεγομένη Δοβροχουβίστα, ἀπέχοντι τῆς μὲν Θεσσαλονίκης ἑπικῆ δρόμου ἡμερήσια δύο. — Возвращеніе Іосифа въ Царьградъ уже отнесено къ тринадцатому индикту къ Октябрю (того же 1149 года).

Съ своей стороны Ирина умѣла цѣнить достоинства и героическую военную доблесть своего мужа, которою онъ ознаменовалъ себя прежде всего при осадѣ Корфу, занятаго временно норманнами. По разсказу Киннама (Lib. II, cap. 3. Bonn, pag. 99), она однажды въ полномъ собраніи высшихъ государственныхъ чиновъ держала рѣчь въ его похвалу и при этомъ выразилась, что она не знаетъ другаго примѣра, когда бы кто совершилъ столько славныхъ дѣлъ въ столь короткое время; а она, по замѣчанію византійца, была въ этихъ дѣлахъ компетентна, ибо происходила изъ великаго и воинственнаго рода. Въ надгробной рѣчи Василія сообщается, что большимъ горемъ для Ирины было продолжительное безплодіе, потомъ неимѣніе дѣтей мужескаго пола. Если не въ началѣ супружества, то въ послѣдствіи Ирина родила мужу двухъ дочерей; однако, это не было полнымъ утѣшеніемъ и не замѣняло отсутствія желаннаго порфиророднаго наслѣдника. Уже тогда въ Византіи появилось объясненіе, что тутъ не было случайно-сти, что тутъ было божье наказаніе—хотя и не за вину самой Ирины. Разсказывали, будто несправедливо обиженный царемъ и низложенный съ престола патріархъ Косьма произнесъ заклятіе на утробу царицы, чтобы она не рождала дѣтей мужескаго пола; у Никиты описывается патетическая сцена, при которой это произошло, и послѣдовавшее смятеніе придворныхъ, изъ коихъ одинъ едва не занесъ руку на патріарха (Nicet. Manuel lib. II, cap. 3. Bonn, pag. 107—109). Самъ историкъ благоразумно сомнѣвается въ вѣрности ходячаго объясненія, но тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что императоръ, чело-вѣкъ, очевидно, здравомыслящій, будучи упрекаемъ совѣстію за свой поступокъ съ праведнымъ и благочестивымъ старцемъ, признавалъ, что это, а не что-либо другое, было причиною, почему онъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола. Что касается дочерей, то первая изъ нихъ родилась не ранѣе 1152 года¹⁾; она была наречена Марією и отлича-

1) Киннамъ (Lib. III, cap. 11 въ концѣ. Bonn, pag. 118) сообщаетъ объ этомъ вслѣдъ за разсказомъ о походѣ Мануила противъ Угровъ на Дунай и о дѣйствіяхъ около Браничева, о чемъ см. у К. Я. Грота (Угрія и славянство, стр. 183, 184), который относитъ событія къ 1151 году.—Есть еще одно большое стихотвореніе Θεοδωρα Προδρομα съ надписаніемъ, что это есть пѣснопѣніе на рожденіе порфирородной царицы (ἐλάσματα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίδος), которое издатель (E. Miller, Historiens grecs des croisades II, 351) поэтому отнесено къ рожденію Маріи,—но надписаніе ложно и нужно удивляться, какъ этого не замѣтилъ ученый издатель, потому что мать представляется дочерью короля, чѣмъ не была Берта-Ирина, и, что еще важнѣе, — новорожденный младенцемъ мужескаго пола (ἀπόρον, ἔγγονος), явившимся на свѣтъ на десятый годъ брака: дѣло идетъ объ Алексѣѣ, сынѣ

лась большою красотою. Впослѣдствіи ей суждено было пережить свою мать и еще при жизни отца испытать не мало превратностей вслѣдствіе того, что онъ сдѣлалъ ее орудіемъ своей политики. Считаясь ближайшею наслѣдницею престола, она была обручена съ угорскимъ королевичемъ Бѣлою, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ объявленъ преемникомъ Мануила на царствѣ, но затѣмъ, когда у Мануила отъ второй жены родился собственный сынъ, Марія должна была отказаться отъ надежды на высокое наслѣдство, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ жениха; только на тридцатомъ году жизни, когда ея прежній обручникъ уже носилъ корону св. Стефана, она была выдана за мужъ за семнадцатилѣтняго юношу Райнера Монферратскаго: конецъ обоихъ былъ самый трагическій.—Вторая дочь Мануила и Ирины, по имени неизвѣстная, не долго пережила свою мать и умерла четырехъ лѣтъ отъ роду (*Sinpat. Lib. V, cap. 1. Bonn, pag. 202*), ея рожденіе можно относить къ 1157 году или даже къ 1156-му. О смерти ея вслѣдъ за кончиною матери говоритъ въ своей рѣчи Василій Охридскій (гл. 20), къ сожалѣнію въ столь искусственно метафорическихъ выраженіяхъ, что они способны подать поводъ къ недоразумѣнію.

Изъ западныхъ источниковъ извѣстны еще два факта, связанные съ именемъ Ирины. Въ царствованіе Фридриха Барбароссы— въ 1154 году — прибывшіе изъ Константинополя послы заявили между прочимъ преемнику Конрада († 1152) отъ имени византійской императрицы объ ея желаніи, чтобы надъ ея племянникомъ (сыномъ ея сестры Гертруды и Конрада) Фридрихомъ младшимъ, едва достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста, былъ безъ замедленія совершенъ старо-нѣмецкій обрядъ опоясанія мечемъ и вмѣстѣ посвященія въ рыцари. Отгонъ Фрейзингенскій (*Gesta Freder. Lib. III, cap. 6*) прибавляетъ, что тетка, Ирина (*Herena*) константинопольская, очень любила юношу и часто присылала ему богатые подарки. Посламъ было наказано, чтобы они возвращались не иначе, какъ бывъ свидѣтелями совершенія желаемой церемоніи, — и такой наказъ былъ данъ съ согласія мужа, императора Мануила, а этотъ послѣдній руководился любовью къ супругѣ и воспоминаніемъ о старой дружбѣ съ Конрадомъ¹⁾.

Мануила отъ второй жены, Маріи антиохійской. Мануиль женился на ней въ 1161 году, а сынъ Алексѣй родился въ сентябрѣ 1169 года.

1) Ср. *Giesebrecht, Gesch. der d. Kaiserz. V, 120.*

Тотъ же самый писатель или же его продолжатель Рагевинъ рассказываетъ подъ 1158 годомъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ достовѣрности о дошедшихъ изъ Византіи. въ Германію слухахъ о какомъ-то заговорѣ на жизнь Мануила: въ заговорѣ главную роль игралъ хранитель царской чернилицы — съ красными, впрочемъ, чернилами, *ὁ ἐπί τοῦ κανικλείου*, что соотвѣтствуетъ, де, званію канцлера; но преступный замыселъ сдѣлался извѣстенъ *императрицѣ*, которая извѣстила своего мужа; глава злоумышленниковъ былъ схваченъ, ему выкололи глаза и вырвали языкъ. (*Gesta Freder. Lib. III, cap. 47*). Византійскіе источники, историки Киннамъ и Никита, рассказываютъ этотъ эпизодъ каждый по своему, но ни тотъ ни другой не примѣшиваютъ къ открытію мнимаго или дѣйствительнаго заговора имени самой царицы. Дѣло идетъ о Теодорѣ Стиппіотѣ, о близости котораго къ царскимъ пурпурнымъ черниламъ говорятъ оба византійца. Вина его, по Киннаму (*Lib. IV, cap. 19. Bonn, pag. 184*), состояла въ томъ, будто бы онъ распространялъ предсказанія о близкой смерти императора Мануила и высказывалъ особыя идеи о престолонаслѣдіи: византійскій синклитъ, то есть совокупность высшихъ государственныхъ сановниковъ, долженъ былъ вступить въ роль Римскаго сената и озаботиться о томъ, чтобы скипетръ перешелъ въ руки какого-нибудь престарѣлаго мужа, а не полного силъ юноши, дабы власть самодержца была только номинальною, а дѣйствительное управленіе имѣло такой видъ, какой бываетъ въ государствахъ демократическихъ. По Никитѣ Хоніату (*Manuel. Lib. III, cap. 4. Bonn, pag. 145—148*), тутъ просто была придворная интрига; на самомъ дѣлѣ никакого заговора не существовало, а происходила глухая и темная борьба за вліяніе, прибѣгавшая къ такимъ средствамъ, какъ поддѣльныя подброшенныя письма, вслѣдствіе доноса найденныя при обыскѣ и послужившія уликою. Однако, изъ намековъ Никиты можно заключить, что дѣло касалось признанія правъ наслѣдства на престолъ за малолѣтнею дочерью Ирины, Марією, которой уже теперь возможно было пріискивать жениха, долженствующаго раздѣлить съ нею тронъ: черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1163-мъ году), но уже по смерти Ирины, такимъ оказался угорскій королевичъ Бѣла. Ирина естественно должна была стоять на стражѣ интересовъ своей дочери, особенно если и она сама повѣрила въ закліятіе низложеннаго патріарха и отказалась отъ надежды имѣть дѣтей мужескаго пола.

Смерть Ирины относятъ (Муральтъ) къ 1158-му году, но, пови-

димому, она прожила нѣсколько долѣе. Въ весьма отчетливомъ разсказѣ историка Киннама отмѣчается кратковременное пребываніе Мануила въ столицѣ съ *царицею* послѣ возвращенія изъ похода противъ Сельджукскихъ турокъ зимою 1159 года¹⁾. По связи дальнѣйшаго повѣствованія ея кончину приходится относить къ осени или зимѣ 1160-го года, потому что вслѣдъ затѣмъ говорится о смерти угорскаго короля Гейзы, послѣдовавшей 31 мая 1161-го года²⁾.

Историки не сообщаютъ никакихъ подробностей о болѣзни, подкосившей жизнь еще молодой государыни; только Никита, говоря о крайнемъ сокрушеніи царя, употребляетъ сравненіе, которымъ начинается рѣчь Василя (*«какъ левъ жалобно возрестъ»*), доказывая такимъ образомъ свое знакомство съ этимъ произведеніемъ. Василій Охридскій даетъ довольно неопредѣленное описаніе недуга, оказавшагося смертельнымъ, упоминаетъ объ изнурительной лихорадкѣ, о пораженіи внутреннихъ органовъ. Желая внушить служателямъ представленіе, что не смотря на болѣзнь, крившуюся въ организмѣ, покойница сохранила и послѣ кончины видъ цвѣтущей и красивой женщины, ораторъ прибѣгаетъ къ сравненію, заимствованному изъ какихъ-то темныхъ классическихъ преданій о Марціи, женѣ Катона (гл. 16). Во время беременности она была поражена молніею, которая убила младенца, но оставила мать невредимою. Любопытно было бы узнать, чрезъ какое средство дошло къ нему это извѣстіе о приключеніи съ Марціей, ведущее свое начало, очевидно, отъ Плинія старшаго, хотя этотъ послѣдній и не считаетъ Марцію, подвергшуюся удару молніи, женою Катона³⁾. Ирина была погребена въ монастырѣ Пантократора. Царь Мануиль недолго оставался неутѣшнымъ; въ 1161-мъ году онъ сосваталъ себѣ другую супругу, дочь князя Антиохійскаго, по женской линіи принадлежавшую къ французскому королевскому дому Капелтинговъ⁴⁾.

1) Cinnam. L. IV, cap. 23 (Bonn, pag. 194).

2) Cinnam. L. V, cap. 1. Bonn, pag. 194. Nicet. Manuel. L. III, cap. 5. Bonn, pag. 151. О смерти Гейзы см. К. Я. Гротъ, Угрія и славянство стр. 254 примѣч. 2. Съ другой стороны нужно имѣть въ виду, что сватовство Мануила, искавшаго невесты при посредствѣ іерусалимскаго короля, потребовало времени около года (Willerm. Tyrens. XVIII, c. 31, pag. 875), а затѣмъ бракосочетаніе съ Маріею совершилось 25 декабря 1161 года.

3) Plin. *Histor. Natur.* L. II, § 137. Marcia, princeps Romanarum icta gravida partu exanimato ipsa citra ullum aliud incommodum vixit.

4) Willerm. Tyrens. l. c., pag. 875.

Остается сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ объ изданіи нижеслѣдующаго текста и о рукописяхъ, изъ которыхъ онъ заимствованъ. Какъ мы уже сообщили въ началѣ, рѣчь Василія Охридскаго на смерть Ирины находится въ одномъ греческомъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Разумѣется чрезвычайно важный и содержательный кодексъ *греч. № ССL*, изъ котораго мы уже обнародовали нѣсколько любопытныхъ документовъ въ статьѣ объ обновленіи болгарскаго патріаршества ¹⁾; съ другими надѣемся ознакомить читателей Временника въ непродолжительномъ времени. Сборникъ, вывезенный преосвящ. Порфиріемъ Успенскимъ († 1885) изъ монастыря св. Екатерины на горѣ Синаѣ, былъ описанъ кратко имъ самимъ и подробнѣе нами въ приложеніи къ отчету Императорской Публичной библіотеки за 1883-й годъ: печатано и вышло отдѣльными оттисками въ 1885-мъ году подъ заглавіемъ «Описаніе Порфирьевскаго сборника Византійскихъ документовъ». Не повторяемъ здѣсь сдѣланнаго тамъ подробнаго оглавленія. Припомнимъ только, что высокая цѣнность кодекса все-таки много теряетъ вслѣдствіе печальнаго опустошенія, произведеннаго въ немъ неизвѣстно когда и кѣмъ. Сборникъ теперь состоитъ изъ 150 листовъ на бомбицинѣ въ большую 4-ку, но около цѣлой четверти первоначальнаго состава утрачено, и, что всего хуже, пробѣлы образовались не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ сподрядъ, а непрерывно и спорадически между отдѣльными сохранившимися листами, такъ что очень часто самыя интересныя статьи не имѣютъ либо начала, либо конца. Издаваемая нами статья, которою и открывается кодексъ, не имѣетъ ни того, ни другаго, ни начала, ни конца; текстъ прямо вводитъ насъ въ описаніе какого-то торжественнаго, какъ далѣе оказывается — брачнаго поѣзда. Тѣмъ не менѣе не составляло особенной трудности догадаться о какой невѣстѣ, послѣдующей царицѣ, идетъ дѣло въ рѣчи; хотя по имени не названа ни она сама, ни ея царственный супругъ, но за то указано ея нѣмецкое происхожденіе и родство, упомянуто о смерти двухъ старшихъ братьевъ наследника-супруга и т. д. Ясно было, что предметъ рѣчи — Берта Зульцбахъ, сдѣлавшаяся вслѣдствіе брака съ Мануиломъ Комниномъ императрицею Ириною. Далѣе, изъ каталога греческихъ рукописей Эскуриальской библіотеки Е. Миллера (E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial,

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1885 г. Апрель, стр. 234 и сл.

pag. 212) было извѣстно, что въ знаменитомъ кодексѣ, обозначенномъ у него подъ № 262 и содержащемъ преимущественно произведенія церковнаго краснорѣчія времени Комниновъ (Евстація Солунскаго, ритора Михаила и т. д.), находится *надгробное слово государыни изъ нѣмецкаго рода*, приписываемое тамъ опредѣленному автору, именно Василю Охридскому. Cod. 261, fol. 337 г. τοῦ γεγονότος Θεσσαλονίκης κῦρ Βασιλείου τοῦ Ἀχριδηνοῦ λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῇ ἐξ Ἀλαμανῶν δεσποίνῃ. Мы естественно предположили тождество этой пьесы съ тою, которую читали въ С.-Петербургскомъ сборникѣ. Когда затѣмъ ученая командировка привела начинавшаго тогда свою дѣятельность молодаго византиниста В. Э. Регеля съ Востока въ Испанію, и при томъ на долгое время въ Эскуриаль, мы воспользовались удобнымъ случаемъ и попросили его сличить посланную ему копію петербургскаго неполнаго текста съ эскуриальскою рѣчью Василя Охридскаго. Ожиданія наши относительно тождества оправдались, но при этомъ оказалось, чего мы не думали, именно что въ началѣ рѣчи недостаетъ гораздо больше, чѣмъ можно было догадываться. Ниже, въ означеніи вариантовъ, отмѣчено мѣсто, на которомъ прекращается исключительное пользованіе эскуриальскимъ кодексомъ. В. Э. Регель съ полною готовностью исполнилъ нашу просьбу, онъ не только дополнилъ недостающее, но и произвелъ полное сличеніе присланной копіи съ эскуриальскимъ спискомъ, откуда и происходятъ отмѣчаемые нами различія. Пользуемся случаемъ, чтобы публично заявить ему глубокую нашу благодарность. Не слѣдуетъ также пройти молчаніемъ содѣйствіе, оказанное намъ при подготовкѣ текста къ печати, при разрѣшеніи затрудненій, представляемыхъ отчасти самымъ характеромъ письма, довольно неразборчиваго, со стороны неизмѣнно любезнаго товарища нашего В. К. Ернштедта, а также А. А. Панадопуло-Керамевса, наконецъ Х. М. Лопарева, который первоначально и уже давно потрудился для насъ при перепискѣ почти всего Порфирьевскаго сборника цѣликомъ.

Еще два замѣчанія, собственно выходящія за предѣлы необходимаго, но на всякій случай не излишнія. Василій Охридскій былъ единственнымъ ораторомъ, оплакавшимъ смерть Ирины - Берты. Въ томъ же самомъ Порфирьевскомъ сборникѣ находится рѣчь неизвѣстнаго сочинителя, сказанная предъ царемъ Мануиломъ по случаю посѣщенія его столицы Килидж - Арсланомъ, турецкимъ (Сельджук-

скимъ) султаномъ (fol. 100 v.), что приходится на 1161 годъ¹⁾. Здѣсь ораторъ кстати припоминаетъ, что ранѣе того онъ сочинилъ *монодию* на смерть царицы (fol. 100 v.), въ концѣ своей рѣчи (fol. 106 v.) онъ побуждаетъ Мануила позаботиться ради общаго блага о скорѣйшемъ заключеніи новаго брака. Можно было бы подумать, что это говоритъ тотъ же самый Василій Охридскій, разумѣя подъ монодию издаваемое нами надгробное слово, но такое предположеніе было бы несостоятельно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) есть нѣкоторое различіе между *надгробнымъ словомъ*, произведеніемъ ораторскимъ, которое никогда не чуждо бываетъ біографическаго, отчасти объективнаго характера, и *монодию*, скорѣе похожую на лирическій плачъ, выражающій единичныя чувствованія близкаго лица; замѣчаніе въ такомъ смыслѣ сдѣлано даже въ заглавіи одной такого рода статьи въ эскуріальскомъ кодексѣ (Miller, Catalogue, pag. 201); 2) ораторъ надгробнаго слова лично былъ знакомъ Мануилу и Иринѣ (сцена причащенія въ Солунѣ), а автора *монодіи* императоръ Мануилъ ранѣе произнесенія рѣчи на прибытіе султана зналъ только *по слуху*²⁾. И такъ это былъ другой писатель.

1) У Муральта пребываніе султана въ Константинополѣ отнесено къ 1159-му году. Но Киннамъ (V. 3. Вопп, pag. 204) помѣщаетъ его въ число событій 1161-го, непосредственно слѣдовавшихъ за кончиною Ирины. Продолжатель Матвѣя Эдесскаго Григорій священникъ подтверждаетъ такую дату: Dulaurier, Bibliothèque historique arménienne pag. 364.

2) Fol. 100 v. *παρέστητέ σοι ῥήτωρ, ὃν ἀκοή σοι μόνον ἐγνώρισε.*

Василія Охридскаго, митрополита Солунскаго, надгробное слово императрицъ Иринѣ изъ нѣмецкаго рода.

1. *Левъ возреветъ, и кто не убоится* (Амос. 3, 8). Царь печалится, и кто не воспечалится вмѣстѣ съ нимъ? Кто не восплачетъ и не возрыдаетъ жалобно? Царь столь великій мудростію и мужествомъ, для всѣхъ непобѣдимый — не только для народовъ, но и для страстей и для всѣхъ требованій природы. Онъ восплакалъ и въ слухъ всей земли возрыдалъ; онъ не возмогъ ни преодолѣть своего горя, ни оправиться отъ него. И кто изъ тѣхъ, кто занимается словомъ или какимъ-либо другимъ дѣломъ, либо ремесломъ, не приметъ участія въ плачѣ, не раздѣлитъ печали, не отнесется съ сочувствіемъ къ несчастію, хотя бы онъ выросъ изъ дуба, высѣченъ былъ изъ камня, выкованъ изъ желѣза? Ибо если *возреветъ левъ изъ дубравы своея* — не будемъ

Благодаря обязательности Дм. Вл. Айналова, доцента Казанскаго университета, мы имѣли удовольствіе ознакомиться съ фотографическимъ снимкомъ нѣсколькихъ листковъ изъ Ватиканской рукописи, содержащихъ весьма любопытныя миниатюры, которыя изображаютъ проводы, переѣздъ и встрѣчу одной западной принцессы, выдаваемой замужъ въ Византію; лицевыя изображенія сопровождаются отрывками стихотворенія, написаннаго на сей случай. Изъ этого стихотворенія видно, что здѣсь дѣло идетъ не объ Иринѣ-Бертѣ, а о какомъ-то другомъ византійскомъ бракѣ. Западный *король* (*ῥηγάρχης*), по просьбѣ самодержца ромейскаго, отправляетъ въ Константинополь свою *собственную дочь*, царь долженъ быть для нея новымъ *отцемъ* и свекромъ (*πενθερός*), женихъ, слѣдовательно, есть сынъ императора; при вступленіи въ городъ выходитъ на встрѣчу невѣстѣ золовка, то есть, сестра (будущаго) мужа новопривывшей принцессы (*ἀνδραδέλφη*). По видимому, здѣсь слѣдуетъ разумѣть дочь Людовика VII, Агнесу, выданную замужъ за сына Мануила отъ второй жены, Алексѣя. Вышедшая на встрѣчу сестра его, называемая тоже царицею, будетъ тогда Марія, дочь Ирины, считавшаяся нѣкогда единственною наслѣдницею престола — вмѣстѣ съ мужемъ Бѣлою Алексѣемъ Угорскимъ. Рѣчь Евстафія Солунскаго *на прибытіе* изъ Франціи невѣсты Алексѣя издана В. Э. Регелемъ (въ его *Fontes rerum Byzantin.*, I, pag. 80—92).

ΤΟΥ ΓΕΓΟΝΟΤΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ ΚΥΡ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ ΤΟΥ ΑΧΡΙΑΗΝΟΥ
ΛΟΓΟΣ ΕΠΙΤΑΦΙΟΣ ΕΠΙ ΤΗΙ ΕΞ ΑΛΑΜΑΝΩΝ ΔΕΣΠΟΙΝΗΙ.

1. «Λέων ἐρεύζεται καὶ τίς οὐ φοβηθήσεται^{α)}); βασιλεὺς πενθεῖ καὶ τίς οὐ πενθήσει; τίς οὐ θρηνήσει καὶ γοερὸν ἀνακλαύσεται; βασιλεὺς ὁ καὶ τὴν σοφίαν τηλικούτος καὶ τὴν ἀνδρίαν, ὁ τοῖς πᾶσιν ἀήττητος οὐκ ἔθνεσι μόνον ἀλλὰ καὶ πάθει καὶ ταῖς ἀνάγκαις τῆς φύσεως, οὗτος ἐθρήνησέ τε καὶ τοῖς ἀπανταχοῦ γῆς ἐξάκουστον ἀπωδύρατο καὶ οὐδὲ ἔτι τοῦ πάθους ἑαυτὸν ἀνακωχεύειν καὶ ἀναφέρειν ἐξίσχυτε. Καὶ τίς ἢ τῶν περὶ λόγους ἢ τῶν ἄλλο τι μετιόντων ἔργων καὶ ἐπιτήδευμα οὗ συνδραμεῖται πρὸς τὸν

Titulus et paragr. 1—8 e cod. Escorialensi Y. II, 10. — 6 ἐξίσχυσε] cod. ἐξίσυχε. — 7 ἔργων cod.

a) Amos III, 8.

отклоняться отъ изреченія пророка, — то развѣ *не испуститъ гласъ свой львищъ изъ ложа своего* (Амос. 3, 4)? Итакъ если на рыканіе льва — а рыканіе звѣря есть его крикъ —, подаетъ голосъ и его дѣтеньшъ изъ логовища; дѣтеньшами же царя на основаніи его попеченія, его всяческихъ подвиговъ и заботъ о насъ должны считаться мы, подвластный ему народъ: то подадимъ и мы голосъ изъ своего убѣжища на крикъ и плачь царя, возвысимъ голосъ, поднимемъ вопль всякій возрастъ и всякій родъ людей — іереи и народъ.

2. Да будетъ горе всенароднымъ, да возбудится печаль всемірная. Какъ всѣ другія ощущенія и движенія льва благородныи, какъ кто-то сказалъ, вмѣстѣ съ удивленіемъ способны внушать любовь, такъ и плачь, если ему пришлось плакать, естественно будетъ страшень и не чуждъ способности возбудить удивленіе, ибо онъ будетъ плакать не о чемъ-либо маломъ и недостойномъ его природы. И царь — такой и столь великій — горюя не постыдитъ своей величавости и царственности, какъ по не достойному страждущій и малодушный. Не всякая какая бы то ни было тяжесть несчастія могла бы подвигнуть неподвижнаго или потрясти столь крѣпкую твердыню, сей столь прочно водруженный и безупречно установленный четвероугольникъ; не всякое обычное природы страданіе могло бы размягчить этого *адаманта*, носимаго *въ руцѣ* божіей (Амос. 7, 7).

3. Пророческое видѣніе — ибо изъ такихъ элементовъ, какъ изъ самосоставляющихся членовъ, собрано и заимствовано мое произведеніе — внушаетъ мнѣ и слѣдующее: что-нибудь великое должно быть предметомъ печали льва, ради которой и львенки подали голосъ и подаютъ, знаю даже, что будутъ голосить и рыдать изъ рода въ родъ. А что для мужа больше жены единоправной и единомысленной, надъ которою ему дано и опекать и властвовать — не какъ господинъ надъ имѣніемъ, но какъ душа надъ тѣломъ, (дано) самимъ промысломъ, связавшимъ душу съ тѣломъ, и образовавшимъ посредствомъ сопряженія изъ жены и мужа какъ бы одно живое существо, за одно дышущее и за одно чувствующее? Если же къ этому единосоственному и въ то же время двусоставному прибавится естественнымъ путемъ нѣчто третье — я разумѣю дѣтей —, и будетъ отецъ, мать и сынъ, единъ, два и три, то это уже не только нѣчто великое, но и величайшее, ибо и Богъ посреди двухъ сихъ и трехъ, собранныхъ въ немъ и чрезъ него, какъ на это существуетъ и читается обѣтованіе (Мѡ. 18, 20).

θρηνον, οὐ κοινωνήσει τοῦ πένθους, οὐ συμμετάσχη τῆς συμφορᾶς κἄν ἐκ δρυὸς ἐβλάσται, κἄν ἐκ λίθου λελάξευται, κἄν ἐκ σιδήρου κεγάλκευται; «Εἰ ἐρεύξεται λέων ἐκ τοῦ δρυμοῦ»^{α)} — μὴ γὰρ ἀφιστάσθω σοι τῆς προφητείας ὁ λόγος — καὶ οὐ ἀδώσει σκύμνος φωνὴν αὐτοῦ ἐκ τῆς μάνδρας^{β)}»); εἰ γοῦν λέοντος ἐρευγομένου (ἐρυγὴ δὲ τοῦ θηρός ἢ κραυγὴ) καὶ σκύμνος ἐκ 5 τῆς μάνδρας φωνὴν αὐτοῦ δίδωσιν (σκύμνοι δὲ βασιλέως ὅσον ἐπὶ τῇ περι- τούτου προνοίᾳ καὶ τοῖς ὑπὲρ ἡμῶν παντοδαποῖς ἀγωνίσμασιν καὶ σπου- δάσμασιν ἡμεῖς ὁ λαός, τὸ ὑπήκοον), δῶμεν καὶ αὐτοὶ φωνὴν ἐκ τῆς μάν- δρας ἐπὶ τῇ κραυγῇ καὶ τῷ πένθει τοῦ βασιλέως, ὑψώσωμεν τὴν κραυγὴν, τὸν θρηνον ἐπάρωμεν πᾶσα ἡλικία, πᾶν γένος ἀνθρώπων, ἱερεῖς καὶ λαός. 10

2. Γενέσθω πάνδημος οἰμωγῇ, ἐγειρέσθω πένθος παγκόσμιον. Ἔοικε δὲ καὶ λέοντος ὡςπερ καὶ τᾶλλα πάθη τε καὶ κινήματα γενναῖά τέ εἰσι καὶ μετὰ θαύματος, ὡς ἔφη τις, ἀγαπώμενα, οὕτω καὶ εἰ κλάειν ἐπέλθοι αὐτῷ φοβερὸν τινα τὸν κλαυθμὸν εἶναι καὶ οὐκ ἀθαύμαστον. οὐ γὰρ ἐπὶ μικρῷ κλαύσεται οὐδὲ ἀναξίῳ τῆς αὐτοῦ φύσεως. Καὶ βασιλεὺς δὲ ὁ τοσοῦτος 15 καὶ τηλικούτος πενθῶν οὐκ ἐπαίσχυνεῖ τὸ ἑαυτοῦ μεγαλοπρεπὲς καὶ βα- σιλικόν, ὡς ἀναξιοπαθῆς καὶ μικρόλυπος· οὐ γὰρ ὀπηλικονοῦν συμφορᾶς βᾶρος κινήσει τὸν ἀκίνητον ἢ κατασεισείει τὸν οὕτω σπερρότατον πύργον, τὸν οὕτως ἀσφαλῶς ἰδρυμένον καὶ βεβηκότα ὡς «ἄνευ φόγου τετράγωνον»^{γ)}, οὐδ' ἢ τυχοῦσα παθήματος φύσις μαλάξειει τὸν ἀδάμαντα τὸν ἐν χειρὶ 20 Κυρίου^{δ)} φερόμενον.

3. Ὅρασίς μοι καὶ τοῦτο ὑποβάλλει προφητικῇ, — ἐκ τούτων μὲν ὡς ἐκ λημμάτων αὐτοσυστάτων συμπέρασμά μοι συνῆκται τε καὶ πεπόρι- σται, — τὸ μέγα τι εἶναι τὸ περὶ τοῦ λέοντος τούτου πενθούμενον, ἐφ' ᾧ καὶ οἱ σκύμνοι φωνὴν διδώσιν καὶ δεδώκασιν, οἷδ' ὅτι καὶ ἕως γ- 25 νεᾶς καὶ γενεᾶς φωνήσουσι καὶ πενήσουσι. Τί δὲ μείζον ἀνδρὶ γυναικὸς ὁμοτρόπου καὶ ὁμογνώμονος, ἧς οὐχ ὡς δεσπότης κτήματος, ἀλλ' ὡς ψυχῇ σώματος ἄρχειν ἔλαχε καὶ ἐπιτροπεύειν παρὰ τῆς καὶ ψυχὴν σώ- ματι συνδησάσης προνοίας, καὶ πάλιν οἷον ἐν ζῶν δια τῆς συζυγίας ἀρμο- σαμένης ἐκ γυναικὸς καὶ ἀνδρός σύμπνουν καὶ συμπαθές; Εἰ δὲ καὶ τῷ 30 ἐνοεῖδὲ τούτῳ ἅμα καὶ δισειδὲ ζῶν καὶ τρίτον συνεπιφυῆ, φημί δὴ παι- δῖον, καὶ γένηται μήτηρ πατήρ καὶ τέκνον, ἐν δύο τρία, τοῦτο ἤδη οὐ μέγα μόνον ἀλλὰ καὶ μέγιστον, ὅτι καὶ Θεὸς μέσος τῶν δύο τούτων καὶ

15 αὐτοῦ] αὐτῆς cod. — 19 ἰδρυμένον cod. — 21 in margine cod. γρ. φερόμενον κυβερ- νώμενον.... — 26. 27 καὶ σώματι. cod.

α) Amos III, 4. β) Amos III, 4. γ) Arist. Eth. Nicom. p. 1100⁶ 21 Bekk. τετρά- γωνος ἄνευ φόγου (verba Simonidis, qui χερσίν τε καὶ ποσὶ καὶ νόφ τετράγωνον, ἄνευ φό- γου τετυγμένον dixerat fr. 5, 2 Bergk). δ) Amos VII, 7.

4. Можно оплакивать и пышный кипарисъ, стоящій въ царскомъ дворѣ, благородно высящійся отъ земли и поднимающійся стройно вверхъ. Можно оплакивать и кедръ вѣтвистый и высокорослый, или прекрасную, тѣнистую и плодородную маслину, или же новый побѣгъ пальмы, выходящій изъ земли. Можно оплакивать и красивый платанъ, достигшій величины и высоты, соотвѣтствующихъ его ширинѣ и прохлаждающій тѣнью своихъ вѣтвей путниковъ въ полдень и зной. Если же иной, часто видѣвшій, часто дивившійся этимъ и подобнымъ деревьямъ, или же наслаждавшійся ихъ дарами, не пройдетъ мимо безъ слезъ, когда дикій тифонъ, внезапно подувшій, сломаетъ или вырветъ ихъ съ корнемъ, то кто не восплачетъ горько о тебѣ, божественнѣйшая царица?

5. Стояла нѣкогда и ты, какъ кипарисъ, посреди дворца, осѣняя его и украшая; высоту своего тѣла, соразмѣрностію членовъ и частей вмѣстѣ съ нѣжною краскою и цвѣтущею свѣжестію возбуждая къ ощущенію красоты даже самыхъ безчувственныхъ. Ты высилась какъ кедръ, веселя Бога и людей прелестію нрава и благоуханіемъ добродѣтелей. Ты насаждена была какъ маслина благоплодная, радуя и утучняя нуждающихся щедрымъ изліяніемъ милости. Это твое прекрасное качество, о богатоелейная, осталось и по смерти въ очень и очень многомъ; но я ищу и твоей неувядающей зелени, и спрашиваю, гдѣ это у тебя. Или только до гроба? А послѣ этого ты увядаешь и теряешь листья, какъ скоро отцвѣтающія растенія.

6. Ты процвѣла какъ пальма, самую свою фигурую проявляя свое совершенство. Ты протянула твои вѣтви — благодѣтельные руки; ты подавала прохладу и отдыхъ малодушествующимъ отъ зноя житейскихъ нуждъ. Но ты сокрушена въ самомъ основаніи, вырвана съ корнемъ не тифоновымъ вѣтромъ, подувшимъ въ воздухъ или разразившимся изъ облаковъ, но вырвавшимся изъ подземныхъ тайниковъ. Ты была, по другому пророку, *виноградъ благолюзень* (Ос. 10, 1), плодоносящій совершенныя дѣянія, *лоза истинная* (Іоанн. 15, 1). *Какъ же ты обратилась въ желчь?* Пусть совосплачетъ со мною многослезный изъ пророковъ (Іерем. 2, 21). *Озоба ты венъ отъ дубравы и уединенный дивій поиде ты* (Псал. 79, 14), то есть горькая и жестокая смерть, тебя, *покрывшую горы и кедры* (Пс. 79, 11)—всѣхъ бывшихъ до тебя царицъ, тѣнью прекрасныхъ дѣлъ,—я разумѣю добрую славу, — подобно тому какъ идущимъ подъ (солнечнымъ) свѣтомъ впереди бѣгутъ тѣни отъ тѣлъ. А если дѣла не таковы, то и рѣчи

των τριῶν, ἐν αὐτῷ τε καὶ ὑπ' αὐτῷ συνηγμένων^{α)}), ὡς ἡ ἐπαγγελία πάρεστι καὶ γνωρίζεται.

4. Ὁρηνήσει μὲν οὖν ἂν τις τάχα καὶ κυπάριττον εὐθαλῆ ἐν βασιλείοις ἰσταμένην αὐλαῖς, εὐφυῶς ἀπὸ γῆς ὑφουμένην καὶ βαίνουσαν ὄρθιον· ὄρηνήσει καὶ κέδρον ἀμφιλαφῆ καὶ ὑψίκρομον ἢ ὠραίαν ἐλαίαν εὐ- 5 σκιον καὶ κατάκαρπον ἢ φοίνικος νέον ἔρνος^{β)}) ἐκ γῆς ἀνερχόμενον· ὄρηνήσει καὶ ἐπὶ «καλῆ πλατανίστω»^{γ)}) μεγέθει καὶ ὕψει πλάτος ἀνάλογον προσλαβούσῃ καὶ τῇ ἀπὸ τῶν κλάδων σκιᾶ τοὺς ὁδοιποροῦντας ἀναψυχούσῃ ἐν μεσημβρία καὶ καύματι. Εἰ οὖν καὶ τὰ δένδρα ταυτί τοιαῦτά τις ἰδὼν 10 πολλακίς καὶ θαυμάσας ἢ καὶ τῆς ἐξ αὐτῶν χάριτος ἀπολελαυκῶς οὐκ ἀδακρυτὶ παρελεύσεται, εἰ τυφῶν ἄγριος ἐπιπνεύσας ἀδρόον κατέκλασεν ἢ ριζόθεν ἀνέσπασε, τίς οὐ κλαύσεται πικρῶς ἐπὶ σοί, θειοτάτῃ βασιλίτσα;

5. Ἐστῆς ποτὲ καὶ σὺ ὡς κυπάριττος ἐν μέσῳ τῶν ἀνακτόρων πυκάζουσα ταῦτα καὶ ὠραίζουσα, τῇ δέ τε τοῦ σώματος ἀναδρομῇ καὶ τῇ τῶν μελῶν καὶ μερῶν εὐρυθμίᾳ σὺν εὐχροίᾳ καὶ ἄνθει κινουσα πρὸς αἴσθησιν 15 ἡδονῆς καὶ αὐτὰ τὰ ἀναίσθητα. Ὑψώθης καὶ ὡς κέδρος τῇ τῶν ἡθῶν καλλονῇ καὶ τῇ τῶν ἀρετῶν εὐωδίᾳ καὶ Θεὸν καὶ ἀνθρώπους εὐφράνασα. Ἐφυτεύθης καὶ ὡς ἐλαία κατάκαρπος, τῇ τοῦ ἐλέους δαφιλεῖ χύσει τοὺς δεομένους ἱλαρύνουσα καὶ παιίνουσα. Ἀλλὰ τοῦτο μὲν σου τὸ καλόν, ὦ καλλιέλαιε, καὶ μετὰ θάνατον ἐν τοῖς πλείστοις παρέμεινεν, ἐγὼ δέ σου ζητῶ καὶ τὸ 20 ἀειθαλές, καὶ ποῦ σοι τοῦτο, πυνθάνομαι. ἢ μέχρι τοῦ τάφου; τὸ δ' ἐντεῦθεν ἀπανθεῖς καὶ φυλλοχοεῖς, ὡς τὰ τῶν ἀνθέων κύμορα;

6. Ἦνθησας ὡς φοῖνιξ ἐξ αὐτῆς φυτῆς τὸ τέλειον ὑποφαίνουσα, ἐπλάτυνθης ὡς πλάτανος, ἐξέτεινάς σου τοὺς κλάδους, τὰς εὐεργέτιδας χεῖρας. Ἀναψυχὴν παρέσχες καὶ ἄνεσιν τοῖς ὀλιγοψυχούσιν ὑπὸ καύσωνος βιω- 25 τικῶν ἀναγκῶν, ἀλλ' ἐξεκλάσθης αὐτόπρεμνος, ἀλλ' ἀνεσπάσθης αὐτόρριζος, οὐ τυφωνικῷ πνεύματι ἐξ ἀέρος πνεύσαντι ἢ ἐκ νεφῶν ῥηγνυμένῳ, ἀλλ' ἀπὸ νερερίων μυχῶν ἀναβράσαντι. Ἐγένου καὶ «ἄμπελος εὐκληματοῦσα»^{δ)}) κατ' ἄλλον προφήτην, καρποφοροῦσα τὰ κατορθώματα, «ἄμπελος ἀληθινή»^{ε)}). «Πῶς ἐστράφης εἰς πικρίαν»; συνθρηνείτω γάρ μοι καὶ τῶν προφητῶν ὁ 30 πολύθρηνος^{ς)}). Πῶς «ἐλυμήνατό» σε «ὕς ἐκ ὄρυμοῦ»; πῶς «κατενεμήσατό» σε «μονιὸς ἄγριος»^{ς)}), ὁ πικρὸς καὶ ἀτίθαστος θάνατος, τὴν καλύψασαν «ὄρη καὶ κέδρους» (τὰς πρὸ σοῦ βασιλίτσας ἀπάσας) τῇ τῶν καλῶν ἔργων

3. εὐθαλῆ] col. ἐσθαλῆ. — 22 ὠκύμορα? an κυνόμορα?

α) Matth. XVIII, 20 «οὐ γὰρ εἰσι δύο ἢ τρεῖς συνηγμένοι εἰς τὸ ἐμὸν ὄνομα, ἐκεῖ εἰμι ἐν μέσῳ αὐτῶν». β) φοίνικος νέον ἔρνος Odyss. 6, 163. γ) καλῆ πλατανίστω Πιαδ. 2, 307. δ) Hos. X, 1. ε) Ev. Ioann. XV, 1. ς) Jerem. II, 21. γ) Psalm. LXXIX, 15.

всюду и всѣми говоримыя или выслушиваемыя бывають противоположны; въ такомъ смыслѣ нужно понимать и изрѣченіе Авдиритскаго мудреца, что «слово есть тѣнь дѣла».

7. О удивительная дикая лоза виноградная, подыавшаяся вверхъ вмѣстѣ съ пальмою и достигшая высоты ея (ибо и ты выросла рядомъ съ царемъ и соцарствовала ему)! *О добрая въ женахъ!* (Пѣсн. пѣсн. 1, 20). Мы видѣли нѣкогда тебя притекающую съ запада, какъ луна въ новомѣсячіе — но въ полномъ свѣтѣ и блескѣ; ибо Богъ *предуетдалъ и предопредѣлилъ* о тебѣ, хотя для насъ ты пока являлась серпообразно подъ малымъ и блѣднымъ свѣтомъ славы. Ибо не какъ невѣсту самодержца (автократора), но какъ (обручницу) севастократора, что соовѣтствуетъ второй степени достоинства, призвалъ тебя отъ концевъ земли царственный свекоръ. И видя тебя мы удивляясь говорили съ Соломономъ: *кто сія восходящая аки утро, добра яко луна, избрана яко солнце* (Пѣсн. пѣсн. 6, 9)? — Но конечно, не дано было человѣческимъ домысламъ и малосмысленнымъ разсужденіямъ понизить до своего уровня великое и сверхмысленное промысленіе и умалить *твое*. Не суждено было тебѣ, госпожа, остаться тѣмъ же чѣмъ тогда зримое заставляло тебя являться въ глазахъ зрителей. Не осталась ты такою, какою возсталла изъ дома и родины своей, но воспринимая свѣтъ къ свѣту и восходя отъ славы къ славѣ, великая и великаго достойная—ты удостоилась бѣльшаго и на дѣлѣ и по имени.

8. О тѣ счастливые дни, когда царская трира препровождала тебя отъ противоположнаго материка ко пристани на другой сторонѣ, проходя Іонійское море, нося счастливую ношу всеблагополучной столицѣ и немаловажное прибавленіе. Думаю, что тогда сочувствовали этому прекрасному грузу и море и подводныя чудовища морскія; море вступало въ союзъ съ дуновеніемъ вѣтровъ и подставляло свой хребетъ (свою поверхность) покатымъ и гладкимъ кораблю, а киты, выплывая изъ бездны, прыгали и сорадовались. Дельфины и помпилъ провожали тебя къ берегамъ иллирійскимъ; а эти (берега) въ свою очередь, принимая тебя изъ водъ, поставили тебя на твердую землю, какъ пріятнѣйшій и лучшій предметъ для зрѣлица.

Стекался массою и народъ — мужи и жены и удивлялись твоему явленію, подозрѣвая не то, что приходилось видѣть, но нѣчто божественное и чудесное, зримое въ человѣческомъ образѣ. Встрѣчали тебя ближайшіе и выдающіеся сродники царя и съ величайшимъ усердіемъ препровождали изъ одного пристанища къ другому среди веселія и

«σκιᾶ»^α), τῇ ἀγαθῇ φήμῃ φημί; ἐπεὶ καὶ καλῶν μὲν ἔργων αἰεὶ λόγος προπεπόρευται, ὡς τοῖς ὑπὸ φωτὶ περευομένοις αἰ τῶν σωματῶν σκιαί τῶν δ' αὐτῶν ἐτέρως ἐχόντων ὁ ἐναντίος πανταχοῦ καὶ διὰ πάντων λαλούμενος τε καὶ ἀκούμενος, ὡς οὕτω ὠίσθαι καὶ τὸ τοῦ Ἀβδηρίτου σοφοῦ ὅτι «λόγος ἔργου σκιά»^β)».

5

7. Ὡς θαυμασία ἀναδενδράς ἢ συναναβάσα τῶν φοίνικων καὶ κρατήσασα τῶν ὑψέων αὐτοῦ^γ) (ὅτι καὶ συνήχμασας τῶν παμβασιλειῶν βασιλειῶν καὶ συνεβασίλευσας), ὧς ἢ «καλὴ ἐν γυναιξίν»^δ), εἶδομένην σε ποτὲ δυσμύθεν προκύπτουσαν ὡς ἐν νεομηνίᾳ σελήνην τὴν πλησιφαῖ μὲν καὶ πανσέληνον ὅση ἐπὶ τῶν προεγνωκότι σε καὶ προσορισαμένῳ Θεῷ, ἡμῖν δὲ 10 τέως ὑπὸ μικρῶν τῶν τῆς δόξης φωτῶν μηνοειδῶς ὑπαυγάζουσαν. οὐ γὰρ αὐτοκράτορος νυμφευομένην ἀλλ' ὡς σεβαστοκράτορος καὶ τῆς δευτέρας ἀξίας ἐκ τῶν ἐσχατιῶν τῆς γῆς ἀνεκαλεῖτό σε ὁ κηδεστὴς βασιλεὺς. Καὶ ἰδόντες εἶπομεν μετὰ τοῦ Σολομῶντος θαμβούμενοι «τίς αὕτη ἢ ἀναβαίνουσα ὡσεὶ ὄρθρος; καλὴ ὡς σελήνη, ἐκλεκτὴ ὡς ὁ ἥλιος»^ε). Ἄλλ' οὐκ ἦν 15 πάντως ἀνθρωπίναις ἐπινοίαις καὶ ὀλιγογνώμοσιν λογισμοῖς τὴν μεγάλην καὶ ἀπερινόητον συνυποβιβάζεσθαι πρόνοιαν καὶ σμικρύνειν τὰ σά. Οὐκοῦν ἔδει, ὧς δέσποινα, τὴν αὐτὴν σε μεῖναι οἶαν εἶναι τὰ τότε ὀρώμενα προσδοκᾶν παρεῖχε τοῖς βλέπουσι. διὸ οὐδὲ ἔμεινας οἶα καὶ ὅση ἐκ τοῦ οἴκου καὶ τῆς σῆς συγγενείας ἀνελαμβάνουσα, ἀλλὰ φωτὶ προσλαμβάνουσα φῶς 20 καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν ἀναβαίνουσα ἢ μεγάλη καὶ τῶν μεγάλων ἀξία τοῦ μεγίστου κατηξιώθης καὶ πράγματος καὶ ὀνόματος.

8. Ὡς ἡμερῶν εὐδαιμόνων ἐκείνων, ὅτε ἐκ τῆς ἀντιπέραν ἠπείρου πρὸς τὴν ἀντίπορθμον ἢ βασιλικὴν σε τριήρης μετῆγε τὸν Ἴόνιον διαβαίνουσα, φόρτον εὐδαιμονίας τῆς πανευδαίμονι βασιλίῳσῃ προσθήκη οὐκ 25 ἐλαχίστην κομίζουσα! Οἶμαι τότε τοῦ καλοῦ τούτου φορτοῦ καὶ θάλασσα συνεπαισθανομένη καὶ τὰ ὑποβρύχια κήτη, ἢ μὲν ταῖς ἀντιπνοίαις τῶν ἀνέμων ἐσπένδετο καὶ τὰ νῶτα τῆς τριήρης παρεῖχεν ὑπτιὰ τε καὶ λειοκύμονα, τὰ δὲ βυσσοῦθεν ἀνανηχόμενα ἐσπίρτα καὶ συνηγάλλετο. Καὶ δελφίς καὶ πομπίλος προσέπεμπόν σε πρὸς τὰς Ἰλλυριάδας ἀκτᾶς, αἱ δὲ πάλιν ἐκ 30 τῶν ῥοθίων ὑποδεχόμεναι τῇ γῆι ἐγκαθίστων ἡδιστῶν θεαμάτων καὶ κάλλιστων. Συνέρρει δὲ πανδημεὶ ὁ λαὸς ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ πρὸς τὴν ὄψιν ἐξεθαμβοῦντό σου, οὐχ ὅπερ ἦν ὄραν ὑποπτεύοντες ἀλλὰ θεῖόν τι καὶ

4 οὕτω ὠίσθαι] ita codex, qui post habet αὐδρηίτου. — 19 ὅση] cod. ὅσι — 22 κατηξιώθης] cod. κατηξιώθης. — 25 βασιλίδης? — 30 πόμπιλος cod.

α) Psalm. LXXIX, 11. β) Diog. L. IX, 7, 5: τούτου (Democriti) ἐστὶ καὶ τὸ κλόγος ἔργου σκιά. γ) Psalm. LXXIX, 11. Cant. VII, 8. δ) Cant. 1, 20. ε) Cant. III, 6. VI, 10.

рукоплесканій, думая почерпать для себя великія надежды изъ того, что удостоились быть сватами и друзьями такой невѣсты, и считая себя стольже счастливыми, какъ оный рабъ, приведшій изъ Месопотаміи Ревекку прекрасному Исааку.

9. Все шествіе похоже было на хороводъ. Находящіеся по дорогѣ села и города подавали другъ другу руки какъ въ хороводѣ. Одинъ принималъ, предлагая почетный привѣтъ и какъ бы свои объятія; другой потомъ провожалъ, составляя охранную свиту и передавая одинъ другому, пока она, совершивъ путь отъ Иллирика даже до Византіи, не поселилась во дворцѣ, какъ прекрасная луна на своей высотѣ или какъ денница въ своемъ обиталищѣ. Но что мнѣ сказать? Прибавлю и то, что было далѣе, и какъ мнѣ не прибавить, если, опустивъ это, я пропустилъ бы самую важную и отмѣнную изъ твоихъ радостей, именно,—что тогда ты, наша луна, вмѣсто несовершеннаго вида и неполнаго свѣта воспріяла цѣльный блескъ лица.

10. Ибо когда твое солнце, отпрыскъ порфиры, царь былъ провозглашенъ именно *царемъ* вмѣсто севастократорства и прежде діадемы на крайнихъ предѣлахъ ромейской державы и возвращался въ столицу со всѣми полками, то и ты вмѣстѣ съ нимъ устами всѣхъ провозглашалась царицею даже и прежде нареченія. Я не знаю, кто изъ васъ двоихъ, о прекрасная пара, былъ виновникомъ того, что другому досталась державная власть. Не гнѣвайся на меня, царь, потому что я говорю о своей бѣдѣ Благоволеніе-ли Божіе къ царицѣ посадило ея супруга на царскій тронъ, однихъ изъ братьевъ ранѣе изведя изъ жизни, изъ коихъ первому уже давалось имя царя, и мудро устроивъ, что третій даже не могъ присутствовать при кончинѣ отца, и вручивъ четвертому и послѣднему—тебѣ, государь, царскій скипетръ? Или-же тотъ, кто возвысилъ его на такую высоту и почтилъ наивысшею честію, только ради его вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ и царицу? Это для меня и до сихъ поръ неясно, но я припоминаю, что божественный Іаковъ вдохновенно сказалъ къ Сирину (Лавану): *«благослови тя Господь пришествіемъ моимъ»* (Быт. 30, 30). Если же иное находится во взаимной причинной связи, какъ полагаетъ Аристотель, то въ этомъ случаѣ недомѣніе мое дѣлается еще сильнѣе. Но что достойный и прекраснѣйшій поялъ достойнѣйшую и прекрасную, дабы ни въ чемъ не было нарушено равновѣсіе, но дабы чѣмъ онъ былъ въ мужахъ, тѣмъ она была въ женахъ,—это скажетъ и самый грубый и ограниченный изъ людей.

τεράστιον ἐν ἀνθρωπίνῃ μορφῇ καθαρῶμενον. Παραλαβόντες δὲ σε καὶ τῶν τοῦ βασιλέως συγγενῶν οἱ ἐγγυτάτω καὶ προύχοντες εἰς ἑτέραν ἐξ ἑτέρας καταγωγῆς ἐν εὐθυμiais καὶ κρότοις εὐθυμότατοι μετεβίβαζον, πολλὰς ἑαυτοῖς ἀγαθῶν ἐλπίδων προμνᾶσθαι πιστεύοντες ὅτι τοιαύτης νύμφης νυμφαγωγοὶ καὶ προμνήστορες γενέσθαι κατηξίωντο καὶ οὐχ ἦπτον εὐτυ- 5 χεῖν ἢ ὁ οἰκέτης ἐκεῖνος ὁ ἐκ Μεσοποταμίας ἄγων τὴν Ῥεβέκκαν τῷ καλῷ Ἰσαάκ.

9. Πορεία δὲ πᾶσα ὡς χορεία ἠνύετο. αἱ γὰρ μεταξὺ πᾶσαι κῶμαι καὶ πόλεις ὡς ἐν χορῷ χεῖρας ἀλλήλαις συμπλέξασαι ἢ μὲν ὑπεδέχετο καταγωγαιῖς φιλοτιμουμένη καὶ ταῖς ὡς οἶόν τε δεξιώσεσιν, ἢ δὲ τῇ ἐφέξει 10 δορυφοροῦσα παρέπεμπεν, καὶ ἐκεῖνη τῇ μετ' ἐκείνην, ἕως ἂν τὴν ἀπὸ Ἰλλυριδὸς μέχρι καὶ Βυζαντιδὸς ὁδὸν ἐξανύσασα ὡς ἐν ἰδίῳ ὑψώματι ἢ καλῇ σὺ σελήνῃ ἢ ὡς ἑωσφόρος ἐν οἴκῳ οἰκίῃ τοῖς ἀνακτόροις ἐγκατωκίσθης. "Ὡ, ὦ τί εἶπω; ἄρα προσθήσω καὶ τὰ ἐξῆς; πῶς δὲ οὐ προσθήσω; ἢ μὴ προσθεῖς οὐχὶ τὸ καιριώτατον καὶ σκοπιμώτατον τῶν σῶν εὐτυχη- 15 μάτων ἔσομαι παραλελοιπῶς, ὅτι τηνικάδε ἀντὶ τῶν ἀτελῶν σχημάτων καὶ φωτισμάτων τὸ ὀλοφαῆς ἢ σελήνῃ μετημφίασαι πρόσωπον;

10. "Ὅτε γὰρ ὁ σὸς ἥλιος, ὁ τῆς πορφύρας βλαστός, ὁ βασιλεὺς αὐτὸ τοῦτο βασιλεὺς ἀντὶ σεβαστοκράτορος ἀνηγορεύετο καὶ πρὸ τοῦ διαδήματος ἐν ἄκροις τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς καὶ πρὸς τὰ βασιλεῖα σὺν ὄλαις ἐπαν- 20 ἐξεύγνυ ταῖς στρατιαῖς, καὶ σὺ βασίλισσα τοῖς πάντων στόμασι συνανηγορεύου καὶ πρὸ τῆς ἀναρρήσεως. Καὶ οὐκ οἶδα πότερος ὑμῶν, ὦ καλὸν ζευγος, ἐτέρῳ τοῦ κράτους ἐγένεσθον αἴτιος· καὶ μὴ μοι χολῶης, ὦ βασιλεῦ· τὸ γὰρ ἐμὸν πάθος φημί. Ἄρα γε ἢ ἐπὶ τῇ βασιλίσσῃ τοῦ Θεοῦ εὐδοκία τὸν σύζυγον ἐπὶ τὸν βασιλεῖον θρόνον ἐκάθιζε τοὺς 25 μὲν τῶν ἀδελφῶν προὔπεξαγαγοῦσα τοῦ βίου, ὧν τῷ πρώτῳ καὶ ὄνομα βασιλείας ἐπεφημίζετο, καὶ τὸν τρίτον μηδὲ παρεῖναι τῷ πατρὶ μεθισταμένῳ βαθέως οἰκονομήσασα, τὸν δὲ τελευταῖον καὶ τέταρτον, σέ, τῷ πατρώῳ σκήπτρῳ ἐγκαταστήσασα, ἢ ὁ τοῦτον ἐπὶ τοσοῦτον ὑψώσας καὶ τῇ φερίστῃ πασῶν τιμήσας τιμῇ διὰ τοῦτον καὶ τὴν βασίλισσαν συνανύψωσε; 30 Τοῦτο μὲν οὖν τέως ἔμοιγε ἀδῆλον, ἕως καὶ τὸν θειότατον Ἰακώβ ἐνθεώτατα λέγειν πρὸς τὸν Σύρον κατανοῶ τὸ «εὐλόγησέ σε Κύριος ἐπὶ τῷ ποδί μου»^{α)}. Εἰ δὲ τινα καὶ ἀλλήλων ἐστὶν αἷτια, ὡς Ἀριστοτέλης δοκεῖ^{β)},

5. cod. γίνεσθαι. — 8. A vv. πορεία δὲ πᾶσα incipit cod. Petropolitanus gr. CCL. — 9 ἐν om. E. — 9 ἀλλήλας συ... P. — 11 δορυφορο... P. — 13 σὺ om. P. — 14 ὦ τί εἶπω E. — 16 ὀχημάτων P. — 17 ὀλοφανές E || μετημφίασε E. — 18 ὁ σὸς] σὸς E. — 18—19 αὐτὸ τοῦτο E, αὐτὸς τὸ P. — 20 sq. ἐπαναζεύγνυ P. — 21 τοῖς πάντων στόμασι om. E. 22 ἡμῶν E. — 23 τοῦ κράτι P. — 30 πάντων E. — 31 ἐνθεό(α)τ(α) P.

a) Genes. XXX, 30.

b) Arist. Phys. II 3 p. 195^a 8 sq. et alibi.

11. Таково было, царица, первое твое пришествіе съ запада, таково славное твое обрученіе и возвышеніе къ почести царской. А за тѣмъ мнѣ бы нужно имѣть какое-нибудь другое—мѣдное и адамантовое сердце и какой-нибудь другой органъ голоса, дабы говорить и оплакивать.—О ты, страна запада! совосплачь противоположному тебѣ востоку и смѣшай съ нимъ свои рыданія, согласно съ закономъ, повелѣвающимъ плакать съ плачущими (Римл. 12, 15), и гласящимъ: *Азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплакахся* (Іов. 30, 25); или лучше вступи въ нѣкоторую сдѣлку и соглашеніе съ (востокомъ), поверженнымъ и убитымъ смертію государыни. Что ты (западная страна) имѣла лучшаго и наиболѣе цѣннаго, ты великодушно отдала ему (востоку) по его просьбѣ; онъ получивъ, увы, не сохранилъ даннаго, принялъ охотно, но роковымъ образомъ выронилъ изъ рукъ и не уберегъ драгоценнаго залога. Что же онъ долженъ сдѣлать, что совершить, какое законное оправданіе представить, когда отъ него потребуется предъявленіе такового, а онъ его не имѣеть, чтобы не оказаться жалкимъ и неблагодарнымъ по отношенію къ (сторонѣ), довѣрившей и одолжившей? Ты, о западъ, поступилъ бы отчасти справедливо, негодуя на потерю и гибель столь цѣннаго предмета. Однако, слѣдуетъ принять во вниманіе и то: кто можетъ противорѣчить божественнымъ рѣшеніямъ? *и яже Господь созвѣща, кто разоритъ? и руку его высокую кто отвертитъ*, какъ говоритъ Исаія (14, 27), *и аще затворитъ отъ челоуѣковъ, кто отверзетъ?* какъ говоритъ другой изъ боговдохновенныхъ (Іов. 12, 14). Кто былъ бы въ состояніи превозмочь надъ царемъ столь великимъ, и притомъ поражаемымъ въ самое сердце, надъ царемъ, котораго руки недосягаемы и мышцы не сокрушимаы, помогая и защищая паче мѣднаго лука, ополченія и цѣлаго войска? . . .

12. Однако природа имѣла въ себѣ нѣчто недоступное и непреодолимое; по волѣ Божіей, она восторжествовала и надъ тобою, царь. Увы, увы! Ты и противился, но не превозмогъ. Ты наполнилъ воплемъ, стенаніями и рыданіями воздухъ, улицы, низины и вершины, вызывалъ силы, вмѣсто трубъ употребляя стенанія; а онъ, при всей готовности помочь тебѣ, вступить въ борьбу и защитить тебя, ничего не могли, развѣ только принять участіе въ плачѣ. И эта блаженная жена сожалѣла о тебѣ по привычкѣ и часто смотрѣла на тебя, но ничего не могла сдѣлать, отзываемая и привлекаемая другими силами и другими ополченіями къ другому царю съ болъшею крѣпостію и силою. Увы! не прикрылъ твоей печали, не вмѣ-

καὶ οὕτω τὸ ἄπορον κραταιότερον γίνεται. Ὅτι δὲ ὁ ἀξίος τε καὶ κάλλιστος τὴν ἀξιωτάτην καὶ καλλιστεύουσαν ἐπεζήτει, ἐν' ἐν μηδενὶ ἐτεροζυγῶσιν, ἀλλ' ὅπερ οὗτος ἐν ἀνδράσιν ἐκείνη ἐν γυναιξὶ γένοιτο, τοῦτο καὶ ὁ ἀγροικότερος τῶν ἀνθρώπων ἀποφανεῖται καὶ ἡλιθιώτατος.

11. Τὰ μὲν οὖν πρῶτά σου τοιαῦτα, ὦ βασιλῆς, τὰ τῆς ἐκ δυσμῶθεν ἀνακομιδῆς, ὅσα τῆς ἀρίστης νυμφεύσεως καὶ τῆς πρὸς τὴν βασιλῖδα τιμὴν ἀνυψώσεως· τὰ δ' ἐντεῦθεν ἐτέρας μοι καρδίας ἐδεῖτο, χαλκείας δὴ τινος καὶ ἀδαμαντίνης, καὶ ἐτέρων τῶν τῆς φωνῆς⁴) ὀργάνων πρὸς τὸ λέγειν τε καὶ ἀποθρηνεῖν. Ὡς ἢ πρὸς δύνοντα ἥλιον, ἄρα γε συνθρηνήσεις τῇ ἀντιζύγῳ ἀνατολῇ καὶ συνεφάψῃ τῶν ὀδυρῶν κατὰ τὸν κελεύοντα νόμον «κλαίειν μετὰ κλαίωντων»⁵) καὶ τὸ «ἐγὼ ἔκλαυσα ἐπὶ παντὶ θλιβομένῳ»⁶), ἢ συνεπιβῆσῃ μᾶλλον καὶ κατεπιβῆσῃ κειμένης καὶ συννεκρωμένης τῷ τῆς δεσποίνης θανάτῳ; ὅτι σὺ μὲν ὦν εἶχες τὸ κάλλιστόν τε καὶ τιμαλφέστατον δέδωκας αὐτῇ δεομένη μεγαλοψύχως, ἢ δὲ δεξαμένη οὐκ ἐφύλαξεν — οἴμοι — τὸ δεδομένον, ἀλλ' ἔλαβε μὲν ἀσπασίως, ἀπέβαλε δὲ ὀλεθρίως ἐκ τῶν χειρῶν καὶ τὴν καλὴν οὐκ ἐτήρησε παρακαταθήκην. Τί οὖν ποιήσεις; τί διαπραξέται; ποίαν ἀπολογίαν προβαλεῖται δικαίαν, ἐμφανίσει ταύτην ἀπαιτούμενη καὶ μὴ ἔχουσα, οὐκ ἐλεινὴ μᾶλλον τῆς συμφορᾶς ἢ ἀγνώμων λογιζομένη πρὸς τὴν παραθεμένην καὶ χρῆσασαν; Τοῦτο μὲν οὖν δικαιότερον ἀνδρῶς, ὦ δύσι, ἀγανακτοῦσα διὰ τὴν τοῦ τηλικούτου χρήματος ἀποβολὴν καὶ ἀπώλειαν· πλὴν χρῆ που καὶ ἐννοεῖν ὅτι· Θεοῦ ψήφοις ἀντιλέγειν τίς ἰκανός; καὶ· ἃ βεβούλευται Κύριος τίς διασκεδάσει; καὶ· τὴν χεῖρα τὴν ὑψηλὴν, καθὰ φησὶν Ἡσαίας, τίς ἀποστρέψει⁷); καὶ· «ἐὰν κλείσῃ κατὰ ἀνθρώπου, τίς ἀνοίξῃ», φησὶν τις ἄλλος τῶν θεολόγητων⁸). ἐπεὶ τίς ἀνκατισχύσει βασιλέως τοσούτου καὶ ταῦτα ἀδικουμένου περὶ τὰ καιρία, οὗ καὶ χεῖρες ἀάπτοι καὶ βραχίονες ἄθραυστοι καὶ ὑπὲρ τόξον χαλκοῦν καὶ στρατιὰν καὶ στρατόπεδα συμμαχοῦντά τε καὶ προασπίζοντα;

12. Ἦν δὲ καὶ ἡ φύσις ἀπρόσβλητόν τι καὶ ἄμαχον, ἣτις Θεοῦ βουληθέντος καὶ σοῦ, βασιλεῦ, ὑπερίσχυσεν. Αἱ αἱ καὶ ἀντέσχες μὲν, οὐ μὴν ὑπερέσχες. καὶ βοῆς μὲν καὶ γόων καὶ ὀδυρῶν ἐνεπίμπλας τὸν αἰθέρα, 30

4 ἀγροικότερος P || τῶν om. E. || ἡλιθιότητος P. — 12 συνεπιβῆσῃ E || κατεπιβῆσῃ E || καὶ συννεκρωμένης (ita E.) om. P. — 19 λογιζομένην P. || οὖν P, ἀν E. — 20 ἀν om. E || χρήματος E, πράγματος P. — 23 κλήσῃ P. — 24 φησὶν τις add. E. || τί P. — 25 κατισχύσει E, κατισχύκη P. — 28 ἀπρόβλητον E. — 29 μὴν] μόνον P, μὲν E. — 30 ἐνεπίμπλας P || νν. τὸν αἰθέρα τὰς πλατείας; abscissa in P.

a) Hom. II, II, 490 φωνὴ δ' ἄρρηκτος, χάλκεον δὲ μοι ἦτορ ἐνείη.

b) Pauli epist. ad Rom. XII, 15. c) Iob. XXX, 25: ἐγὼ δὲ ἐπὶ παντὶ ἀδυνάτῳ ἔκλαυσα. d) Esa. XIV, 27. e) Iob. XII, 14.

стиль твоихъ воплей дворець вмѣстительный, и поэтому выслалъ тебя съ госпожею въ открытыя убѣжища на воздухѣ, въ сосѣднія селенія, въ которыхъ ты часто бывалъ съ нею въ промежутки отдохновенія отъ военныхъ походовъ, дабы они нестѣсненно вмѣстили твои воздыханія и твои рыданія. Пути и селенія, разстилающіяся свободно, и открытыя поля, близъ лежащія горы и холмы будутъ отвѣчать на вопли и, какъ говоритъ Амось, изъ пастуховъ пророкъ: *на всѣхъ стогнахъ будетъ плачь, и на всѣхъ путехъ речется: увы мотъ, увы мотъ* (5, 16), и не только горожанинъ, но, какъ онъ же говоритъ, и *земледѣлецъ призовется на плачь и на рыданіе, и на вѣдающихъ плачь* (тамъ-же); и по Юву (31, 39), *бразды ея (земли) восплакашася вкупу*.

13. Отъ чего мнѣ не сказать, что вмѣстѣ съ царемъ и заранѣе оплакивали тебя, царица, самыя небесныя явленія? Луна, одѣвшись во время полнолунія въ черное облако, предзнаменовала для разумѣющихъ твой закатъ, и молніи праздно падали съ неба, такъ что поражая божественные храмы и святилища, не зажигали ни самыхъ крышъ, ни на нихъ лежащихъ частей, и не наносили никакого вреда имъ, но, проникая сквозь нижележащее, расщепляли и обжигали попадавшееся, и обнаруживали свою природу, какъ это было съ Марціею, женою Катона: такого-же рода молнія, ниспавшая на нее, оставила ее не-вредною, но умертвила опаливши младенца, котораго она носила во чревѣ. И твоя болѣзнь, о божественнѣйшая развѣ была многимъ отлична и не безъ сходства съ этимъ? Почти совсѣмъ не повредивъ твоего тѣла, дабы ты и кончаясь могла уйдти въ обычномъ полномъ цвѣтѣ, сохраняя блистающую твою красоту, она (болѣзнь) поразила внутренность, медленно сожгла невыносимымъ жаромъ (лихорадками), разслабила поносами (діарреями), и не оставила, пока не довела тебя до смерти, а царя—покалала намъ полуобожженнымъ и совершенно опаленнымъ: — сказалъ бы опять пророкъ, *«яко главня исторжена изъ оня* (Захар. 3, 2).

14. И теперь онъ проливаетъ слезы и часто тебя призываетъ, разыскивая по всѣмъ путямъ, тропинкамъ, галлереймъ и ходамъ внѣ дворца, внутри дворца, въ которомъ нѣкогда съ тобою прохаживался,— и не находитъ. Искали ея и не нашли кровные царя и ближніе, за которыхъ она вступалась, когда они нуждались въ помощи. Плакали о ней войска, плакали военачальники, которые, приступивъ къ ней нѣкогда, получали, о чемъ просили, и какъ во время плѣна при общемъ плачѣ и тѣхъ и другихъ — говоря словами пророка, наложено было

τὰς πλατείας, τὰς ὑπωρείας, τὰς ἀκρωρείας καὶ τὰς δυνάμεις ἀνεκάλου, ἀντὶ σαλπείγων ταῖς οἰμωγαῖς χρώμενος· αἱ δὲ σοὶ καὶ ἐπαρήγειν προθυμούμεναι καὶ συνάρασθαι πρὸς τὸν ἀγῶνα καὶ συναντιλήψασθαι, ὑπὸ τοῦ θρήνου οὐκ ἴσχυσαν. Καὶ ψυχὴ δὲ ἐκείνη ἢ θεσπεσία ὤκτειρε μὲν σε διὰ τὴν συνήθειαν καὶ θαμινὰ προσεβλέπετο, οὐκ εἶχε δὲ ὅ τι καὶ δράσειε, 5 πρὸς ἄλλον βασιλέα ὑπ' ἄλλων δυνάμειν καὶ στρατιῶν προσκαλουμένη καὶ ἀνθελχομένη κραταιότερόν τε καὶ βεβαιότερον. Βαβαί! οὐκ ἔσπεξέ σου τὸ πένθος, οὐκ ἐχώρησέ σου τὰς οἰμωγὰς τὰ πολυχανδέα ἀνάκτορα. ἔνθεν τοι καὶ ἐξέπεμψέ σε σὺν τῇ δεσποίνῃ πρὸς τὰς ὑπαίθρους καταγωγὰς, πρὸς τὰς ἀστυγείτονας κώμας, αἷς πολλάκις σὺν ἐκείνῃ ἐπεχωρίαζες 10 ἐν ταῖς τῶν πολέμων ἀνακωχαῖς, ὡς ἂν ἀστενοχωρήτως χωρήσωσί σου τὰς οἰμωγὰς καὶ τοὺς ὄδυρμούς· ὁδοὶ καὶ χωρία καὶ πεδία ἀναπεπταμένα καὶ ἄστεγα, καὶ τὰ παρακείμενα ὄρη καὶ οἱ βουνοὶ πρὸς τοὺς βρυχηθμούς ἀντηχήσωσι, καί, ὃ φησὶν ὁ Ἄμμωσ ὁ ἐξ αἰπόλου προφήτης, «ἐν πάσαις πλατεῖαις» γένηται ἀκοπετὸς καὶ ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς ῥηθήσεται οὐαί, οὐαί^{a)}, 15 καὶ μὴ μόνον ἀνὴρ ἀστικός, ἀλλ', ὡς φησὶν ὁ αὐτός, καὶ ἀγεωργὸς κληθήσεται εἰς πένθος καὶ κοπετὸν καὶ εἰς εἰδότας θρήνον», καὶ κατὰ τὸν Ἰώβ «αἱ τῆς γῆς αὐλακεὶς κλαύσωσιν ὁμοθυμαδόν^{b)}»).

13. Τί μὴ λέγω ὅτι συνωδύρατό σε τῷ βασιλεῖ, ὃ βασιλίς, καὶ πρωδύρατο καὶ αὐτὰ τὰ οὐράνια; καὶ σελήνη μὲν ἐν πανσελήνῳ νέφος μέλαν 20 ἀμφιασαμένη τοῖς συνιοῦσι τὴν σὴν προετυπώσατο ἔκλειψιν, κεραυνοὶ δὲ ἀργῆτες οὐρανόθεν κατέπιπτον, οἳ καὶ θείους τεμένεσι καὶ σηκοῖς ἐπικατασκήπτοντες τὰς μὲν ὀροφὰς αὐτὰς καὶ τὰ ἐπικείμενα οὐτ' ἐνεπίπτρων οὐτ' ἐλυμαίνοντο, διόντες δὲ τὰ ὑποκείμενα διεξαινον καὶ κατέφλεγον καὶ τὴν ἑαυτῶν φύσιν ἐδείκνυον, ὡς περ πάλαι ἐπὶ Μαρκίᾳ Κάτωνος γυναικί, 25 ἢ τὸ τοιοῦτον εἶδος τοῦ σκηπτοῦ ἐπικατενεχθὲν τὴν μὲν ὄλην ἀβλαβῆ διετήρησε, τὸ δὲ ἐγκυμονούμενον κατακαῦσαν ἐνέκρωσε. Μήποτε δέ, ὃ θειοτάτη, καὶ τὸ σὸν πάθος καὶ πολὺ παραλλάττον ἦν οὐδ' ἀνόμοιον· τὸ γὰρ τοῦ σώματος ἐπὶ πολὺ ὅλως μὴ παραβλάψαν—ἵνα καὶ ἐκλείπουσα μετὰ τοῦ συνήθους ἀνδρὸς ἀπέλθῃς καὶ τῆς καλὸν ἐπιλαμπούσης σοὶ 30 ὠραιότητος—τοῖς ἔνδον ἐπέσκηψε καὶ πυρετοῖς ἀσχέτοις ὑποσμήχον καὶ

1 ἀνεκαλοῦ PE.— 2 οἰμωγαῖς P, ὀλολυγαῖς E.—3 καὶ om. P. || συναρεῖσθαι E.— 3 ὑπὸ] εἰ μὴ E, οἱ καὶ P.— 4 θρήνου E, θρόνου P.— 9 ἐξέπεμψέ E.— 12 τὰς οἰμ. καὶ τοὺς ὄδυρμούς E, τοὺς στεναγμούς P || χῶραι E || πέδα E.— 14 Ἄμμωσ ὁ ἐξεπόλου προφήτης P, προφήτης ὁ ἐξ αἰπόλου sine nom. E.. Amos VII, 1.— 19 σε P, σοὶ E || ὦ P, ἦ E.— 23 ῥοφὰς P, qui post habet ὑποκείμενα et ἐνεπίπτρων.— 24 διόντες P.— 27 δὲ posterius om. P.— 28 θειοτάτη E.— 29 τὴν γὰρ P || πολὺν P.— 30 ἀπέλθῃ P.— 31 ὑποσμήχον P, ὑποσμήχων E.

a) Amos. V, 16.

b) Iob XXXI, 38.

на *всякій хребетъ вретнице* (Амос. 8, 10). Ибо такова печальная и убогая одежда, въ которую они облачились, и, говоря опять словами пророка, снисошла *на всяку главу плоть* (Амос. 8, 10) — не естественная, но рукотворная. Оплакивали ее и архисатрапы Персовъ (Турокъ), до которыхъ также богоподражательно достигли лучи ея благодѣяній, и когда они чрезъ пословъ узнали, что нѣтъ болѣе ихъ благодѣтельница, они украсили ея гробъ полновѣсными приношеніями золота и золотыми облаченіями. Если бы какой законъ имъ это позволялъ, то они пришли бы и не усумнились бы поклониться тебѣ и лежащей, — сказалъ бы иной, какъ нѣкогда ихъ предки лежащему въ ясляхъ младенцу, моему Иисусу, — и какъ тѣ воздали честь рожденію Господа, такъ эти воздали бы посмертную честь госпожѣ.

15. Рыдали вдовицы и сироты, которыхъ она выдавала замужъ, когда онѣ оставлены были невыданными отъ родителей, иногда благородныхъ, — и при томъ (выдала) съ приданнымъ и за мужей не неблагородныхъ; а если онѣ не имѣли еще брачнаго возраста, то ихъ прилично воспитывала. Плакали всѣ глаза, смотря на нее. О! сколькихъ она спасла отъ заслуженной смерти и отвратила сѣкиру, едва не касавшуюся выи. Сколькихъ освободила отъ узъ, сколькихъ избавила отъ бѣдъ! Хоры назиреевъ (монаховъ) для нея почтенные, священныя обители дѣвственницъ и убѣжища мудрыхъ женъ, не вѣдомыя толпѣ, и не открывавшія своихъ дверей по причинѣ крайняго подвижничества, развѣ только когда благодѣянія царицы заставляли отверзать входы — всѣ рыдайте, всѣ оплакивайте ту, которая уравнивала для васъ тяжелый путь жизни, жизни по Богу.

16. А что мы, архіереевъ собраніе? Куда мы послѣ нея обратимъ взоры? къ кому прибѣгнувъ подадимъ свитки съ прошеніями, моля или объ исполненіи прошлаго, или о докладѣ царю? Она при этомъ обращалась къ намъ такъ милостиво (кротко), такъ охотно принимала наши просьбы, такъ что прошеніе казалось удовольствіемъ и хотѣлось просить — для того только, чтобы быть просителемъ, нуждаться — только для того, чтобы она могла помочь нуждающемуся, оказать содѣйствіе просящему. А приводя на мысль ея важность, честь, благочестіе, соединенное со скромностію благопослушное вниманіе — кто не умиляется всѣмъ сердцемъ, кто не сокрушится внутренно? Ахъ! я самъ, это пишуцій, какъ и сколь много видѣлъ этого! Если бы велерѣчіе не было длиннорѣчіемъ, если бы рѣчь объ одномъ и томъ же не была многорѣчіемъ, то я сложилъ бы здѣсь цѣлое новое повѣствованіе

διαρροΐαις ὑποχαλῶν οὐκ ἀνῆκε μέχρι σέ μὲν ἀπήγαγε τῷ θανάτῳ, τὸν δὲ βασιλέα ἡμῖν ἡμιφλεγῆ καὶ ἐλόκαυτον ἔδειξεν· εἶπε δ' ἂν πάλιν προφήτης, ὡς δαλὸν ἐξεσπασμένον ἀπὸ πυρός²).

14. Καὶ νῦν κλαίει μὲν καὶ ἀνακαλεῖται σε θαμινὰ πάσας ὁδοὺς, πάσας διατριβὰς ἀνιχνεύων, τοὺς περιπάτους, τοὺς ὁρόμους, τὰ ἐκτός, τὰ 5 ἔνδον τῶν βασιλείων, ἐν οἷς αὐτῷ ποτὲ συμπεπέρευσαι, οὐχ εὐρίσκει δέ. Ἐζήτησαν αὐτήν, οὐχ εὗρον οἱ καθ' αἶμα τῷ βασιλεῖ καὶ οἰκετοί, ὧν ἐν καιροῖς βοθηεῖας δεομένων προΐστατο. Ἐκλαυσαν αὐτήν στρατιαὶ καὶ στρατάρχαι ὅσοι προσελθόντες ὧν ἐδεήθησαν οὐκ ἡμοίρησαν, καὶ ὡς ἐν αἰχμαλωσίᾳ θρηγούντων καὶ τούτων κάκεινων προφητικῶς εἶπεῖν ἐπὶ πᾶσαν ὁσφὺν 10 σάκκος³) ἀνέβη (τσιοῦτον γὰρ ἢ πενθήρης ἐκείνη καὶ ἀχρεῖος στολή, ἦν περ περιεβάλλοντο) καὶ «ἐπὶ πᾶσαν κεφαλὴν φαλάκρωμα», οὐ φυσικὸν ἀλλὰ χειροποίητον. Ἐκόψαντο δὲ αὐτήν καὶ ἀρχισατράπαι Περσῶν, πρὸς οὓς αἱ τῶν εὐεργεσιῶν ταύτης ἀκτῖνες θεομιμήτως ἐπέλαμπον, καὶ ἐπεὶ τὴν εὐεργέτιν διὰ τῶν πρέσβειων οὐκέτ' οὔσαν ἐμάνθανον, χρυσοῦ πολυ- 15 ταλάντοις ἄλκαῖς καὶ χρυσοῖς ἐπιβλήμασι τὸν τάφον ἐγέραιρον. Εἰ δέ τις νόμος αὐτοῖς ἐδίδου, οὐκ ὤκνησαν ἂν ἐλθόντες προσκυνῆσαι σε καὶ κειμένην, εἶπεν ἂν τις, ὡς πάλαι οἱ πρόγονοι σφῶν τὸν ἐμὸν Ἰησοῦν βρέφος κείμενον ἐν φάτνῃ τὸν προαιώνιον, καὶ ὡς ἐκεῖνοι τὴν γενέθλιον τῷ δεσπότη, οὕτως οὗτοι τὴν ἐντάφιον τῇ δεσποίνῃ ἀφοσιώσασθαι σοι τιμῆν. 20

15. Ἐκλαυσαν χῆραι, ἐπένθησαν ὄρφανοί τε καὶ ὄρφαναί, ἃς ἀνεκδότους παρὰ γονέων καὶ τῶν εὖ γεγονότων καταλελειμμένας ἀνδράσιν οὐκ ἀναξίους μετὰ φερνῶν οὐχὶ ἀγενῶν ἐδεδώκει πρὸς γάμον ἢ καὶ μὴ ὠραίας γάμου ἔτι τυγγανούσας ἀξίως τοῦ γένους ἀνέτρεφεν. Ἐδάκρυσαν ὀφθαλμοὶ πρὸς αὐτήν ἅπαντες βλέποντες. Ὡ πόσους «ἐκ θανάτου δικαίου» 25 ἐρρύσατο καὶ μονοουχὶ τοῦ τραχήλου ἐπιψαῦον τὸ ξίφος ἀπέστρεψε, πόσους ἔλυσεν ἐκ δεσμῶν, πόσους ἀπήλλαξε συμφορῶν! Ναζιραίων χοροὶ οἱ τίμιοι παρ' αὐτῇ, σεμνεῖα θηλειῶν παρθένων, καταγῶγια γυναικῶν σωφρόνων ἀγνοούμενα τοῖς πολλοῖς μηδὲ ἀνοιγόμενα διὰ τὸ ἀπερίσπαστον τῆς ἀσκήσεως, εἰ μὴ ὅτε αἱ τῆς βασιλίσσης εὐποιαί τὰς εἰσόδους ἀνεπετάννου, 30 κλαύσατε πᾶσαι, πάντες πενθήσατε τὴν εὐμαρτίζουσαν ἡμῖν τὸν τραχὺν καὶ κατὰ Θεὸν βίον οὐκ ἔχοντες!

2 ὀλόκαυστον E.—3 ἐξεσπασμένον P.—5 διατριβὰς E, τριβὰς P. an leg. τρίβους?—6 ποτὲ om. E. — 8 sq. καὶ στρατάρχαι E, τειράρχαι P. — 9 προσελθόντες PE || ἡμοίρησαν P. — 10 καὶ om. E || προφητικῶς εἶπεῖν hic add. E, ante φαλάκρωμα 12 P. — 11 τοιοῦτος P || ἐκείνη post ἀχρεῖος P. — 13 δὲ P, δι' E. — 17 ἀνελθόντες E || καὶ add. E. — 21 ἀνεκδότους E. — 22 εὖ γεγονότων] an ἐγγὺς ὄντων sive ἐγγυτάτω? — 23 φερνῶν E || ἀγενῶν E. — 24 ἀνέθρεψεν E. — 27 ναζιραίων P. — 28 αὐτῷ E. || θηλυῶν P.

a) Zachar. 3,2.

b) Amos 8,10.

распространяясь объ этомъ предметѣ. Но пропустивъ другое, я расскажу только одно, что послужить и началомъ и серединою и концомъ моихъ сообщеній о себѣ самомъ.

17. Былъ день, въ который жизненаачальный Иисусъ, исторгнувъ изъ ада свое тѣло, принятое отъ насъ и преданное смерти за насъ, снова воспріялъ его къ себѣ по прежнему и тѣмъ далъ намъ (возможность) воспѣвать побѣдную пѣснь надъ смертию. И такъ, въ этотъ день, когда царь вмѣстѣ съ царицею былъ въ нашихъ предѣлахъ, я присутствовалъ въ царскомъ присганицѣ и въ палаткѣ, имѣя совершить животворящую жертву, очистительную для всего міра. Когда таинство совершалось, предстоялъ и самодержецъ съ душою сокрушенною и въ духѣ смиренія, какъ-бы принося другую жертву приносимому въ жертву,—то есть, себя самого, жертву чистую и святую, посредствомъ мысленнаго исповѣданія. Присутствовала также и царица подъ покровомъ (балдахиномъ) съ подобнымъ же настроеніемъ.

И вотъ, когда животворящій агнецъ священно содѣвался и закалялся—посвященный знаетъ (о чемъ рѣчь), и когда святое призывало святыхъ (возглашалось: «святая святымъ»), то за тѣмъ, послѣ жрецовъ и священнослужителей, царю первому дано было причаститься. Наступало время дать и царицѣ приобщиться святыни, для которой она себя осватила, представъ чистою и столь достойною ея принятія. Поднялась завѣса къ верху, и заключающій царицу *домикъ* принялъ меня вмѣстѣ со всесвятими дарами. Царица была убрана по-царски и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно того дня. Но что въ этомъ? Вѣдь и послѣдніе оборванцы и бѣдняки, снявши истасканныя и грязныя рубища, надѣваютъ на этотъ разъ новыя и свѣтлыя платья, а женщины даже облачаются въ золото выше своего достоинства и выше своего благосостоянія — ради изнѣженности и ради зрѣлица. Меня поразила не внѣшность царицы, а ея душа и внутреннее. Мое вниманіе обратило не наружное украшеніе, а врожденное ея изящество, не разноцвѣтное облаченіе, но глубокое сокрушеніе духа и презрѣніе въ сердцѣ видимыхъ обманчивыхъ явленій, какъ чего-то ничтожнаго. Ибо когда я приступилъ, нося богопримными руками сосудъ, содержащій божественное тѣло и кровь, то она самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ показывала, какъ она была внутри настроена; вся собравшись въ себѣ и обратившись внутрь себя, она сопровождала чувствомъ и умомъ все таинство, помышляла о Томъ, который подаетъ съ небеси хлѣбъ и жизнь міру, объ агницѣ закалаемомъ, дающемъ своимъ рабамъ насыщаться своей плоти и крови. И

16. Τί δὲ ἡμεῖς, ὧ ἀρχιερέων πληθύς; ποῦ μετ' ἐκείνην ἐπάρωμεν ὀφθαλμούς; τίνοι τοῦ λοιποῦ προσελθόντες πτυχία δεήσεων ἐπορέξομεν αὐτῆς δεομένων ἢ πρὸς ἐκπλήρωσιν τῶν αἰτουμένων ἢ πρὸς ἀναφορὰν πρὸς τὸν αὐτοκράτορα, οὕτως ἰλαρῶς προσφερομένης ἡμῖν, οὕτω προθύμως δεχομένης τὰς ἰκεσίας, ὥστε καὶ χάριν ἡγεῖσθαι τὴν αἴτησιν καὶ ἰκετεύειν 5 μᾶλλον ἐν' ἰκετεύωσι καὶ δεῖσθαι ὡς ἂν δεομένοις ἐπαρκοίη καὶ βοήθειαι αἰτουμένοις βοήθειαν; Τὸ δὲ σέβας, τὴν δὲ τιμὴν, τὴν εὐλάβειαν, τὴν μεθ' ὑποστολῆς εὐήκοον ἔντευξιν, τίς εἰς νοῦν ἀναφέρων ὄλην οὐκ ἔχχει τὴν καρδίαν καὶ τὰ σπλάγχνα διαθρυβῆ; Αἱ! αἱ! τὰ δὲ ἐμὰ καὶ περὶ ἐμὲ τὸν ταῦτα γράφοντα οἶα καὶ ὅσα! εἰ μὴ μεγαληγορεῖν ἢ ἐνταῦθα τὸ 10 μακρηγορεῖν, εἰ μὴ περιαυτολογεῖν τὸ πολυλογεῖν, ὄλην ἂν ἐξ ἀρχῆς ἔπλεξα τραγῳδίαν τῷ περὶ τούτων λόγῳ ἐμπλατυνάμενος. ἀλλὰ τᾶλλα παρεῖς ἐν τούτῳ καὶ προοίμιον καὶ μέσον καὶ τελευταῖον τοῖς αὐτὸς περὶ ἐμαυτοῦ ποιήσομαι διηγήμασιν.

17. Ἡμέρα μὲν ἦν καθ' ἣν ὁ ζωαρχικώτατος Ἰησοῦς τὸ ἑαυτοῦ σῶμα 15 τοῦ ἄδου ἐκσπάσας, ὃ ἐξ ἡμῶν προσλαβὼν τῷ θανάτῳ παρέδωκεν ὑπὲρ ἡμῶν, ἑαυτῷ ἀνέλαβε πάλιν ἐμπρόθεσμον καὶ παιανίζειν ἡμᾶς τὰ κατὰ τοῦ θανάτου νικητήρια παρεσκεύασε. Κατὰ ταύτην οὖν τὴν ἡμέραν ἐπειδὴ ὁ βασιλεὺς σὺν τῇ βασιλίδι τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐπεχωρίαζε κλίμασι, τῇ βασιλείῳ καταγωγῇ καὶ σκηπῇ παρήμην καὶ αὐτὸς ἱεροθυτήσων τὸ ζωοποιόν 20 θῦμα καὶ παντὸς τοῦ κόσμου καθάρσιον. Καὶ δὴ τῆς ἀγιστείας ἐπιτελουμένης ὁ μὲν αὐτοκράτωρ ἐν ψυχῇ συντετριμμένη παρίστατο καὶ πνεύματι ταπεινώσεως, ὡς ἄλλο θῦμα τῷ θυομένῳ προσάγων ἑαυτὸν εὐαγὲς τε καὶ ἱερώτατον διὰ τῆς κατὰ νοῦν ἐξομολογήσεως, καὶ ἡ βασιλὶς δὲ ὑπὸ παραπετάσματι καὶ αὐτὴ παρειστήκει μεθ' ὁμοίας τῆς διαθέσεως. Ὡς οὖν ὁ ζωο- 25 ποιὸς ἀμνὸς ἱερούργητό τε καὶ τέθυτο—οἶδας ὁ μυηθεὶς—καὶ τὰ ἅγια τοὺς ἡγιασμένους ἐκάλει καὶ τῷ βασιλεῖ πρώτῳ μετὰ τοὺς θύτας καὶ λειτουργοὺς ἡμᾶς μετεδίδοτο, ἐκάλει δὲ ὁ καιρὸς καὶ τῇ βασιλίσῃ μεταδοῦναι τοῦ ἀγιάσματος, ᾧ αὐτὴ ἑαυτὴν καθηγίασε καθαρὰ παραστάσα καὶ ἀξία καταστάσα τῆς αὐτοῦ μετοχῆς· τὸ μὲν παραπέτασμα ἀνεπετάννυτο, ὃ δὲ τὴν βα- 30 σιλίδα ἔχων οἰκίσκος μετὰ τῶν πανιέρων δώρων κάμῃ εἰσεδέχετο. Καὶ δὴ ἐκεκόσμητο μὲν βασιλικῶς ἡ βασίλισσα καὶ ἅμα τῆς ἡμέρας ἀξίως—τί γάρ; ὅτι ῥακενδύται καὶ πένητες καὶ ῥωγαλέα καὶ πιναρὰ τηνικαῦτα ἀποτιθέμενοι ῥάκια καινὰ καὶ λαμπρότερα περιβάλλονται, χρυσοφοροῦσι δὲ καὶ γυναῖκες

1. ἡμεῖς E. || ποῦ P || ἐπάρωμεν P. — 2 ἐπορέξωμεν? — 10. γράφοντα om. E. || ἐντεῦθεν E. — 12. θρηνωθῆναι E. || λόγων ἐκπλατυνόμενος P. — 13 τελευταῖον P. — 16 ὁ E. — 17 ἐμπρόθεσμον P. — 18 ἐπεῖ E. — 25 καὶ αὐτὴ om. E. — 27 καὶ τοὺς λειτ. E. — 28 μετεδίδοτο E. — 29. ἑαυτὴν] αὐτῆ P, καὶ αὐτὴν E. — 30 περιπέτασμα PE. — 32 ἐκεκόσμητος E.

такъ, помышляя объ этомъ и все обнявъ мыслію, съ наполненными слезъ глазами, она приступила къ чашѣ, и не сейчасъ сочла возможнымъ прикоснуться къ ея божественнымъ дарамъ, но преклонилась, припала на землю, и не прежде преклоненная приподнялась, чѣмъ и чело свое съ усыпанною камнями діадемой оперла на землю — предъ моими ногами. Тогда *устрашишася же ми власи и плоти* (Іов. 4, 15)—по Елифазу, и по Даниилу: *вострепета духъ мой въ состояніи моемъ* (Дан. 7, 15); ослабѣли руки, едва не подкосились колѣна и жизнедательная чаша едва не выпала изъ рукъ носящаго, подвергнувшись такому волненію. — Но Богъ, все устрояющій, поддержалъ и подкрѣпилъ меня. И вотъ она освятила у себя вмѣстѣ съ устами и внутренность, и я вышелъ изъ *домика*, одержимый страхомъ и безгласіемъ, и едва успѣлъ привести себя въ обычное положеніе.

18. Такъ (показала себя) пришлая иностранка, чужеземная, къ намъ переселенная, поздно, какъ казалось, начавшая учиться нашимъ обычаямъ, происходившая изъ народа высокобѣрнаго и хвастливаго, поднимающаго брови выше лба, у котораго *выя—жила желѣзна*, чтобы сказать по божественному реченію (Ис. 48, 4), не превыкшая стигаться; происходившая изъ рода наиболѣе уважаемаго и выдающагося въ ея народѣ. Между Италією и океаномъ обитаетъ множество народовъ, раздѣленныхъ въ длину и широту многими рѣками и высочайшими горами: но кто не знаетъ, что Алеманнскій (нѣмецкій) народъ властвуетъ надъ другими и не выноситъ власти другихъ надъ собою. И вотъ среди такого сильнаго и властолюбиваго народа былъ родъ первѣйшій и властительнѣйшій, изъ котораго приводятся невѣсты народовластителямъ. Этому служить примѣромъ тотъ, кто недавно правилъ тѣмъ народомъ, обручившій себѣ старшую изъ сестеръ, а нашему тогда царю и отцу (нынѣшняго) царя приславшій эту, для того чтобы прекрасная была обручена и сочеталась съ прекраснѣйшимъ изъ сыновей его.

19. Но не обнаружила царица надменности своего народа, а подражала смиренію Христа. Псалмопѣвецъ говоритъ объ Іосифѣ *посла царь и разрѣши его; постави его господина дому своему*, какъ далѣе говорится (въ этомъ заключается тайна его исторіи и домостроительства) *наказати князи его яко себе и старцы его умудрити* (Псал. 104, 19—22). То же самое было устроено и сдѣлано относительно царицы, чтобы ея примѣромъ наставлялись правительницы и управляемыя и чтобы отъ болѣе юной умудрились старшія возрастомъ—научившись,

πολλάκις και ὑπὲρ τὴν ἀξίαν και τὴν ἑαυτῶν εὐπορίαν ἀβρυνόμεναι και
 θεατριζόμεναι. Ἐμὲ δὲ οὐχ ἡ ἔξω βασιλισσα ἀλλ' ἡ κατὰ ψυχὴν και
 ἔνδον ἐξέπληττεν, οὐχ ὁ περιάπτος κόσμος, ἀλλ' ἡ ἔμφυτος κοσμιότης
 ἐπέστρεφεν, οὐχ ἡ ποικίλη περιβολή, ἡ δὲ πολλὴ τοῦ φρονήματος συ-
 στολὴ και καταστολὴ και ἡ τῶν φαινομένων τῇ αἰσθήσει ἀπατηλῶν ὡς 5
 εὐτελῶν περιφρόνησις. ὡς γὰρ προσήειν ἐγὼ τὸν τοῦ θείου σώματός τε
 και αἵματος ὑποδοχέα κρατῆρα ταῖς θεοδόχοις φέρων χερσίν, ἔδειξε τῷ
 ἔξωθεν σχήματι ὡς διεκίετο ἔνδοθεν. εἰς ἑαυτὴν ὅλην συσταλεῖσα και εἰς νοῦν
 στραφεῖσα ἀπὸ τῆς αἰσθήσεως κὰν τούτῳ τὸ μυστήριον ἅπαν περινοή-
 σασα, τὸν ἐξ οὐρανοῦ καταβάντα ἄρτον και ζωὴν διδόντα τῷ κόσμῳ, 10
 τὸν ἀμνὸν τὸν θυόμενον και τῶν ἑαυτοῦ σαρκῶν και τοῦ αἵματος ἐμφο-
 ρεῖσθαι ταῖς δούλοις παρέχοντα· ταῦτ' οὖν και τὰ τοιαῦτα διελοῦσα τῷ
 νῷ και πάντα τῇ διανοίᾳ περιελίξασα δακρύων ὑποπληροῦται τοὺς ὀφθαλμοὺς
 και τῷ κρατῆρι προσελθοῦσα οὐ πρότερον τῶν θείων δώρων ἐδικαίωσεν
 ἄψασθαι, ἀλλ' ἔκλινεν ἑαυτὴν, ἔκυψεν εἰς γῆν και οὐ πρότερον κατακύ- 15
 πτουςα ἐπανῆκεν ἕως και τὸ μέτωπον σὺν τῇ λιθοκολλήτῳ ταινίᾳ τῇ γῇ
 προσῆρισε πρὸ τῶν ἐμῶν—φεῦ μοι—ποδῶν. «Ἐφριζάν μοι τότε τρίχες και
 σάρκες» κατὰ τὸν Ἐλιφάτζ^{α)}, και κατὰ τὸν Δανιὴλ πάλιν «ἔφριξε τὸ πνευμά
 μου ἐν τῇ ἔξει μου»^{β)}. Αἱ χεῖρες παρείντο, ἐλύοντο γόνατα, μικρόν τι δεῖσαν
 και ὁ ζωηφόρος κρατῆρ τῶν τοῦ φέροντος χειρῶν οὕτω πεπονθότος ἐξέ- 20
 πεσεν. ἀλλ' ὁ ταύτην οὕτω διατιθεῖς Θεὸς κάμῃ συνέσχε τε και ἐπέρρωσε
 και ἠγίασε μὲν ἐκεῖνη σὺν τῷ στόματι και τὰ ἔνδον, ἐγὼ δὲ ὑπεξῆειν τοῦ
 οἰκίσκου θάμβει και ἀφθεγξίᾳ κατασχεθεῖς και μόλις ἑαυτὸν ἐν τῷ συνήθει
 καταστησάμενος.

18. Ταῦτα ἡ ξένη και ἔπηλος, ἡ ἀλλοδαπὴ τε και μέτοικος και τῶν τῆς 25
 καδ' ἡμᾶς πολιτείας, ὡς ἐδόκει, ὀψιμαθῆς, ἡ ἐξ ἔθνους γαύρου και ἀλαζόνος
 και τὰς ὀφρῦς ὑπὲρ τὸ μέτωπον αἶροντος, οὐ και «νεῦρον σιδηροῦν ὁ τράχη-
 λος» —^{γ)} κατὰ τὴν θείαν φάναι φωνὴν — κάμπτεσθαι οὐκ εἰδῶς, ἡ ἐκ γένους
 τοῦ σεμνοτάτου και πρωτίστου τῶν ἐν τῷ ἔθνει. Μυρίων γὰρ ὄσων ἔθνῶν
 τὴν ἐξ Ἰταλίας μέχρι και ὠκεανοῦ νεμομένων κατὰ τε πλάτος και μῆκος 30
 ποταμοῖς τε πλείστοις και ὄρεσι τοῖς μεγίστοις διελημμένων, τίς οὐκ
 οἶδεν ὅτι τὸ Ἀλαμανῶν ἔθνος ἄρχει μὲν τῶν ἄλλων, ἄρχεσθαι δὲ οὐκ

4. ἐπέστρεφεν E. || νν. ἡ δὲ πολλή — καταστολή (και καταστολή om. P) post περιφρό-
 νησις 6 leguntur in E. — 7. θεοδόχοις E. — 8 ὄλην P. — 10 διδοῦντα τ. κ. P, τ. κ. δι-
 δόντα E. — 12 διελοῦσα P. — 14 sq. νν. τῶν θείων δώρων — οὐ πρότερον om. E. — 17 τρι-
 χες P, χεῖρες E. — 19 τῷ ἔξει E. — 21 ταῦτ(α) P. — 22 ἐκεῖνη P, ἐκείνην E. — 29 τῷ
 om. E. — 32 τὸ ἐξ Ἀλαμανῶν E.

кромѣ другихъ проявленій челоуѣколюбія къ ближнимъ, также и кротости, а равно смиренію и благоговѣнію предъ божественнымъ и честнымъ еже о насъ таинства. Всякій разъ какъ она хотѣла приступить къ святымъ тайнамъ, она посылала къ сонму архіереевъ послами собственныхъ служителей — можно сказать, самымъ горячимъ образомъ желая, чтобы причащеніе святыни было ей въ неосужденіе.

20. Такъ здѣсь готовилась прикоснуться «чистая чистѣйшихъ», по такимъ уставамъ и правиламъ, которыя царица сама себѣ положила. Архіереевъ она почитала и назареевъ чествовала, и за то получила отъ отъ нихъ достойное воздаяніе въ молитвахъ. Отсюда и то, что она, долго сокрушавшаяся о разрѣшеніи неплодія, явилась потомъ матерію, радующеюся о чадахъ своихъ. О, еслибы вмѣстѣ съ двоицею дочерей она оставила царству и мужескую вѣтвь. А сверхъ того и слѣдующее: предметомъ моленій, возсылаемыхъ за нее монахами и іереями къ Богу, было то, чтобы ей не пришлось узрѣть мракъ вдовства, чтобы ей не досталось оплакивать сиротство дѣтей, не испытать чего либо другаго бѣдственнаго относительно супруга и милыхъ. И это, увы, тогда, когда въ скоромъ времени предстояла гибель младенца, безвременно подсѣченнаго (въ своемъ существованіи) подобно виноградной цвѣтущей лозѣ, отнятіемъ у него матери. Перенестъ этого, думаю, не могло бы никакое матернее сердце и душа. Но и сверхчувственныя уготованныя ей Богомъ воздаянія какая рѣчь могла бы описать, какая мысль представить и вообразить!

21. Что еще остается для рѣчи? Развѣ только то, чтобы посовѣтовать царю полезный совѣтъ и не дать ему еще долѣе сокрушаться о смерти сунруги, обратившись къ нему со словами, какія свойственно и прилично услышать государю мужественному и мудрому. — Будь наконецъ самъ свой и нашъ: Свой, такъ чтобы углубившись въ себя и возбудивъ врожденныя внутреннія свои умственныя способности, въ собственномъ размышленіи почерпнуть врачевство для излеченія недуга; воздѣлывая свою мысль, по Эсхилу, какъ небольшую (глубокую) борозду, ты вырастишь славныя рѣшенія, и искусно прикладывая ихъ, исцѣлишь свое кипящее страданіемъ сердце. Пусть, по крайней мѣрѣ, десница твоя не будетъ забыта варварами, привыкшими именно до тѣхъ поръ оставаться въ покоѣ, пока она держитъ надъ ними угрожающій желѣзный жезль; а когда она сгибается или когда ты, орелъ великокрылый, не пугаешь ихъ шумомъ своихъ крыльевъ, то они галдятъ какъ галки и какъ вороны болтливо каркаютъ на всѣ лады. Ради

ἀνέχεται; Τοιούτου δὲ ὄντος τοῦ ἔθνους κρατίστου τε καὶ ἡγεμονικωτάτου, καὶ τὸ γένος πρῶτιστον ἐν τούτοις καὶ ἀρχικώτατον καὶ τὰ κήδη ἐντεῦθεν τοῖς ἐθνάρχαις προσάγονται. Καὶ δηλοῖ ὁ πρὸ μικροῦ τοῦ ἔθνους κρατῶν, ἑαυτῷ μὲν τὴν πρεσβυτέραν τῶν ἀδελφῶν ἀρμοσάμενος, τῷ δὲ ἡμετέρῳ τότε βασιλεῖ καὶ τοῦ βασιλέως πατρὶ ταύτην ἐκπέμψας τῷ καλλίστῳ τῶν 5 υἱέων συναρμοσθησομένην καὶ συνοικήσουσαν.

19. Ἄλλ' οὐκ ἐζήλωσε τὴν τοῦ ἔθνους ἀγερωχίαν ἢ βασιλίς, ἀλλὰ τὴν τοῦ Χριστοῦ ταπεινώσιν ἐμίμησατο ἵνα, — ὁ φησὶν ἢ ψαλμωδία περὶ τοῦ Ἰωσήφ, ὅτι ἀπέστειλε βασιλεὺς καὶ ἔλυσεν αὐτόν, κατέστησε κύριον τοῦ οἴκου αὐτοῦ», καὶ (τὸ τῆς κατ' αὐτόν τραγωδίας καὶ οἰκονομίας μυστήριον) 10 «ὡς ἄν» φησὶ «παιδεύσῃ τοὺς ἄρχοντας ὡς ἑαυτὸν καὶ τοὺς πρεσβυτέρους αὐτοῦ σοφίῃ»¹⁾ — τοῦτο καὶ περὶ τὴν βασιλίδα οἰκονομηθῆ καὶ πραχθῆ, καὶ παιδευθῶσι τῷ κατ' αὐτὴν ὑποδείγματι καὶ ἄρχουσαι καὶ ἀρχόμεναι, καὶ σοφισθῶσι παρὰ τῆς νεωτέρας αἰ τὴν ἡλικίαν πρεσβύτεραι πρὸς τῇ ἄλλῃ περὶ τὸ ἑμογενὲς φιλανθρωπία καὶ ἡμερότητι καὶ τὴν περὶ 15 τὰ θεῖα καὶ σεπτὰ τοῦ καθ' ἡμᾶς μυστηρίου ὑποστολὴν καὶ εὐλάβειαν. Ἡ γε καὶ ὁσάκις ἄν τοῖς θεοῖς καὶ ἱεροῖς μυστηρίοις προσελθεῖν ἠβουλήθη, πρεσβευτὰς τοὺς οἰκείους θεραπευτὰς πρὸς τὸν τῶν ἀρχιερέων σύλλογον ἐξαπέστειλε λιτανεύουσα — πῶς ἄν εἴποις; — θερμότατα τὴν τῶν ἁγιασμάτων μετὰσχέσιν ἀκατακρίτως γενέσθαι αὐτῇ. 20

20. Οὕτως αὐτοῦ τοῦ καθαρὰ τῶν καθαρωτάτων ἐφάπτεσθαι ἐμελλεν, ἐκ τοιούτων τύπων τε καὶ κανόνων, οὓς αὐτῇ ἑαυτῇ ἢ βασιλίς ἔθετο, ἀρχιερέας τε οὕτως ἐσεβάσθη καὶ ναζιραίους ἐτίμησε, καὶ τὰς ἐκ τῶν εὐχῶν ἀμοιβὰς ἀξίας ἀντεκομίσαστο, ἐνταῦθα μὲν τὴν τῆς ἀτεκνίας λύσιν λιπούσης ἐπὶ πολὺ καὶ τὸ δειχθῆναι μητέρα ἐπὶ τέκνοις εὐφραϊνομένην — 25 ὡς εἶθε μετὰ τῆς ξυνωρίδος τῶν θυγατέρων καὶ ἄρρενα βλαστὸν τῇ βασιλείᾳ κατέλιπε. Μετὰ δὲ τούτων καὶ τοῦτο τῶν παρὰ μοναστῶν καὶ ἱερέων πρὸς Θεὸν ἀπολελεύκει ἐντεύξεων τὸ μὴ γηρείας νέφος ἰδεῖν, τὸ μὴ ὀρφανίαν τέκνων ἀποδρηνηῆσαι, τὸ μὴ τινος ἄλλου τῶν δυσχερῶν πειρασθῆναι περὶ τὸν σύζυγον ἢ καὶ τὰ φίλτατα, καὶ ταῦτα τῆς βρεφυλλίου — φεῦ 30 μοι — τομῆς ἀγχιθύρου παρεστῶσης τῇ τῆς μητρὸς ἐκτομῇ ἄώρως ἀποδρυσθέντος μετὰ μικρόν, ὡς περ τινὸς ἐν ἄνθει κυπρίζοντος βότρου. ἦν ἐνεγκεῖν οὐ μητρικῆς ἦν (ὡς οἶμαι) καρδίας τε καὶ ψυχῆς. περὶ γὰρ τῶν

1 ἀνέεται P. — 3 τοῖς γενάρχαις E. — 8 ψαλμῳδῆς PE. — 9 ἀπέστειλεν ὁ βασιλεὺς E. — 19 ἐξαπέστειλε P. — 20 ἀκατάκριτον P. — 22 τόπων τε E. — 23 ναζιραίους PE || ἐκ om. E. — 30 ἢ καὶ E, ἢ P. — 31 ἄώρως ἀποδρυσθέντος P. — 32 ἐν om. P || βότρον P.

a) Psal. CIV, 19—22.

ихъ слово мое, государь, побуждаетъ тебя сдѣлаться самъ своимъ. *Будь намъ:* дабы, когда ты воротишься къ обычнымъ тебѣ заботамъ и попеченіямъ, мы пребывали внѣ всякаго зла; ибо если твоими высокотрудными дланями и твоими непрерывными походами и (отличнымъ) военнымъ искусствомъ замирена теперь вся земля и все море, такъ что нигдѣ нынѣ не видно чего-либо угрожающаго бѣдою или буйствомъ, то изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобы ты совсѣмъ могъ устранился; ибо много въ нашей жизни ежедневно случается такого, что заставляетъ нуждаться въ тебѣ какъ направителѣ и устройтелѣ, и если бы тѣ, которые тебѣ поручены для управленія, видѣли солнце скрытымъ въ облакѣ унынія, полнымъ тьмы и печали, то не стали бы тебѣ докладывать ни о чемъ, требующемъ устройенія, считая бесѣду безвременнымъ для тебя отягощеніемъ и не рѣшаясь докучать тебѣ. А чтò было бы болѣе нежелательно для насъ и болѣе тягостно.

22. Но горька для тебя, государь, разлука съ супругою, разрывъ сожителства, горько, что ты одинъ несешь бремя этой жизни, одинъ совершаешь ея путь, потерявъ добрую привычную и единокордную спутницу. *Еда пойдутъ,* говоритъ пророкъ, *два вкутъ, всяко аще не познаютъ себе* (Ам. 3, 3)?—себе, то есть взаимно одинъ другаго;—но чтобы не могло показаться, что она сама выбрала себѣ пріятное, а любимымъ предоставила болѣе тягостное, мы должны взять во вниманіе, что это относится къ намъ, о божественнѣйшій самодержецъ, имѣющимъ то первое сочетаніе (сопряженіе), по которому души наши сопряжены съ тѣлами и вслѣдствіе котораго мы составляемъ нѣчто единое, а для тѣхъ, у которыхъ эта связь прервана и которые освободились отъ сопряженныхъ (съ душею) тѣлъ, для тѣхъ, говорятъ,—иная жизнь, иной ея образъ, другія печали и радости, пріятное и непріятное, и что поступившая нынѣ въ число ихъ блаженная царица, достигшая теперь лучшаго, совершенно забыла о худшемъ, о печаляхъ, примѣшивающихся къ пріятному. Тогда мы можемъ только воздать благодарность этой разлукѣ и этому разрыву, ибо она вслѣдствіе того всецѣло вступила въ область божественную.

23. Она удалилась отъ этихъ царскихъ чертоговъ, но за то восхищена въ лучшее царство и въ другой чертогъ выше всякаго разума и помышленія. Скрылся для тебя желанный ликъ луны,—но она не осталась совершенно безсвѣтною и безлунною. То, что было обращено къ тебѣ и заимствованнымъ отъ тебя свѣтомъ блистало, омрачилось теперь тѣнію смерти, но не то, чтò взираетъ къ Богу, отцу свѣтовъ,

ὑπερκοσμίῳν καὶ παρὰ Θεῶ τεταμειυμένων αὐτῇ ἀντιδόσεων τίς λόγος ὁ φράσαι δυνάμενος ἢ διάνοια ὑποτυπῶσαι τε καὶ διανοήσασθαι;

21. Τί ἔτι τῷ λόγῳ λοιπὸν ἢ τῷ αὐτοκράτορι συμβουλευσαὶ τὰ πρόσφορα καὶ μὴ ἑᾶσαι τῷ τῆς συζύγου θανάτῳ μακρότερον ἐποδύρεσθαι, ἐκεῖνα αὐτῷ ἐπιλέγοντας ἃ βασιλεῖ γενναίῳ καὶ σφωτάτῳ ἀκούειν οἰκεία καὶ πρέποντα, ὅτι γενοῦ ποτε καὶ σεαυτοῦ καὶ ἡμῶν, σεαυτοῦ μὲν ὡς ἂν εἰς ἑαυτὸν παρακύψας καὶ τοὺς ἐμφύτους καὶ ἔνδοθεν ἀνακεκινηκῶς λογισμοὺς κακῆς διανοίας τὰ πρὸς θεραπείαν ἀναλεξάμενος φάρμακα — ἦν ὡς βραχεῖαν αὐλακα κατὰ τὸν Αἰσχύλον καρπούμενος τὰ κεδνὰ βλαστάνεις βουλευμάτα^{a)} — καὶ καταπέττων ἐντέχνως τὴν αὐτὸς ἑαυτοῦ θε- 10 ραπεύσεις καρδίαν τῷ πάθει φλεγμαίνουσαν. Καὶ ἄλλως δὲ ἵνα μὴ τοῖς βαρβάροις ἐπιλησθεῖη ἢ δεξιὰ σου ἐπὶ τοσοῦτον ἡρεμεῖν εἰωθόσι μέχρις ἂν αὐτὴ τὴν σιδηρᾶν ῥάβδον ἐπανεχῆ αὐτοῖς· ἐπὶ δὲ εἰς ἑαυτὴν συσταλῆ, ἢ, ὁ ἀετὸς ὁ μέγας ὁ μεγαλοπτερυγος, σὺ τῷ ῥοίζῳ τῶν πτερῶν τούτους μὴ καταπτοῆς, ὡς περ κολιοὶ θορυβοῦσι καὶ ὡς κόρακες παγγλωσσίαι 15 γαρύουσιν ἄκραντα^{b)}. Τούτων μὲν οὖν ἕνεκα σεαυτοῦ γενέσθαι σε, ὦ βασιλεῦ, ὁ λόγος προτρέπεται· ἡμῶν δὲ, ἵνα τῶν συνήθων γενομένου σου φροντίδων καὶ σπουδασμάτων ἔξω κακῶν ἀπάντων διατηρώμεθα. οὐδὲ γὰρ ὅτι ταῖς σαῖς ἀριστοπόνοις παλάμαις καὶ ταῖς ἀπαύστοις στρατείαις καὶ στρατηγίαις ἐξημέρωταί σοι πᾶσα μὲν γῆ, πᾶσα δὲ θάλασσα 20 καὶ οὐδὲν τὸ ὠδίνον ὁράται καὶ ἀγριαῖνον, ἔργου ἀφείσθαι σε τέλειον ὁ λόγος ἀνέχεται. πολλὰ μὲν γὰρ αἰεὶ τὰ τῷ καθ' ἡμᾶς βίῳ καθ' ἡμέραν ἐπισυμπίπτοντα καὶ σοῦ ἰθυνηῆρος καὶ ἀρμοστοῦ πάντα δεόμενα· καὶ οἱ οἰκονομεῖν σοι ταῦτα πεπιστευμένοι, εἰ νέφει ἀθυμίας ἐπικαλυπτόμενον ὄρῳεν τὸν ἥλιον καὶ ζόφου σκυθρωπότητος ἔμπλεων καὶ στυγνότητος, οὐδὲν 25 ἂν πρὸς σὲ ἀναφέροιν τῶν δεομένων καταρτισμοῦ, πάντων ὡς ἀκαιρίαν τὴν ἐντυχίαν ὑποπτευόντων καὶ μηδενὸς τολμῶντος περὶ οὐδενὸς ἐνοχλεῖν. Καὶ τούτου τί φευκτότερον ἡμῖν ἢ χαλεπώτερον;

22. Ἀλλὰ πικρὸν σοι, ὦ βασιλεῦ, ἢ τῆς συζυγίας διακοπή, ἢ τῆς συσκηνίας διατομή, ὅτι μόνος τὸν τῆς ζωῆς ταύτης ἔλκεις ζυγόν, ὅτι μό- 30

1 Θεῶ om. P.—2 διάνοια E.—4 ἐποδύρασθαι P.—8 κακῆ P, καὶ E.—9 αἰσχύλον P, αἰσχύλον E || καρπούμενοι P.—10 αὐτὸς E, ἐκυτὸς P.—12 ἢ δεξιὰ σου ἐπιλησθεῖη E.—13 ἑαυτὸν E.—14 ὁ μέγας om. P.—15 καταπτοῦς P || παγγλωσσίαι P.—17 sq. σοῦ γενομένου E.—18 sq. vv. ἔξω κικῶν — καὶ τζῖς om. P.—19 στρατίαις P.—21 καὶ οὐδὲ P || ἔργον ἀφανεῖσθαι E.—23 ἐπίπτοντα E || οἱ om. E.—24 ἀθυμίαν P.—25 καὶ etiam ante σκυθρωπότητος habet E.—26 πάντως ὡς P.—28 ἡμῖν evanuit P.—29 συζύγου E.

a) Aesch. Sept. 579—581 Weckl.: Οὐ γὰρ δοκεῖν ἄριστος, ἀλλ' εἶναι θέλει, Βαθεῖαν ἄλοκα διὰ φρονὸς καρπούμενος, Ἐξ ἧς τὰ κεδνὰ βλαστάνει βουλευμάτα.

b) Pind. Ol. 2, 86 sq.: μάθοντες δὲ λάβροι παγγλωσσίᾳ κόρακες ὡς γαρύετον Διὸς πρὸς ὄρνιχα θεῖον.

къ солнцу правды. Ради того оно отъ тебя и отвратилось, что обратилась къ Нему; закатилось для тебя, прекраснаго свѣтила вселенной, но взошло для того, кто явилъ тебя такимъ на тверди нашего предѣла. Ты зришь, царь, эту видимую луну, съ которою мы выше часто сравнивали царицу, зришь ночью свѣтящее солнце, ибо чтò во время дня оно (солнце), тò въ теченіи ночей—она (то есть луна). Да и она (луна) имѣетъ лице, не только къ намъ обращенное, но также (и другое обращающееся) къ вышнему и небесному, для насъ, правда, невидимое, но возникающее и противоположное къ находящимся надъ нею (луною) созвѣздіямъ. И когда она является намъ въ полнолуніи, тогда кажется безлуною тамошнимъ (тамъ находящимся), и когда кажется лишенною свѣта здѣшнимъ, тогда въ полномъ блескѣ видима тѣми, чтò надъ нею. Ибо творецъ, все въ твореніи освѣтившій особю для всего красотою, никогда бы не счелъ хорошимъ и справедливымъ и для себя приличнымъ—отнимать у нея (луны) ея красоту и опять возвращать, какъ будто осуждая и затѣмъ снова снимая обвиненіе. Нѣтъ, она всегда равною долею, то есть половиною круга, хотя и не всегда одною и тою же, то убываетъ (бываетъ на ущербѣ), то свѣтится. Это говорятъ и тѣ, которые изучали сей предметъ. Ради того и въ мірозданіи ей дана въ удѣлъ красота, дабы она попеременно съ нею являлась и себя дѣлала доступною и верхнимъ и нижнимъ.

24. Отсюда позволительно и намъ заключить о нашей царицѣ, что какъ она освѣщала всяческими радостями наши (земныя) пространства, точно такъ допущена освѣщать прибавочнымъ блескомъ верхнія надъ нами области. Ради этого она и закатилась отъ насъ, а возсіяла для расположенныхъ надъ нами. А насколько здѣшнее меньше тамошняго, объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды говорить. Ибо настоящая жизнь въ сравненіи съ ожидаемою есть грязь (тина), темная и глухая пещера, а тотъ міръ — нѣчто совершенно противоположное, эфиръ чистый и безоблачный, приличный для (жительства) однихъ ангеловъ и для душъ — ничѣмъ не осквернившихся, если только таковыя есть или были, или же посредствомъ покаянія очистившихся вполне отъ скверны. Тѣло для души, свыше пришедшей и стремящейся къ высшему, есть нѣ- котораго рода западня. А если она (душа) такова и причастна такому благородству и красотѣ, то кто не скажетъ, что для нея есть благо, когда западня сокрушится, и она выпорхнетъ какъ птичка и полетитъ къ верховной красотѣ и нетлѣннымъ онымъ лучамъ, когда она, выскнувъ изъ тины и выбравшись изъ ямы переселится въ приготовленную

νος διαπορεύη τὴν τοῦ βίου ὁδόν, τὴν ἀγαθὸν συνοδίτιν ἀποβαλὼν τὴν σύσκηνον τὴν ἰσόψυχον. «εἰ πορεύσονται» γὰρ φησιν ὁ προφήτης «δύο ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ εἰ μὴ αὐτοὺς — ὅπερ ἐστὶν ἀλλήλους — γνωρίσουσιν»^{α)}; ἀλλ' εἴ τι μέλλει ἡμῖν μὴ δοκεῖν αὐτῇ μὲν αἰρεῖσθαι τὰ φίλα, τοῖς φιλουμένοις δὲ προσνέμειν τὰ προσαντέστερα, ἐννοῶμεν ὅτι ἡμῖν ταῦτα, ⁵ ὡς θεϊότατε αὐτοκράτορ, τοῖς τὴν πρώτην ἔχουσι συζυγίαν καθ' ἣν ψυχὰι σώμασιν συνδιεπλάκηναι καὶ εἰς ἓν συμπεφύκαμεν, τοῖς δὲ ταύτης ἀποτμηθεῖσι τῆς συμφυίας καὶ τῶν συζύγων ἀπαλλαγείσιν σωματῶν ἄλλος, φασί, βίος καὶ ἄλλη διαίτα ^{β)} καὶ ἄλλα τὰ λυπηρὰ καὶ ἡδέα, τὰ χρηστὰ καὶ φευκτά, ὧν καὶ νῦν ἡ θεσπεσία γενομένη βασιλίσσα καὶ τῶν κρειπτόνων ἐπιτυ- ¹⁰ χουῖσα, τῶν δευτέρων καὶ χρηστοῖς λυπηρῶν ἀναμεμιγμένων παντάπασιν ἐπιλέλησται, καὶ χάριν ἂν ἔχοι τῷ διασπασμῷ καὶ τῇ ῥήξει ὅτι τῶν θειοτέρων ὅλη ἐγένετο.

23. Ἀπὸ τῶν βασιλικῶν τούτων μετέστη θαλάμων, ἀλλὰ πρὸς κρείττονα βασιλείαν ἠρπάγη καὶ πρὸς ἄλλα βασιλεία τὰ ὑπὲρ νοῦν καὶ διά- ¹⁵ νοιαν. ἀπεκρύβη σοι τὸ ποθοῦμενον τῆς σελήνης πρόσωπον, ἀλλ' οὐκ ἀλαμπῆς αὕτη τέλεον καὶ ἀσέληνος καταλέλειπται. τὸ μὲν γὰρ πρὸς σὲ τετραμμένον καὶ ὑπὸ τῆς σῆς λαμπηδόνας πάλαι καταλαμπόμενον τῇ τοῦ θανάτου σκιᾷ ἐπεσχότῃται, ἀλλ' οὐτι γε τὸ πρὸς Θεὸν βλέπον, τὸν πατέρα τῶν φώτων, τῆς δικαιοσύνης τὸν ἥλιον. διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἀπέστρα- ²⁰ πται ἀπὸ σοῦ, ὅτι πρὸς ἐκεῖνον ἐπέστραπται. ἔδυνέ σοι τῷ καλῷ φωστῆρι τῆς οἰκουμένης, ἀλλ' ἐπανέτειλε τῷ σε τοιοῦτον ἐν τῷ στερεώματι τῆς καθ' ἡμᾶς λήξεως ἀναδειξάντι. ὄρας γὰρ, ὦ βασιλεῦ, καὶ τὴν φαινομένην ταύτην σελήνην, ἣ καὶ τὴν βασιλίδα φθάσας ὁ λόγος παρήκασε, τὸν νυκτιλαμπῆ ἥλιον· ὅπερ γὰρ ἐν ἡμέραις ἐκεῖνος, τοῦτο ἐν νυξίν αὕτη· καὶ αὕτη ²⁵ γοῦν οὐ τὸ πρὸς ἡμᾶς ἀπνευθὸν ἔχει πρόσωπον μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ πρὸς τὰ ἄνω καὶ τὰ οὐράνια, ἡμῖν μὲν οὐχ ὀρώμενον, τοῖς δὲ ὑπὲρ αὐτὴν ἄστροις ὑπανακύπτον καὶ ἀντανίσχον. καὶ ὅτε μὲν πανσέληνος ἡμῖν καθοραῖται, ἀσέληνος τοῖς ἐκεῖθεν καταλαμβάνεται, ὅτε δὲ ἀλαμπῆς τοῖς ἐνταῦθα, ὀλοφαῖς τοῖς ὑπὲρ ἐκείνην γνωρίζεται. οὐ γὰρ ποτ' ἂν ὁ Δημιουρ- ³⁰ γὸς ὁ πάντα τὰ κατὰ τὴν κτίσιν μετὰ τοῦ οἰκείου κάλλους ἐκφήνας

1 καὶ post ἀποβαλὼν add. E. — 2 πορεύονται E || δύο om. E. — 4—5 νν. εἴτι — ὅτι om. E. — 4 αὐτοῖ P. — 5 ἐννοῶ μὲν P. — 6 συζυγίας P. — 12 ἔχει P. nonne legendum ἔχομεν? — 13 ὅλη om. P. — 15 βασιλεία ἠρπάγει P. || πρὸς τὰ ἄλλα E. — 17 τελείως E. — 18 τετραμμένον et καταλαμπόμενον P. — 19 ἐπεσχότῃται E || οὐτι P, ἔτι E. — 23 ὁ βασιλεῦ P pr., corr. ὁ βασιλεὺς. — 24 παρήκασε P, πολλὰκις ἐδήλωσε E. — 26 τὸ posterius om. E. — 30 ποτ' P, οἴ τ' E. — 31 τὰ om. E. || ἐκφήνας om. E.

α) Amos III, 3.

β) Zenob. I. 22 (Pargem. Gott. vol. I p. 7): ἄλλος βίος, ἄλλη διαίτα: ἐπὶ τῶν ἐπ' ἀμείνονα βίον μεταβαλόντων.

для праведныхъ жизнь. Къ ней она издавна приготовлялась, и въ продолженіи цѣлой жизни собирала себѣ надежныя и твердыя залоговѣ наслажденія лучшимъ — посредствомъ цѣломудрія упорядочивъ и согласивъ движенія своей души, при помощи разума сдѣлавъ ручною и послушною парю коней¹⁾, посредствомъ справедливости правильно разсудивши между настоящимъ и будущимъ — удѣляя первому мало вниманія, а склоняя больше вѣсы къ оному (будущему). Она поставила себѣ благоразуміе какъ наставника и совѣтника въ томъ, что дѣлать и чего не дѣлать; она вооружилась мужествомъ противъ всякихъ движеній, возбуждаемыхъ плотію противъ духа, и всю душу направляла къ желанію лучшаго.

25. Вотъ украшеніе царицы! Вотъ приданое, которое она принесла изъ дому жениху, и живя вмѣстѣ съ нимъ, отъ избытковъ умножила! Пусть воспоетъ ей божественный Давидъ: *предста царица одесную тебе* (Псал. 44, 10) и что слѣдуетъ далѣе. Пусть въ дополненіе воспоетъ и его сынъ: *мнози дщери*, многія царицы, *сотвориши силу*, ты же *надъ всеми* туземными и пришлыми *превознеслася еси* (Притч. Сол. 31, 30).

Сіе тебѣ, о божественнѣйшая изъ женъ и цариць, отъ старческихъ, отъ времени изсохшихъ устъ и ума, — для меня говорившаго многоцѣнное, хотя оно было сказано и выражено и недостойно твоего величія. Если оно (не) таково, претерпи и будь снисходительна. И конечно, ты претерпишь, какъ и при смерти рубище, и жесткую черную одежду и склоненіе отъ царской постели на голую землю, ради чего тебѣ открылись верхнія врата, и ты, при отверзтыхъ небесахъ, черная, но прекрасная предстала предъ трономъ благодати. Какъ прежде то, такъ и теперь ты претерпишь сію нашу рѣчь, какъ нѣкоторое самое убогое надгробное причитаніе.

1) Въ подлинникѣ игра словами: ἀλόγων можетъ значить «неразумныхъ» и «коней». Очень можетъ быть, что авторъ, говоря о парѣ коней, дѣлаемой ручною и послушною при помощи разума, намекаетъ на известное уподобленіе Платономъ человеческой души парѣ коней съ возницею, — парѣ коней, изъ которыхъ одинъ благороденъ и послушенъ, а другой противоположнаго нрава, вслѣдствіе чего дѣло возницы трудное и тяжелое (Федръ 246: В: καὶ πρῶτον μὲν ἡμῶν ὁ ἄρχων ξυνωρίδος ἡνιοχεῖ, εἶτα τῶν ἵππων ὁ μὲν αὐτῷ καλὸς τε καὶ ἀγαθὸς καὶ ἐκ τοιοῦτων, ὁ δὲ ἐξ ἐναντίων τε καὶ ἐναντίος. χαλεπὴ δὲ καὶ δύσκολος ἐξ ἀνάγκης ἢ περὶ ἡμᾶς ἡνιόχησις).

ἀφαιρεῖν τὸ ταύτης κάλλος καὶ πάλιν ἀποκαθιστᾶν καλὸν εἶναι καὶ δίκαιον ἢ αὐτῷ πρέπον ὑπέλαβεν, ὡς περ αὐτῆς καταψηφιζόμενος καὶ πάλιν ἀφίεις τοῦ ἐγκλήματος, αἰεὶ δὲ τῷ ἴσῳ μέρει, τουτέστι τῷ ἡμίσει τοῦ κύκλου, εἰ καὶ μὴ αἰεὶ τῷ αὐτῷ, ἐκλείπει τε καὶ φωτίζεται. τοῦτο γὰρ καὶ οἱ περὶ ταῦτα ἐσχολακότες φασίν, τοῦτο κὰν τῇ δημιουργίᾳ κάλλος ταύτῃ ἀπονενέμηται, 5 εἶνα καὶ τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω ἐπίσης ἑαυτὴν παραλλάξ ἐμπαρέχη καὶ φαίνηται.

24. Τεκμήρασθαι οὖν καὶ ἐκ τούτων ἡμῖν πάρεστιν ὅτι καὶ ἡ βασιλις ὡς περ τὰ καθ' ἡμᾶς παντοδαπαῖς κατελάμπρυνε χάρισιν, οὕτω καὶ τὰ ὑπὲρ ἡμᾶς ταῖς ἐπιβαλούσαις φαιδρότησι προσελήφθη καταφαιδρῦναι. καὶ 10 διὰ τοῦτο ἔδυνε μὲν ἡμῖν, τοῖς δὲ ὑπερκειμένοις ἐπέλαμψεν. ὅσῳ δὲ τὰ τῆδε τῶν ἐκεῖθεν ἡλάττωται, λέγειν οὐ δέσμαι. ὁ μὲν γὰρ ἔστιν ἰλύς — ὁ παρῶν βίος πρὸς τὸν ἐλπιζόμενον συγκρινόμενος — λάκκος, εἰρκτὴ ζοφερά τε καὶ ἀφεγγής· ἐκεῖνος δὲ πᾶν τούναντίον, αἰθρία καθαρά καὶ ἀνέφελος καὶ μό- 15 νοις ἀρμοζῶν ἀγγέλοις καὶ ταῖς μὴ σπιλωθείσαις ὅλως — εἴπερ τινές ποτε 15 τοιαῦται εἰσιν ἢ γεγόνασιν — ἢ διὰ μεταμελείας ἐμμελοῦς ἀποσπιλωθεῖσαι ψυχαῖς. καὶ τὸ σῶμα δὲ παγίς τῇ ψυχῇ ἄνωθεν τε γενομένη καὶ τῶν ἄνω ἐφιεμένη· τῇ δὲ τοιαύτῃ καὶ οὕτως ἐχούσῃ εὐγενείας καὶ κάλλους τίς οὐκ ἂν εἴποι ὅτι· προσκαλοῦ τὸ τὴν παγίδα μὲν συντριβῆναι, αὐτὴ δὲ ὡς στρουθίον ῥυσθῆναι καὶ ῥυσθεῖσα πρὸς τὰς ἄνω καλιὰς καὶ τοὺς ἀκηρά- 20 τοὺς ἐκείνους λειμῶνας πετερύξασθαι καὶ τῆς ἰλύος τοῦ βυθοῦ ἀνανηξαμένη καὶ τοῦ βόθρου ἀνελκυσθεῖσα καὶ τῆς φυλακῆς ἐκβληθεῖσα εἰς τὴν ἡτοι- 25 μασμένην τοῖς δικαίοις ζῶνι μετατάξασθαι. πρὸς ἣν κάκεινή ἐκ πολλοῦ παρεσκευάστο καὶ δι' ὅλου τοῦ βίου ἐχέγγυα ἑαυτῇ ἀσφαλῆ τε καὶ βέβαια τῆς τῶν κρειττόνων ἀπολαύσεως παρεσκεύασε, σωφροσύνη μὲν τὰ τῆς 25 ψυχῆς μέρη τάξασα καὶ ῥυθμίσασα καὶ χειροῆθη τῷ λόγῳ τὴν τῶν ἀλό- 30 γων ξυνωρίδα καὶ εὐήκοον καταστήσασα καὶ τῇ δικαιοσύνῃ δικαίως τοῖς παροῦσι καὶ τοῖς μέλλουσι διαιτήσασα καὶ ὀλίγα μὲν τούτοις προσέχουσα, τὰ πλεῖστα δὲ τὴν τῆς ψυχῆς πλάστιγγα ἐκείνοις παρέχουσα καὶ φρόνησιν 30 δὲ τῶν πρακτέων καὶ μὴ πρακτέων διδάσκαλον ἑαυτῇ καὶ σύμβουλον ἐπιστή- 35 σασα, ἀνδρισαμένη δὲ καὶ κατὰ τῶν ἐκ τῆς σαρκὸς ἀντεπεγειρομένων τῷ λογισμῷ παντοδαπῶν κινήματων καὶ τὴν ψυχὴν ὅλην πρὸς τὴν τῶν κρειτ- 40 τόνων ἐπιθυμίαν στομώσασα;

25. Οὗτος ὁ κόσμος, οὗτος ὁ πλοῦτος τῆς βασιλίδος, αὐταὶ αἱ φερναὶ

1 ἀφερεῖν P.—2 αὐτῷ P, ἐαυτῷ E.—3 ἐγκλήματος E || τοῦ κύκλου τῷ ἡμίσει E || ἡμισυ P.—4 τε om. E.—5 δημηγῶρω E.—8 ἡμῖν ἐκ τούτων E. — 10 ταῖς om. E. — 11 τοῖς δ' E. — 12 οὐ δέσμαι P, ἐνδέσμαι E. — 16 μετανόις ἐμμελῶς E. — 19 πρὸς κελοῦ E || αὐτὴν PE. — 20 ῥυσθεῖσαν PE. — 21 ἀνανηξαμένην E. — 22 ἀνελκυσθεῖσαν E. || καὶ τ φ. ἐκβλ. om. E. — 25 σωφροσύνης P.—32 κινήματων E, αἰνιγμάτων P.—33 στονώσασα PE.

ἀς οἰκοθέν τε τῷ νυμφίῳ προσήγαγε καὶ συμβιοῦσα ἐκ τοῦ περιόντος ἐπηύξησε! Προσαδέτω τούτοις ὁ θεὸς Δαυὶδ τὸ «παρέστη ἡ βασίλισσα ἐκ δεξιῶν σου»^{a)} καὶ τὰ τούτων ἐχόμενα· προσφωνεῖτω καὶ ταύτῃ ὁ τούτου υἱὸς τὸ «πολλαὶ θυγατέρες, πολλαὶ βασιλίδες, ἐποίησαν δύναμιν, σὺ δὲ πασῶν (τῶν τε αὐθιγενῶν καὶ ἐπηλύδων) ὑπερκεῖσαι»^{b)}. Ταῦτά σοι, ὦ θειο- 5
 τάτῃ καὶ γυναικῶν καὶ βασιλισσῶν, ἐκ γηραλέου καὶ τῷ χρόνῳ ἀπομεμα-
 ρασμένου λόγου καὶ στόματος, πολλοῦ μέντ' ἀντάξια τῷ εἰρηκότι ἐμοί,
 εἰ καὶ τῆς σῆς ἀναξίως μεγαλειότητος εἶρητο καὶ τεθρήνητο. ἐπεὶ δὲ οὐ
 τριαῦτα, ἀνάσχου καὶ φιλοσόφησον· ἀνάσχη δὲ πάντως, ὡς καὶ τὸ ἐπὶ θα-
 νάτῳ ῥάκος καὶ τὸ τραχὺ μέλαν ἱμάτιον, ὡς τὴν ἐπὶ ψιλοῦ τοῦ ἐδάφους 10
 ἀπὸ τῆς βασιλικῆς κλίνης κατάκλινιν, δι' ἃ σοι ἐπήρθη καὶ τὸ ὑπέρθυρον
 καὶ τῶν οὐρανῶν ἀνοιγέντων μέλαινα μὲν ἀλλὰ καὶ καλὴ τῷ ἤθρῳ προσῆλ-
 θες τῆς χάριτος. ὡς οὖν ἐκεῖνα τότε, οὕτω καὶ νῦν τὰς παρούσας καρτερή-
 σεις φωνάς οἷόν τινας εὐτελεστάτας ἐπιταφίους φωνάς.

2 τούτω P. — 3 πρυσχδέτω E. || τχῦτ(α) P. — 5 τε om. E. || ἐπικλύδων P. —
 6. 7 ἐκμεμαρασμένου E. Reliqua desunt in P. — 8 ἐπεὶ δὲ οὖν? — 14 οἷάς τινας E.

a) Psalm. XLIV, 10.

b) Proverb. Salom. XXX, 30.